

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ
ЯПОНИИ
ЯПОНСКИЙ ФОНД**

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН

МОСКВА—1996

ББК 71.4.
Я 98

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

И.П. Лебедева (гл. IV §§1, 2, 3); С.Б. Маркарян, Э.В. Молодякова (гл. I, II §§ 2, 3); Т.Н. Матрусова (гл. II § 1, гл. IV § 4); К.О. Саркисов (вместо предисловия, гл. III, V).

Научный руководитель и ответственный редактор
кандидат исторических наук К.О. Саркисов

Редколлегия:

*доктор экономических наук С.Б. Маркарян,
доктор исторических наук Э.В. Молодякова*

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.А. Попов,
доктор исторических наук Г.Б. Навлицкая*

*Издано при содействии Японского фонда
и Посольства Японии в Российской Федерации*

Японский феномен. М. — РИО Института Востоковедения РАН.
1996 г., 180 с.

Японский феномен... Эти слова уже стали привычными применительно к удивительной стране, органично сочетающей традиции и современность, материальный прогресс и многовековые духовные богатства. Но в чем существо этого феномена? ~~Каковы его~~ **Каковы его корни?** Как он появился и эволюционировал с течением времени? На эти вопросы отвечают ведущие российские японоведы в своей новой книге, охватывающей все основные компоненты изучаемого явления — общество, государство, экономику, культуру и многое другое.

© Институт востоковедения РАН, 1996
© Центр по изучению современной Японии, 1996
ISBN 5-89282-015-7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Японский феномен» — коллективная монография, выполненная в Центре японских исследований Института востоковедения Российской Академии наук. Заголовок этой книги некоторым, возможно, покажется претенциозным. Но мы, авторы монографии, убеждены, что подобная постановка проблемы вполне корректна. И вот по какой причине.

Вряд ли можно оспаривать феноменальность результатов, которых добилося японское общество в послевоенные годы. Занимая меньше трех процентов территории земного шара и составляя чуть больше двух процентов его населения со средней плотностью в десять раз превышающей плотность населения в США, в два с половиной раза в Китае и даже выше чем в Индии при практическом отсутствии природных ресурсов страна производит около одной пятой мирового ВВП.

По своей экономической мощи она уступает только США, но более чем в два раза превосходит Германию, в три раза Францию, в семь раз все страны СНГ вместе взятые.

Но дело не только и не столько в количественных показателях. По некоторым качественным параметрам японская экономика занимает первые позиции в мире. Она наиболее «экономная» из всех экономик мира (помните знаменитое брежневское выражение, что экономика должна быть экономной?) Используя тонну топлива, страна производит в три раза больше, чем США и в два раза, чем Германия и Франция.

Она также удивительно динамична. За четверть века, с 1966 по 1990 гг., темпы ее роста в два раза были выше чем у Германии и более чем в два раза у США. Как-то за один только год она подросла более чем на двадцать процентов. Такой прыти не знали нынешние дальневосточные «тигры». Страна пережила жесточайшие кризисы 1973-1975 гг., 1979 г., 1985 г., когда резко возрастали цены на нефть и менялся курс иены. Но каждый раз после этого она выходила еще более сильной и способной преодолевать очередное испытание.

Вот только нынешний спад явно затянулся, и «что-то неладно в японском королевстве». Но не следует драматизировать ситуацию, и рано хоронить японское «чудо». Есть все основания полагать, что страна преодолет нынешние трудности и выйдет на новый виток.

Прежде всего следует отметить феноменальный уровень массивных «стратегических», по выражению одного из наиболее глубоких знатоков современной японской экономики Кеннета Куртиса, инвестиций в новую технику и технологию. Во второй половине 80-х годов они в абсолютных цифрах вдвое (!) превышали аналогичные инвестиции в США. Сейчас произошло их заметное сокращение, но все же они на уровне или чуть ниже американских.

Огромные возможности роста предоставляет научно-технический прогресс. Считается однако, что в этой сфере Япония сильно отстает от США. Это так, но японцы не только уверенно занимают вторые позиции, но и прикладывают значительные усилия, чтобы догнать лидера. И за последние годы им удалось сделать очень много. Инвестиции в гражданские НИОКР на душу населения в Японии вдвое превышают аналогичные показатели в Америке.

В Японии больше научных кадров на единицу трудового населения чем где-либо. По числу защищаемых кандидатских и докторских диссертаций Япония почти в четыре раза отстает от США, но опережает европейские страны, в частности, Францию в два раза и почти в два раза Англию.

Уровень образованности японцев очень высокий. И это черта японского общества, имеющая исторические и социо-культурные корни. Даже в эпоху позднего феодализма в закрытой от внешнего мира стране половина населения была грамотной. Сейчас практически все население имеет неполное среднее образование (девять лет). Из них 95,7 процента продолжают учиться во второй ступени средней школы (три года). Учебу в вузах продолжают почти каждый второй юноша и пятая девушка, а из закончивших вузы около 11% юношей и 6% девушек продолжают учиться в аспирантуре.

Как свидетельствует история, все страны проходят пять стадий зрелости, когда в их экспорте вначале преобладают люди (эмиграция), затем сырье, далее готовая продукция, потом капитал и наконец — идеи. Японцы уже с третьей переходят на последние две ступени. Страна превращается в крупнейшего экспортера идей и технологий. Пока значительно уступая по этому показателю США, она в два, два с половиной раза превосходит европейские страны. Показательно и то, что почти четверть регистрируемых на американском рынке патентов — японского происхождения. Это больше чем удается сделать всем европейским странам вместе взятым.

Распространенным заблуждением является и то, что японская экономика живет в основном за счет внешней торговли. Ее доля в ВВП в Японии значительно ниже чем у других развитых стран. Это мощный сбалансированный механизм, в которой наряду с традиционными отраслями процветают отрасли новейших технологий.

Страна занимает первое место в мире по выплавке стали. Здесь изготавливается почти половина всех судов в мире, четверть всех автомобилей и обрабатывающих станков, более шестидесяти процентов промышленных роботов. По производству компьютеров и компьютерной техники она незначительно уступает только США, но опережает всю Азию и все европейские страны.

Накапливаемое за счет экономических достижений национальное богатство позволяет осуществлять эффективную социальную политику. И хотя по целому ряду важных социальных показателей японцы уступают американцам и европейцам, а темпы роста жизненного уровня отстают от темпов экономического роста, сдвиги в социальной сфере все же феноменальны.

Среди стран развитой рыночной экономики здесь самый низкий уровень безработицы. В течение длительного периода он был ниже 3% и лишь в конце 1995 г. превысил немного этот уровень. В Японии безработица, за исключением первых послевоенных лет никогда не была серьезной социальной проблемой. Экономическая политика всегда строилась таким образом, чтобы избежать этого, а социальная стабильность была неизменно приоритетной для государства и общества.

Существенно улучшилось качество жизни. Если в это понятие включить такие параметры, как уровень реальной заработной платы, структура потребления, жилье, состояние семьи и семейных отношений, здравоохранение, продолжительность жизни, образованность населения, длительность рабочего дня и отдыха, условия труда, структура отдыха, доступность и свобода информации, защищенность прав человека, личная безопасность, состояние окружающей среды — по всем ним можно отметить значительный прогресс.

Разумеется, эти же явления можно наблюдать и в других развитых странах. Но именно в случае с Японией мы имеем дело с наиболее разительными и быстрыми переменами. И не следует забывать, что японское общество относится к так называемому догоняющему типу — прошло всего лишь сто с лишним лет как феодальная страна открылась миру и, поняв, что серьезно отстала, встала на путь, который у нас когда-то формулировался как «догнать и перегнать».

Стабильность японского общества достигается и за счет недопущения слишком большой разницы между бедными и богатыми. Целый ряд налоговых и прочих законодательных мер направлен на выравнивание разницы в доходах и уровне жизни между бедными и богатыми. Разница между ними в Японии в два раза меньше, чем в США.

Социальная устойчивость объясняет и низкий уровень криминализации общества. Уровень преступности здесь намного ниже чем в США и в Европе, а эффективность полиции намного выше.

Экономические и социальные достижения в Японии, ее «постиндустриальный образ», воплощенный в современных городах, проникновение самых новых достижений техники в повседневный быт соседствуют с бережным отношением к элементам традиционной культуры. Все основные черты этой культуры не исчезают, а трансформируются, наполняясь новым содержанием. Секрет японских достижений — в умении синтезировать прошлое с настоящим, находить их оптимальные пропорции.

Где-нибудь в переулках Гиндзы вид молодой японки в кимоно в маленьких изящных *гета* или *дзори* за рулем суперсовременного напичканного электронной автомобилем и разговаривающей по телефону сотовой связи не воспринимается как чудовищная эклектика, а выглядит как вполне гармоничная и даже по-особому эlegantная картинка.

Японцы могут гордиться не только достижениями в технике и технологиях. Значителен их вклад в мировую культуру. Немалое число всемирно известных архитекторов, художников, дизайнеров но-

сят японские имена. Все больше их в симфонических оркестрах в Европе и Америке. Идет настоящее наступление японских кутюрье в Париже. Двое японцев за последние четверть века стали обладателями Нобелевской премии в области литературы.

Японцам в целом не свойственно национальное чванство, только в самое последнее время у некоторых из них появился комплекс превосходства. Большею частью они склонны принижать свои достижения, и это не столько дань этической традиции самоуничтожения, сколько стремление не впасть в эйфорию и сохранить форму. Кроме того, они по-прежнему не считают зазорным учиться у других и заимствовать чужой опыт, от которого они еще очень зависят.

Идея XXI века как века Японии родилась не в ней, а за рубежом, и воспринята была не столько как похвала, сколько как провокация — стремление вызвать антияпонские настроения в Америке и в Европе. Японцы лучше других понимают, что им не стать «пупом земли», да и не в этом национальная задача. Быть среди первых — вот в чем цель. И не для удовлетворения тщеславия, а просто это единственно возможная формула выживания и благополучия нации, поставленной в такие условия, в которых она исторически оказалась. Либо быть на задворках цивилизации и влачить жалкое существование, либо, используя голову и руки, быть впереди. Быть где-то посередине не дано. Для этого в недрах нет нефти, газа, золота и прочих богатств, которые позволяют некоторым странам без особых усилий обеспечивать благополучие нации. Да и геополитически страна имела только два выбора — либо стать великой державой, либо чьим-то вассалом.

Авторы монографии тоже меньше всего хотели бы идеализировать Японию. Идеальных обществ и стран нет. Япония не исключение. В ней много проблем и изъянов. Когда вы заговорите с самим японцем об этом, он найдет кучу недостатков — как мелких, так и серьезных. Последние события — «газовый терроризм» в метро, замедленная реакция государственных служб во время землетрясения в районе г. Кобэ, стоявшая жизни тысячам, свидетельствуют о том, что не все благополучно.

Замысел предлагаемой книги не в том, чтобы на ювелирных весах взвесить все плюсы и минусы, а привлечь внимание к сильным сторонам японского общества, попытаться хотя бы контурно понять, в чем «секрет» его эффективности. Мы также далеки от мысли пропагандировать японскую модель как универсальную, которой следует подражать. Увы, ее главный элемент — человеческий фактор, этнокультурные и социо-психологические особенности, — не поддаются копированию.

Но собственно, как учит японский опыт, этого и не следует делать. Никогда здесь не перенимали ничего автоматически. Восприятие позитивного зарубежного опыта пропущалось через своеобразное «сито» национального самосознания. Все, что годилось и, главное, было социально эффективным, воспринималось, перерабатывалось, сублимировалось в свое, национальное. То, что было неприемлемо, отвергалось, но без ожесточенности или маниакальной преубежден-

ности. Более того — «инородное» могло оставаться на какое-то время в социальном обиходе. Но уже скорее как курьез или дань моде. В Японии можно найти все течения и модные увлечения современного века. Это нередко вводит в заблуждение аналитиков, которые вдруг начинают говорить о «разрушении» японской культуры, ее вестернизации и прочем. На самом же деле «ядро» собственно японской культуры остается крепким и без заметных признаков эрозии.

Итак, главный урок японской модели достоин изучения: эффективным бывает только то национальное или многонациональное общество, которое умеет соединить воедино национальную культуру с новыми постоянно нарождающимися элементами общецивилизационного развития.

Это позволяет не только «держаться на плаву», но и быть глобальным лидером, решать национальные проблемы и активно участвовать в решении общечеловеческих проблем, уверенно смотреть в перспективу грядущего века.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Базовые компоненты становления общества

В современных условиях, когда самые различные народы сознают потребность заявить о своей этнической уникальности, обращение к проблемам формирования японского общества представляется исключительно важным, прежде всего ввиду грандиозных успехов этой нации во многих сферах деятельности.

Исторического и исследовательского материала, который, казалось бы, дает полную возможность нарисовать картину формирования общества, достаточно много. Тем не менее до сих пор не сложилось целостного представления о том, как шел процесс становления японского этноса, связанный с типом личности, что лежало в его основе и было движущей силой.

В данной работе этот вопрос рассматривается больше в плане теоретическом, а не конкретно фактографическом, в рамках этнологии, а не этнографии, антропологии и археологии. Используя данные этих дисциплин как базу для исследования, мы оставляем их за скобками, будучи ограниченными как конкретным предметом изучения, так и жанром и объемом настоящей работы.

Для анализа поставленной проблемы наиболее продуктивным представляется использование системного подхода, впервые примененного отечественным историком Л.Н. Гумилевым для исследования вопросов возникновения и развития этноса. Суть системного анализа состоит в том, что внимание сосредоточено прежде всего на связях компонентов, явлений, личностей. По определению американского ученого Л. фон Берталанфи, впервые сформулировавшего это понятие, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»¹.

При характеристике любого общества следует учитывать всю совокупность природных, географических, биологических, экономических, политических, культурных и религиозных категорий. Каждый этнос, народ и государство существуют в определенном пространстве, которое включает географическое положение, ландшафт и этническое окружение. Характер этого пространства накладывает отпечаток на географическое сознание, мироощущение и

¹ Берталанфи Л. Общая теория систем — критический обзор. Л., 1969, с.28.

мировосприятие, другими словами на этнопсихологический настрой народа, а на более высоком уровне — формирует в известной мере и его политическое сознание. Природная среда оказывает также чрезвычайно сильное влияние на хозяйственную деятельность общества, его уклад, определяет направление развития. Всем этим факторам испокон века придавали значение философы и историки — от Аристотеля, Геродота, Страбона до Токвиля и Гумбольдта.

Географическое положение (суша-море, остров-континент) напрямую соотносится со спецификой каждого этноса. Менталитет японцев, в отличие от народа другой классической островной страны — Англии, можно скорее определить как континентальный (впервые эту мысль высказал один из основоположников геополитики К.Хаусхофер). Действительно, Япония на протяжении веков, несмотря на островное положение и небольшую территорию, была в принципе теллурократическим государством. Свидетельством этому является устойчивый интерес к проблемам континента, не говоря уже о заимствовании достижений китайской цивилизации, а также отсутствие у центральной власти на протяжении веков морского флота (хотя японские пираты были грозой на морских путях у берегов Китая и даже поднимались по Янцзы). Англия всегда представляется ярко выраженным талассократическим государством, но нельзя абсолютизировать и ее талассократию поскольку эта страна вплоть до XVI в не только проявляла большой интерес к континенту, но и имела там владения.

Впоследствии реставрация Мэйдзи и связанные с ней модернизация и европеизация Японии внесли серьезные коррективы в континентальный менталитет японцев, который формировался, в первую очередь, глубинным долговременным влиянием Китая, а в последние 100-120 лет — и Евразии в целом. Но это влияние — в отличие от континентального на Англию — осуществлялось всегда мирным путем. В этом, очевидно, и заключается причина такого, казалось бы, парадоксального явления — островная страна с континентальным менталитетом.

Из всех составляющих географической среды с возникновением и существованием этноса наиболее тесно связан ландшафт. Он фактически является неотъемлемой частью этнической системы, ибо каждый этнос адаптируется к окружающим его природным условиям. Но приравливаясь к ландшафту, человек одновременно приспосабливает его к своим потребностям. Люди творчески подходят к изменению окружающей среды, создавая уже антропогенный ландшафт (архитектура городов, поселений, плотины, дамбы, дороги и пр.), который в значительной мере зависит от характера деятельности каждого народа.

Возникновение японского этноса подтверждает вполне справедливое замечание Л. Гумилева, что он зарождается по преимуществу там, где природные условия разнообразны. Японские острова вытянулись с севера на юг тонкой цепочкой на протяжении 3,4 тыс. км. Отсюда — удивительное разнообразие природных и климатических условий, ярко выраженное изменение температуры,

ветров и осадков в зависимости от места и времени года. Японцы издревле склонны были восхищаться сменой времен года, видя в этом неповторимое очарование. «Мое единственное желание в жизни — видеть красоту меняющихся сезонов», — писал классик японской средневековой литературы Камо-но Тёмэй (1155-1216). Соотнесенность жизни человека с природой — один из ведущих эстетических принципов различных областей японской культуры. Природа «это то, что, — по образным словам великого поэта Басё (XVII в.), — роднит все... виды искусств». С ней связано и большинство национальных праздников. Более того и в быту поведение японцев, их настроение и даже одежда гармонируют с временами года.

Восприятие рельефа, климата и сезонных явлений находит всеобъемлющее отражение в культуре. По точному замечанию французского ученого О.Берка, в японском мирозерцании культура, особенно произведения искусства, воспринимаются как высшее выражение природы, она сама — как завершение культуры. Природа в его понимании есть «то, что не имеет смысла ни благодаря человеку, ни для него и тем не менее присутствует в человеке и вокруг него»². В подтверждение такой точки зрения автор приводит, в частности, понятие *фудо*, означающее одновременно и климат, и состояние нравов.

Неразрывность культуры и природы наиболее наглядно можно заметить в искусстве разбивки японских садов — копирование природных ландшафтов. Например, пруды в саду Храма мхов (Сайходзи) или Золотого павильона (Кинкакудзи) в Киото повторяют небольшое озеро у подножия горы Ходака в преф. Нагано. Одной из характерных черт японского градостроительства является следование естественной топографии местности, что проявляется в хаотической застройке, в стремлении вписывать здания в окружающий ландшафт. В целом понятие природы у японцев имеет этико-эстетический характер.

Разнообразие ландшафта и климатических условий самым тесным образом связано также с особенностями хозяйственной деятельности. Достаточно упомянуть японское сельское хозяйство с его ставшими символами страны небольшими клетками залитых водой рисовых полей и возделанными террасами на горных склонах. Во взаимодействии с ландшафтом у японцев рельефно просматривается не только потребительское, но и охранительное отношение. Свидетельство тому — разрешение в значительной степени проблемы защиты окружающей среды в настоящее время.

Понять характер японского общества невозможно без учета его мифологизированной истории. Речь идет о космогонических мифах, повествующих о происхождении мира, об «эре богов», о космологических легендах, рассказывающих о дальнейшем устройстве этого мира и возникновении японской государственности. Подражание действиям богов, демонов или героев способствовало сакрализации человеческо-

² Berque A. Le sauvage et l'artifice: Les Japanese devant la nature. P., 1986, с.48.

го существования и космоса и как бы давало человеку власть над миром. «Миф является истинной историей, которая произошла в начале времени и которая служит моделью человеческого поведения... Мы всегда современники какого-либо мифа, когда его рассказываем и когда имитируем жесты или поступки мифических персонажей»³.

Не менее важным для мировоззрения японцев оказались понятия стихии или первоэлементов (вода, огонь, земля, дерево, металл), присущие китайской философии, а также категории сакральной географии — суша-море, гора (как самая чистая часть земли и место ее соединения с небом) и восприятие Востока как *ян* и Запада как *инь*, согласно китайской традиции.

Конкретное содержание мифов, как и у других народов, отражает взаимоотношения древних японцев с силами природы и повествует о таких важнейших событиях в их жизни, как смена матриархата патриархатом, формирование семьи и общества, норм поведения, возникновение государства. Запись мифов производилась непосредственно по инициативе императора Тэмму (VIII в.), ощутившего необходимость укрепления императорской власти не только военным или экономическим, но и идеологическим путем. Как пишет академик Н.И. Конрад, «Устанавливая приоритет императорского дома, бывшего по существу лишь одним из наиболее могущественных среди всех прочих домов родовых старейшин, Кодзики («Запись о делах древности») способствует централизации государственной власти в Японии, помогает идеологически тому процессу, который уже шел полным ходом в областях экономической и политической. Наделяя монархов божественным происхождением от самой Аматэрасу, Кодзики делает возможным установление прочного общегосударственного культа, как средства той же централизации и общего «огосударствления» Японии. Кодзики укрепляет позиции центральной власти и исторически, и политически, и религиозно»⁴.

Основу мифологизированной истории страны составляет концепция появления архипелага и затем государства не в результате творческого акта богов (как это постулировано в религиях единобожия), а в результате рождения, т.е. естественного акта. Пользуясь терминологией М.Элиаде, японская мифология обладает биокосмической перспективой. Эта концепция предполагает тесные связи между таким происхождением страны и светской властью с момента зарождения. «Другими словами, — пишет социолог Исида Такэси*, — японская мифология рассматривает вселенную как естественное сформированное органичное бытие, впитавшее в себя светскую политику и биокосмическую энергию, позволяющую ей самостоятельно развиваться»⁵. Светская власть в этом контексте представлена сакральной императорской, ведущей происхождение от богов-создателей островов к царствующим императорам.

³ Элиаде М. Космос и история. М., 1987, с.44.

⁴ Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. М., 1991, с.61, 62.

* Сохранен японский порядок написания — сначала фамилия, затем имя.

⁵ Takeshi Ishida. The Integration of Conformity and Competition. Tokyo, 1980, с.14.

Японские космогонические мифы соответствуют одному из основополагающих понятий сакральной географии — суша-море. Японские острова были созданы верховными божествами местного пантеона — парой Идзанаги и Идзанами. Дочь Идзанаги — Аматаэрасу (богиня солнца) становится прародительницей нации и покровительницей земледелия — основы существования населения. В своих небесных владениях, как гласит легенда, она возделывает рисовое поле, как это до сих пор делают и простые землепашцы, и император, чья родословная восходит к этой богине.

Мифы соединяют богов с предками людей. В результате в национальной религии — синто (путь богов) оформились два достаточно отличных друг от друга аспекта — народные верования, связанные по большей части с природой, и культ национальных царственных предков. Последний дал толчок зарождению в позднее среднековье самобытной «японской идеи» и становлению в XIX в. государственного синто.

Император как первосвященник, обладающий магической силой общения с божествами, сохранял свое место в иерархии общества, даже будучи отстраненным от политической власти. Во многом это сохранило роль синто как общей для всех японцев идеологии даже в период укоренения и широкого распространения буддизма и конфуцианства.

Поведение людей и их взаимоотношения в обществе в немалой степени определяются религией и религиозно-философскими учениями. Они, по характеристике крупнейшего социолога XX в. М.Вебера, являются своего рода «вектором их социального поведения». Ученый делит религии и морально-этические учения по принципу их отношения к жизни на три группы: приспособляющиеся к миру — конфуцианство, даосизм, убегающие от мира — буддизм и индуизм и овладевающие миром — иудаизм и христианство. «В каждом из этих способов отношения к миру уже заключен, как в зародыше, соответствующий «образ» и «стиль жизни» людей — этически определенная модификация формы их существования»⁶.

Синто на первых порах не являлся религией в строгом смысле этого слова. В нем не было четко разработанных канонов и догм, конкретных основателей и пророков, что свойственно любой мировой религии. В этих религиях, где на первый план выдвигается индивидуальное начало, ритуально-культульная сторона, связанная с групповыми формами существования общества, отходит на второй план. В синтоизме же она — преобладающая. В целом для него характерен сравнительно низкий теоретический уровень, а в его верованиях нет элемента всеобщности. Синтоизм принадлежит только японцам.

Он представляет собой своего рода мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм, которые пронизывают повседневную жизнь народа. Поэтому синто можно рассматривать

⁶ Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности. В кн.: Вебер М., Избранные произведения. М., 1990, с.762.

как форму мировосприятия. Культ природы в нем отражает рациональное отношение к миру, а культ предков — иррациональное.

Первый появился в значительной степени из традиционно уважительного отношения японцев к природе, своего рода почтения к ней. Согласно синто, природный объект персонифицировался как святой или как божественный, а природные явления приписывались деятельности богов — *ками*. Магические культовые обряды этой стороны синто преследовали посясторонние цели: регулирование погоды, обеспечение плодородия и других материальных благ, исцеление от болезней, изгнание злых духов и пр., т.е. «относительно рациональное», по М.Веберу, действие. Культ предков — иррациональная, но имеющая огромную социальную силу, сторона синто. В нем отражалась иерархическая структура реального японского общества. «Отношение японской религии к миру как к конечной реальности содержит зерно двух различных направлений веры и поклонения: одно обращено к природе как к загадочному источнику всей жизни и щедрому дарителю изобилия; другой — к сонму предков, присутствии которых продолжает ощущаться в этом материальном мире».

Отсутствие канонов и догм в синтоизме делало его открытым для восприятия буддизма, конфуцианских и даосистских морально-этических норм (пришедших в VI в.), а также христианства (впервые появившегося в XVI в.) В результате сложилась широкая панорама различных религий. По образному выражению специалиста по японской философии Фудзисава Такао, «синто — это корни и ствол, конфуцианство — листья и ветки, а буддизм — цветы и плоды»⁸.

Бесконфликтное приятие конфуцианства и даосизма легко объясняется их общим с синтоизмом адаптивным мировосприятием. В то же время, несмотря на отсутствие в японской традиции веры в трансцендентное (у японцев достаточно земной склад ума), они охотно приняли буддизм, который затронул главным образом духовную жизнь и культуру. Точкой соприкосновения синтоизма с буддизмом явилось их адекватное отношение к предкам. Согласно синтоизму, души ушедших «остаются» с живыми на земле, в буддизме, хотя они и уходят в «чистую землю», но затем, перевоплотившись в других людей, возвращаются. Достаточно мирное сосуществование этих двух религий привело к синто-буддийскому синкретизму, в котором на протяжении многих веков, вплоть до XVII столетия, господствующее положение занимал пришедший извне буддизм. Он же, как и вся континентальная культура в целом, оказал влияние на формирование синтоизма уже как религии.

Синто-буддийский синкретизм не стал философским учением, сохраняя религиозный, эзотерический, мифологический характер. Проявлением этого синкретизма в духовной сфере было признание общеизвестных японских божеств бодхисатвами. А материальным его

7 Мараини Ф., Япония. Образы и традиции. М., 1980, с.14.

⁸ Fujisawa Chikao. Zen and Shinto. The Story of Japanese Philosophy. N.Y. 1959, с.2.

воплощением служило возведение совместных храмов. Однако внутри синкретизма начиная с IX в. намечается оппозиция синтоистских священнослужителей, стремившихся обосновать почитание исключительно японских божеств, пропагандировать историю «эры богов», что впоследствии привело к уже упоминавшемуся государственному синто. Появление синтоистской оппозиции было связано с ослаблением влияния буддизма в стране, усилением роли синто в национальном самосознании и становлением национальной идеи. Японская идея, ядром которой являлась императорская власть, с одной стороны, опиралась на синто, а с другой — способствовала его развитию, т.е. наблюдалась обратная связь.

Конфуцианство до позднего средневековья также не представляло собой в Японии самостоятельного мировоззрения и философскую мысль, но стало важнейшим элементом воспитания, способствовало утверждению китайских государственных институтов и идеологии. Первоначально его широкое распространение среди японского аристократии (IX в.) было своего рода реакцией на засилье буддизма в защиту синто. Но тем не менее складывался синто-буддийско-конфуцианский синкретизм. С синто его сближало то, что, по справедливому определению японского философа Нагата Хироси, «конфуцианство как таковое с самого начала представляло собой «разжиженное религиозией» идеалистическое мировоззрение, представляло такую идеалистическую философию, которая порой содержала в себе элементы религии; и потому оно теоретически обосновывало религию как «почитающую духов и божеств»⁹.

Как самостоятельная идеология японское конфуцианство утвердилось в период Токугава (1603-1868 гг.). Оно сложилось в условиях развития городов, среди самурайства и характеризовалось религиозной (нередко сочетаясь с синто), этической и социально-экономической (теория управления государством и подданными) направленностью. Хотя конфуцианство и утверждало самостоятельность разума по отношению к вере, оно не опиралось на достижения естественных наук, а служило, главным образом, сохранению феодального строя с его иерархией, слепо придерживаясь традиционных китайских доктрин.

Укоренение конфуцианства было связано с потребностью развитого феодального общества утвердить — в отличие от диктуемого буддизмом иллюзорного восприятия мира — новые взаимоотношения людей, более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Ритуалу придавался объективный характер, ибо его нельзя было вывести из субъективного «врожденного знания» любого человека. На этой концепции ритуала был основан, в частности, Бусидо (путь самурая). Значимость ритуала во всех сферах деятельности японского общества, т.е. конфуцианские нормы повседневной жизни, сохраняются и по сей день.

⁹ Нагата Хироси. История философской мысли Японии. М., 1991, с.107.

Из всех течений конфуцианства японскому обществу наиболее близким оказалось чжусианство с его критическим осмыслением канонических текстов и пристальным вниманием к природным явлениям. Будучи строго систематизированным учением, оно более всего отвечало интересам самурайства, утверждению кодекса классовой морали, основанной на принципах сословности.

Сложившееся к концу периода Токугава под воздействием всех вышеизложенных факторов японское общество в немалой степени соответствовало концепции двух традиций — Традиции с большой буквы и с малой. Традиция с большой буквы — тайное (эзотерическое) знание, полученное через Откровение (которое лежит в основе всех религий) и передаваемое путем Посвящения из поколения в поколение. Ее нельзя описать словами. Именно проявлением такой Традиции является идея божественного происхождения японской нации, ее исключительности, т.е. идеология японизма. Традиция с маленькой буквы — то, что можно выразить словами, что связано с повседневной жизнью. Иначе говоря, существует Традиция сакральная и традиция профанная.

Традиция сакральная — явление тотальное, т.е. охватывающее не только отдельные стороны жизни, но и всю совокупность земной и космической реальности. Синтоизм для Японии и есть Традиция. Традиция с маленькой буквы — это ритуал, мораль, быт, нравы, обычаи. Концепция двух традиций является основой мировосприятия японского общества. Традиция — это достаточно общий образ действия, по мнению русского философа Игнатъева, «разделяемый личностью или обществом в качестве естественного и само собой разумеющегося пути к достижению каких угодно частных целей... Традиция является не просто бытовым или хозяйственным институтом, но универсальным и интегрированным механизмом, организующим любые социальные роли в соответствии с определенными императивами поведения...»¹⁰. Или, как кратко определил Ш.Айзенштадт (Еврейский университет, Иерусалим, социолог, представитель структурно-функциональной школы), она — «резервуар самых главных черт социального и культурного быта общества или цивилизации»¹¹.

В соответствии с характером японского общества традиция, хотя в основе своей и является консервативной, допускает восприятие нового. Это обеспечивает постоянный динамизм. Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации самих традиций. Новые элементы лишь добавляются к старой структуре, существуют параллельно с ней, никогда не разрушая ее. Постепенно видоизменяясь, они приводят к перестройке всей системы. Иногда этот процесс идет настолько бурно, что порождает обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. На самом же деле развитие японского

¹⁰ Вопросы философии. 1991, № 4, с.8.

¹¹ Общественные науки за рубежом. Сер. 9, 1982, № 3, с.47.

общества осуществляется не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования. Поэтому часто трудно разобратся, что в нем является самобытным, а что заимствованным, поскольку все соединилось в монолитный сплав и приобрело принципиально новое качество. Примечательно, что интегрируя культуру других народов в свои традиции, Япония тем самым часто сохраняла, то, что оказывалось утраченным впоследствии в их странах.

Этот сплав традиций наиболее полно проявился в национальном характере японцев и в достаточно стройной системе их ценностных ориентаций. В национальном характере любого народа можно выделить общезнательные черты на макроуровне и на микроуровне — социальные и бытовые. В первом случае у японцев это — трудолюбие, любовь к природе, обостренное чувство прекрасного, приверженность традициям, чувство национальной гордости и достоинства, готовность к самопожертвованию, практицизм, стремление к заимствованиям. Далеко не благоприятные природные условия (тайфуны, цунами, землетрясения и пр.) выработали у них стойкость к перенесению невзгод, коллективизм, взаимопомощь в преодолении стихийных бедствий, оптимизм, мобилизационные способности. Во втором — высокий уровень дисциплинированности, уважение к старшим по возрасту и положению, чувство долга по отношению к своей социальной группе, а также вежливость, любознательность, скромность, терпение, выносливость.

Своего рода религиозное отношение к природе и красоте сделало японцев чрезвычайно эмоциональными, и хотя в повседневной жизни им присущи сдержанность, самоконтроль, умение сохранять спокойствие, они отнюдь не равнодушны. «Стоит переступить определенный порог, отметку, температуру, как наступает взрыв, происходит неожиданное превращение нимба спокойного утреннего света в угрожающую корону неистового пламени. Это может случиться во время работы, игры, в спорте, в любви»¹².

Восприимчивость к новому и приверженность к старому формируют одну из важнейших черт японского характера — традиционализм, который органично сочетается с рационализмом и практицизмом. Японцы полагают, что смысл жизни состоит в конкретной деятельности, а не в рассуждениях о трансцендентности. Рационализм и прагматизм японцев породил даже мнение, что им чуждо абстрактное мышление и они постигают суть вещей не отвлеченно, а только в их «конкретной целостности». Выдающийся японский этнолог и социолог профессор Наканэ Тизэ пришла к выводу, что в отличие от народов Китая и Индии, их поведение детерминировано определенными социальными причинами и философскими доктринами; японцы, как и народы Юго-Восточной Азии, действуют в соответствии с обстоятельствами.

¹² Мараини Ф. Цит. соч., с.70.

Гибкость, способность приспосабливаться к любой ситуации, будь то отношения в семье или между странами, уже упоминавшийся Берк определяет как «коллективную субъективность», истоки которой лежат в синтоизме¹³. Он отдает приоритет природе, самоочевидному опыту и не выделяет субъект из мира явлений. Этот субъект познается интуитивно и эмоционально. Японцы, по его мнению, не подчиняют себе окружающий мир, а адаптируются к его изменениям. В то же время в силу разного рода регламентаций, определяющих жизнь общества, они в отдельных конкретных случаях склонны ожидать строго определенного развития ситуации, и любая неожиданность ставит их в тупик.

На духовный мир японцев огромное влияние оказал буддизм. Он укрепил в народе стойкость по отношению к превратностям судьбы, дух самопожертвования, воспитал самообладание, сдержанность и терпимость. Эти черты укоренились в характере японцев под влиянием буддийского учения о бренности бытия, о циклах рождений и перерождений, о космической судьбе за пределами нашего мира. Еще писатель Камо-но Тёмэй писал, что все в мире преходяще и в то же время непрерывно. События человеческой жизни он уподобляет струям уходящей реки. «Они непрерывны; но они — все не те же, прежние воды. По заводям плавающие пузырьки пены... они то исчезнут, то свяжутся вновь... В этом мире живущие люди и их жилища... им подобны... По утрам умирают, по вечерам нарождаются... — порядок такой только и схож, что с пеной воды»¹⁴.

Таким образом понятие времени децентрализовано и многозначно. Такой же подход у японцев и к понятию пространства, что нашло отражение в неупорядоченном градостроительстве и асимметрии в архитектуре. Буддизм дает также возможность понять японскую философию, литературу, искусство, театр и другие аспекты культуры, в которых наиболее ярко проявляется душа народа.

Конфуцианство послужило основой этических норм, играющих, как уже говорилось, чрезвычайно большую роль в японском обществе. Они базировались на пяти его принципах: гуманности, долге, благонравии, мудрости и искренности, которые изложены в книге «Беседы и суждения» («Луньюй»), толкующей учение Конфуция. Эти принципы, или, как их еще называют, «пять постоянств», регламентировали различные уровни отношений людей — родителей и детей, хозяина и слуги, жены и мужа, братьев, друзей. При этом доминантой таких отношений, сформированных японской культурой, стали нормы *гири*. Они представляли собой определенный ритуал выполнения долга, предписаний и благодарности и лежали в основе межличностных и межгрупповых отношений.

Конфуцианство принесло с собой в общество уважение к государству и власти, иерархическое, корпоративное сознание, а также черты

¹³ Общественные науки за рубежом. Сер. 9, 1988, № 5, с.155.

¹⁴ Классическая японская проза XI-XIV вв. М., 1988, с.297.

национального характера, связанные с групповым типом поведения. Они проявляются повсюду — в управлении, в труде, в повседневной семейной жизни. Другими словами, охватывают всю сферу социального поведения японцев.

Каждый человек существует в природной и социальной среде, ибо он одновременно принадлежит и этносу и социуму. Основной ячейкой японского общества является группа. Каждый на протяжении своей жизни является членом различных групп — семьи, церковной общины, школы, предприятия, партии и неформальных организаций. Существуют несколько концепций и критериев ее определения. Наиболее подходящей для системного подхода является динамическая концепция, согласно которой, «индивиды рассматриваются не столько как члены той или иной организации, сколько как активные участники какого-то рода действия»¹⁵. При этом важен сам процесс группового действия, с присущим ему разделением труда и гибкой координации, с учетом поведения людей. М. Вебер определил это понятие как социальное действие¹⁶.

В основе групповой системы лежит принцип общности, всеобщего согласия. Японский культуролог Наканиси Сусуму, выступая в Институте востоковедения (1993 г.), так обрисовал его: «Смысл идей общности заключается в том, чтобы все люди, радуясь одному и тому же, расцветали как цветы, вместо того, чтобы цвести каждому в отдельности».

Достаточно независимая и замкнутая группа объединяется единными целями и подчиняется общим для всех ее членов законам. На эмоциональном уровне это приводит к формированию устойчивого группового сознания, что является традиционной ценностью японцев. Корни такого сознания в исторической ретроспективе лежат в исключительно трудоемком процессе возделывания риса. На протяжении тысячелетий он требовал взаимодействия не только всех членов семьи, но и родственников, друзей, соседей и даже... богов. Таким образом групповое поведение порождалось экономической целесообразностью.

Группа отчасти нивелирует индивидуальные ценности, но в то же время она дает возможность каждому реализоваться. В ее пределах личность имеет свободу действия, ибо роли здесь не дифференцированы. «Согласно японской системе работа всегда поручается группе, например отделу в организации, и выполняется от имени группы, а не отдельным индивидуумом»¹⁷. Межличностные отношения (означающие в социальном плане ориентацию людей друг на друга в ходе длительного общения) в японских замкнутых группах строятся, как правило, на вертикальных связях. Горизонтальные, конечно, тоже присутствуют, но их значение не столь велико. В Японии с древних времен отношения между братьями были менее значимы, чем по

¹⁵ Сибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с.117.

¹⁶ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с.625.

¹⁷ Chie Nakane. Japan Society. Tokyo, 1987, с.85.

вертикали. При таких связях соединяются воедино качественно различные элементы в строгом соподчинении снизу доверху, между индивидуумами с более высоким и более низким статусом. Традиционно это передается понятием *оябун-кобун* или *ояката-коката* (букв.: отношения родителей и ребенка, старшего и младшего как по социальному положению, так и по возрасту). Такие отношения подразумевают не только подчинение младшего старшему, но и заботу второго о первом, т.е. передают суть патернализма. Другими словами, в них заключен социальный и личностный подтекст. Исстари они регулировались нормой взаимоотношений *амаэ*, определяющей связь в пределах одной группы и зависимость нижестоящего от вышестоящего.

В японской группе доминируют прочные личные связи между лидером и каждым подчиненным. При вертикальной структуре группы роль лидера весьма велика. Обладая определенным статусом, он способен подавить возникающие конфликты и объединить людей для достижения определенных целей. В то же время успехи группы автоматически повышают престиж лидера. Но подобные отношения ни в коей мере нельзя абсолютизировать.

Система соподчиненности обеспечивает усиленное взаимодействие в группе и обладает большими мобилизационными возможностями внутри нее. В то же время она способствует созданию группы внутри группы, т.е. фракционности. В японской группе неформальная иерархия и фракции имеют подчас большее значение, чем формализованные структуры.

Именно на этих неформальных связях, которые цементируют различные группы, и строит в принципе свое понимание сути политической структуры японского общества европейский ученый Карел ван Волферен, называя ее системой с большой буквы. «Веками существовал баланс между полуавтономными группами, которые делили власть. Сегодня большинство властных групп состоят из чиновников определенных министерств, некоторых политических группировок и объединений бюрократов-бизнесменов. Имеется еще много менее значимых групп, таких как сельскохозяйственные кооперативы, полиция, пресса и гангстеры. Все это компоненты того, что мы можем назвать Системой, чтобы отличить ее от государства...»¹⁸. Японские ученые — авторы коллективной монографии «Структура коммуникаций» — утверждают, что его Система — это как раз то, что имманентно присуще большинству японцев, как неизменно данное¹⁹, т.е. распространяют это определение на все общество.

Вертикальное объединение, как известно, предполагает иерархию для фиксирования социального порядка. Основой этой иерархии служила имманентно присущая японскому обществу система рангов (плоды конфуцианства). Ранг определял положение человека в группе и являлся, по мнению уже упоминавшейся Наканэ Тиз, социальной

¹⁸ Van Wolferen K. The Enigma of Japanese Power. London, 1989, с.5.

¹⁹ Комюникэсэн но кодзо (Структура коммуникаций), Токио, 1993, с.81.

нормой, на которой базировалась жизнь японцев. Здесь он играл роль аналогичную кастам в других восточных обществах. Японцу важнее институциональная принадлежность, чем социальное происхождение.

Существовавшая в прошлом жесткая ранговая система в межличностных отношениях сегодня проявляется в сохранении принципа старшинства. В повседневной жизни японец постоянно оперирует понятием *сэмпай*, говоря о старшем по возрасту или должности, или *кохай*, соответственно о младшем, подчеркивая тем самым определенное ранжирование. Принцип старшинства существует как в формальных, так и в неформальных объединениях. С ним мы часто сталкиваемся при общении с японскими учеными. Ранговая иерархия между объединениями сегодня сохраняется в виде наличия престижных (*итирию*) компаний, университетов, школ. В сфере образования к *итирию* относятся, например, университеты Кэйо, Васэда, Токийский. Ощущение ранга поощряет конкуренцию среди равных.

Для японцев всегда существовали базовые элементы, определяющие стиль их поведения и образа жизни. Каждый член группы усваивал прежде всего нормы каждодневного поведения, этикет, рабочее мастерство, что делало его полноправным членом общества, профессионалом. Эту особенность японцев известный французский японовед Бой де Мент определил как «катаизированность»²⁰ — от японского слова «ката», которое переводится как метод, шаблон, форма, тип, образец, а в данном контексте — как манера поведения. Такое стремление к стандартизации и унификации служит своеобразным проявлением чувства общности у японцев.

Наличие всевозможных регламентаций вело к ощущению незначительности своего «я». Отсюда важность наличия окружения, создания пространства (*ма*), включающее в себя объективное и субъективное измерения. Корнями оно уходит в синтоизм, где существует понятие священного пространства, в котором обитают боги. И по сей день материальным воплощением этого понятия является ритуал огораживания священной веревкой (*симэнава*) места для обитания *ками*.

Это вело к строгому ранжированию всех ценностей и регламентированию поведения личности, установлению ритуалов. Возходило оно к культуре возделывания риса на затопляемых полях, этикету императорского двора, начертанию иероглифов, канонам чайной церемонии и икэбана, национального театра и традиционных ремесел, поведению самураев. Почти ничего не оставалось на долю случая или личных склонностей (даже блюда на подносе расставлялись в определенном порядке). Воспитанный в строго фиксированной системе ценностей и отработанных веками стереотипов поведения, искусства и ремесла, японец впитывал на уровне подсознания (с молоком матери), что и как необходимо делать в различных обстоятельствах. Например, какие материалы использовать для изго-

²⁰ The Japan Times, 10.09.1990.

товления того или иного предмета в соответствии с принципами японской эстетики; как упаковать ту или иную вещь в зависимости от ее предназначения.

При таком формировании личности японское «я» не было автономным, а скорее гетерономным, ибо создавалось под влиянием своей группы — семьи, квартала, учреждения, предприятия, куда был затруднен доступ чужим. Поэтому в социально-экономической жизни общества всегда была важна роль посредника и посредничества, как формы общения. Заданность поведения в соответствии с обстоятельствами отодвигало личное на второй план и выдвигало на передний — этикет, несоблюдение которого вело к «потере лица», что было недопустимо с точки зрения социальных норм поведения, в основе которых лежит понятие *гири*. Рассмотренные элементы в большей или меньшей степени проецируются на все стороны жизни современного японского общества — экономику, политику, социальные отношения, идеологию и культуру.

Группа всегда рассматривалась как естественная единица, такая же, как богом данная власть императора, т.е. как Традиция с большой буквы. Крестьяне одной деревни, например, объединялись в общину только потому, что они здесь родились. Таким образом, японская группа охватывала всех, находящихся, по определению Наканэ Тизэ, в одной рамке. Этот термин она использует по аналогии с понятием поля в физике.

Отношения между группами строятся по принципу внутренней-внешней (*ути-сото*), который как бы воплощает дихотимию чистый-грязный. Этот принцип экстраполируется на все социальные уровни. Но, что очень важно, он не подразумевает враждебности, а лишь определяет принадлежность к группе (к одной семье или компании, а не к другой семье и компании).

Отношения в группе, между группами и в обществе в целом строго фиксируются, создавая как бы единое тканое полотно и не оставляя места вновь пришедшим. Замкнутость японского общества традиционно не допускала ни проникновения иностранцев, ни уход своих. Таким образом, социальная замкнутость вела к социальной исключительности. Такое групповое сосуществование позже перешло в сферу политики и бизнеса, и его по сей день можно рассматривать как своеобразие японского общества. Может быть, поэтому бывший госсекретарь США Киссинджер как-то заметил, что переговоры с японцами вести труднее, чем даже с китайцами²¹.

Тяга японцев к организованности вообще — еще одна особенность этого социума. Причем в силу исторической традиции принадлежность к какой-нибудь группе как бы исключает принцип добровольности, хотя официально и признаваемый. Такое отношение к участию в организациях служит проявлением группового конформизма, подчиненности лидеру и известной пассивности при принятии решений.

21 The Japan Times. 9.11.1987.

Понять суть японского конформизма помогает теория социолога Исида Такэси, который рассматривает его в сочетании с конкуренцией, определяя этот симбиоз как ключ к пониманию динамизма общества. Именно конкуренция между группами и внутри них является движущей силой развития. Она не вступает в противоречие с конформизмом, ибо направлена лишь на лучший результат в достижении единой цели всей группы. По словам Исида, «благодаря этому конкуренция находит свое воплощение в единодушных усилиях. Такого рода конкуренция не свидетельствует о наличии индивидуализма в узком смысле слова, скорее она является основной частью группового конформизма: члены группы ориентируются не на индивидуальные достижения, а на заслуги, добытые благодаря индивидуальному вкладу в достижение цели группы»²².

Это способствует тому, что значительная часть населения достигает высокого уровня компетенции в своей работе. Процесс этот не одномоментный, а растянутый во времени. Многие поколения все выше поднимали планку мастерства, что породило не только хорошее качество производимых товаров, но и их высокий эстетический уровень. Очевидно поэтому японцы очень критически и требовательно относятся к вещам. Своей репутацией как производителя дешевых некачественных товаров на протяжении почти столетия Япония была обязана прежде всего Западу. Это диктовалось условиями конкурентной борьбы за рынки сбыта и в то же время удовлетворяло стремления иностранцев «получить японскую экзотику» (например, фарфор, которым никогда японцы не стали бы пользоваться, или стилизованное кимоно, которое бы они не надели).

Традиция конформизма восходит к особенностям бытования японской сельской общности, основанной на преданности своей деревне. По мнению Исида Такэси, в такой преданности есть нечто сродни религиозному чувству. Это справедливо, ибо восприятие религии у японцев всегда тесно увязывалось с реальной жизнью, как бы снимая преграду между сакральным и профанным. Именно специфика религиозного сознания у японцев, не признававшего веры в абсолют, содействовала интеграции конформизма и конкуренции. Такая интеграция выполняла и выполняет важную функцию поддержания социальной стабильности в обществе. Но, безусловно, эти позиции нельзя абсолютизировать, ибо как в отдельных группах, так и в обществе в целом не раз возникали серьезные конфликты.

На государственном уровне на протяжении веков конформизм проявлялся в демонстрации лояльности императору и самому государству, в верноподданности населения, вплоть до самопожертвования. Поскольку государство в Японии рассматривается как данность, ориентированная на единую цель, то конкуренция здесь не ведет в принципе к разрушению существующего порядка. В японском обществе стержнем государственности всегда являлась императорская

²² Takeshi Ishida. Japan Society. N.Y., 1971, с.39.

власть, символизирующая неизбывность государства. А император играл роль харизматической личности не в силу личных достоинств, а в силу своего статуса. Японские императоры обладали, заимствуя выражение М.Вебера, «наследственной харизмой». Очевидно поэтому они были признаны «символом государства и единства нации» в Конституции 1947 г.

Структурные особенности общества не смогли не сказаться на поведенческих характеристиках японцев, поскольку стереотип поведения людей формируется в процессе их общения между собой на основе национальных норм, которые включают правовую и морально-этическую системы. Для японцев всегда было свойственно опираться не на юридические нормы, хотя в повседневной жизни они относятся к законам с величайшим уважением, а на социально-психологические. Это, вне всякого сомнения, связано с морально-этическими установками японцев, представляющими собой, как уже говорилось, сплав синтоизма, буддизма, конфуцианства и до некоторой степени христианства.

На этой основе сложился своеобразный духовный климат в японском обществе со своим мировоззрением, представлением о личности и взаимоотношениях людей. Неотъемлемым компонентом была и своя эстетическая традиция, проявившаяся в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре. Именно в духовной сфере, в культурном комплексе наиболее отчетливо проявляется историческая преемственность.

Модернизация общества

Спецификой развития японского общества на протяжении веков было широкое заимствование достижений других цивилизаций (сначала Китая, затем Запада) и адаптация их к местным условиям. Способность общества перестраиваться в соответствии с изменяющимися обстоятельствами наиболее отчетливо проявилась за последние сто с лишним лет. Именно в это время в стране интенсивно шел процесс модернизации, в котором очень четко просматриваются два этапа. Первый ведет свой отсчет с реставрации Мэйдзи (1868 г.), второй — после поражения в 1945 г.

В середине XIX в. перед Японией встала альтернатива — быть или не быть независимой страной, способной встать вровень с развитыми в то время государствами. Это был период, когда складывалась мировая капиталистическая система и передовые страны насильственно втягивали в нее все остальные. Азиатские государства оказались неспособными ответить на этот вызов Запада и обрели судьбу колоний и полуколоний. Единственным путем избежать этого было проведение коренных революционных преобразований, что и произошло в Японии в результате реставрации Мэйдзи. Эти события показали, что преобразования в японском обществе, даже достаточно серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов, путем

реформ, без революций, а путем эволюции. Тем не менее сами реформы на поворотных этапах исторического развития имели поистине революционный характер.

Решение проблем (противоречий) путем компромиссов — явление, характерное для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия — *ва* (понятие гармонии). Как пишет российский японовед Т. Григорьева, «Гармония (*ва*) означает правильное отношение — поддерживать нечто в состоянии подвижного равновесия, уравнивать одно другим, что позволяет целому не распадаться... в истории — это способность уравнивать, снимать конфликты, примирять враждующие стороны внутри и вовне»²³. Безусловно, принцип *ва* нельзя принимать за абсолют во всех проявлениях жизни.

Для реставрации Мэйдзи, в частности, был свойственен компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления. Первые проявили склонность к изменению положения в обществе, вторые — к сохранению и поддержанию традиции. Примечательно, что значительная часть представителей торгово-промышленного капитала, в прошлом выходящих из феодальных кланов, оказалась вполне готовой адаптироваться к требованиям новой эпохи.

Специфика кардинальных преобразований в японском обществе породила различные оценки событий периода Мэйдзи. Советские ученые определяли их как незавершенную буржуазную революцию, имевшую верхушечный характер. Эта оценка сделана с позиций европоцентризма. Незавершенность виделась в том, что задачи буржуазных преобразований были решены неполностью. Это касалось как существа проведенных реформ, так и формы установленной власти. Большинство европейских историков, как и японских, называют эти события реставрацией Мэйдзи, поскольку основные политические изменения вылились в форму восстановления императорской власти, сохранения преемственности традиций, реконструкции специфической японской общности и утверждения идеи обожествления императора. Такие, казалось бы, противоречивые оценки вполне правомочны в случае Японии, ибо отражают действительную сущность этих событий, хотя понятия «реставрация» и «революция» на примере истории западных стран взаимно исключают друг друга.

Реставрация же Мэйдзи по своим последствиям (индустриализация, урбанизация, централизация власти) была близка к революциям европейского типа. Но система государственной власти не подвергалась коренной ломке. Кроме того, японцы и не ставили задач, которые решались во время европейских революций. Они сделали все, что было нужно их стране в то время для сохранения независимости и создания равновеликого европейским государством. Типологически события Мэйдзи можно рассматривать как консервативную революцию. Этот термин, еще мало встречающийся у нас,

²³ Человек и мир в японской культуре. М., 1988, с. 242.

довольно широко используется в западной политологической литературе. Основное его содержание сводится к тому, что революционные преобразования в традиционных обществах происходят на основе собственной традиции.

Хотя домэйдзийское общество функционировало в условиях достаточно строгой изоляции страны и жесткой регламентации уклада жизни и хозяйственной деятельности каждого сословия, этот период ни в коей мере нельзя назвать застойным. По многим параметрам оно было подготовлено к модернизации, как это имело место и в феодальной Европе. Поэтому разрыв между промышленными революциями во времени был не так уж велик — в 50-100 лет. Склонная к образному мышлению, Наканэ Тиэ пишет, что «колеса к повозке были сделаны задолго до модернизации; требовалось только сменить тип седока и направление движения»²⁴.

В Японии того времени развивалось общественное разделение труда, расширялись товарно-денежные отношения, как в городе, так и в деревне; возникали мануфактуры, купеческие гильдии, торговые дома; осуществлялась специализация сельскохозяйственного производства и происходило расслоение крестьянства; шел процесс урбанизации и формирования национального рынка. Все это свидетельствует о том, что в экономике создавались предпосылки перехода к капитализму.

На духовную жизнь общества оказывал влияние довольно высокий уровень просвещения. Регулярное образование получали представители разных слоев общества. Примерно половина мужчин и около 15% женщин были грамотными. Таким образом, фундамент высокого уровня образования, который сегодня считается феноменом послевоенной Японии, был заложен более века назад. К концу XVII в. с ростом числа городов зарождается слой интеллектуалов. Самую большую группу среди них составляли философы, чьи труды заложили основы идеологии реставрации Мэйдзи. Важную роль среди них играли ученые Школы национальных наук (Кокугакуха), которые связывали трудности, переживаемые в тот период японским обществом, именно с усилением китайского влияния и требовали возрождения японских национальных ценностей, восстановления подлинной императорской власти, роли синто, признания уникальности японской культуры и нации вообще.

Наиболее ярким представителем этой школы был Мотоори Норинага (1730-1801). Он разработал теологическое учение «возрожденное синто» с его «идеями исключительности Японии», «божественного происхождения» страны. Говоря об исключительности японцев, Норинага акцентировал внимание не столько на их этническом превосходстве, сколько на сакральном. В одной из своих работ он писал: «Нет ни одной страны на свете, которая бы не получала благодатный свет этой богини. Ни одна страна и дня не может прожить без милостей этой богини»²⁵.

²⁴ Chie Nakane. Цит. соч., с.119.

²⁵ Мотоори Норинага. Драгоценная шкатулка для гребней. См. перевод Ю.Д. Михайловой в Приложении к ее кн. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество. М., 1988, с.158.

Его ученик — Ацутанэ Хирата (1776-1843), развивая концепцию синтоизма Норинага, соединил ее с политикой. В результате идея почитания императора стала не только выражением протеста против режима Токугава, но и послужила основой установления государственного синто и национализма. Этнократическая доктрина Ацутанэ явилась идеологической основой реставрации Мэйдзи. Философские воззрения Кокугакуха послужили идейной базой оппозиции токугавскому режиму в конце XVIII—начале XIX в.

Оживление философской мысли, осмысление действительности происходило не без влияния европейских идей, западной духовной традиции, проникавших в Японию в первую очередь через голландцев и потому получивших название *рангаку* (голландское учение). Они выводили мировосприятие японцев на качественно новый уровень. В частности, идеи западной демократии. Лишь после Мэйдзи появились японские слова для обозначения таких понятий как свобода (*дзю*) или общество (*сякай*) в европейском понимании²⁶.

Проникновение западной культуры происходило в острой, подчас непримиримой борьбе представителей различных научных направлений, между теми, кто принимал европейскую цивилизацию, и теми, кто яростно ее отрицал, например представители другой крупной национальной философской школы — Мито. Но процесс проникновения европейских знаний приобретал уже необратимый характер. На смену лозунгу сочетания китайской учености и японского духа (*кансай-вакон*) приходит формула японский дух — западная техника (*вакон-ёсай*). *Вакон* олицетворял традиционную культуру, а *ёсай* — универсальную европейскую цивилизацию. В ходе реализации многомерной формулы *вакон-ёсай* одни ученые ратовали за внедрение только западной техники, не касаясь духовной сферы, другие признавали заимствование и техники, и общественных наук, третьи считали, что для овладения всей совокупностью европейской цивилизации необходимо изменить мировоззрение, подготовить общественное мнение к восприятию новых идей.

Упомянутые выше философские концепции Кокугакуха не позволяют полностью согласиться с бытующим мнением о том, что ни одно интеллектуальное движение эпохи Токугава не послужило импульсом для реставрации Мэйдзи. Действительно, в Японии в то время не было крупных мыслителей, по образной оценке американского ученого Роберта Белла (Кембридж), «за спиной реставрации Мэйдзи не стояли Локк или Руссо, Маркс или Ленин, Ганди или Мао Цзедун; была только группа восприимчивых молодых людей, готовых учиться, преданных Японии, но не имеющих определенного взгляда на будущее»²⁷. Однако последние слова не вполне справедливы, ибо общим устремлением в японском обществе в то время было создание сильного независимого государства, способного не только противостоять европейским странам, но и встать вровень с ними.

²⁶ Fukutake Tadashi. The Japanese Social Structure: Its Evolution in the Modern Century. Tokyo, 1989, с.12.

²⁷ Проблемы современной Японии. Социология. РЖ. Вып. XII. М., 1974. с.139.

Это общее устремление опиралось на глубоко укоренившееся в сознании японцев понятие дух Ямато²⁸ (*яматодамасий*). По характеристике философа Кодзай Есисигэ, «первоначально «дух Ямато» не имел синтоистского или мифического характера и ничем не был связан с императором или святым. Он был... земной, мирской, народный»²⁹. По мере становления государственности это понятие обогащалось синтоистскими постулатами, мифологией, идеей божественного происхождения нации и несравненного государственного строя. Параллельно появляются схожие понятия — «японский дух» (*нихон сэйсин*), «императорский путь» (*кодосюги*), японизм (*нихон-но моно, нихон-сюги*). Последний находился в неразрывной связи с реставрацией императорской власти и утверждением государственного синто.

Укоренение идей японизма было облегчено тем, что хотя на протяжении веков народ жил замкнуто в локальных обществах, особенно не интересуясь общезначимыми деяниями, ему была присуща «иррациональная гордость за уникальность расы Ямато, а дух преданности и жертвенности, культивируемый в феодальном обществе, был перенацелен на новое имперское государство. Это не был патриотизм, который можно сравнить с осознанным индивидуализмом. Это был по сути эмоционального типа патриотизм, который служил мостом между местными обществами и национальной общностью»³⁰.

В Японии накануне реставрации Мэйдзи стабильность поддерживалась относительно сильной властью военного правителя — *сёгуна*, а политическая преемственность и духовное единство — идеей божественного происхождения нации, персонифицированной в императоре. Эта идея об уникальных качествах японской нации нашла наиболее полное отражение в теории *кокутай* (досл. тело государства; можно перевести и как государственный организм). Понятие *кокутай* передавало суть японской государственности, как его понимали представители школы Мито. В нем объединялись император (первосвященник синто и харизматический лидер) и народ, как потомки богини Аматэрасу. Появление *кокутай* диктовалось необходимостью обосновать возвращение импературу всей полноты власти (духовной и светской), которую он утратил в период *сёгуната*.

Учение школы Мито не отличалось особой религиозностью (в отличии от Кокугакуха), оно ставило акценты на политические моменты и послужило оформлению программы реставрации.

Реставрация императорской власти была вполне логическим завершением борьбы националистических сил страны с уже изжившим себя тоталитарным феодальным режимом *сёгуната*, против угрозы потери национальной независимости. Эта борьба, целью которой было поднять Японию до уровня западных держав, шла под лозунгом «богатая страна — сильная армия» (*фуоку-кэхэй*). Император был своеобразным знаменем возрождаемого национального самосознания, символом национального единства.

²⁸ Ямато — древнее название Японии.

²⁹ Кодзай Есисигэ. Современная философия. Заметки о «духе Ямато», М., 1974, с. 190.

³⁰ Fukutake Tadashi. Цит. соч., с. 5.

Духовным орудием новой власти стал государственный синто. В отличие от народного в нем был очень силен идеологический аспект с упором на почитание императора — «прямого потомка богов». Для укрепления его позиций была установлена строгая иерархия храмов, проведено их объединение. Одновременно проводилась политика дискриминации других религий. Государственный синто официально был объявлен вне религий и над всеми религиями, а Конституция (1889 г.) законодательно закрепила божественное происхождение императора.

Особенности реставрации Мэйдзи (приход в правительство представителей феодальной знати, торгово-ростовщического капитала, а не буржуазии, которая была еще политически очень слаба) предопределили специфику капиталистического развития страны. После реставрации Япония пошла по пути капитализма при сохранении значительных феодальных пережитков. Поэтому вполне буржуазные по своему характеру реформы, проведенные новым помещичье-буржуазным правительством, оказались достаточно ограниченными.

Отставание от европейских стран особенно ощущалось в области техники и технологии, и именно в этой сфере динамично пошел процесс модернизации. Правительство Токугава также проводило определенную модернизацию страны, но делало это достаточно пассивно. А после реставрации Мэйдзи внедрение западной науки и техники стало целенаправленной государственной политикой. Приоритет отдавался военной промышленности. Превосходство Запада именно в этой области было весьма чувствительным в Японии, где статус военных с феодальных времен был чрезвычайно высок. В значительной степени такая политика была адекватной создавшейся ситуации ввиду слабости страны и реальной угрозы вторжения западных держав и возможности потери национальной независимости. Однако постепенно все больше утверждалось направление социально-экономического развития с упором на военную сферу. Модернизация принимала характер милитаризации.

Осуществлению технико-экономической модернизации способствовали не только материальные предпосылки, созданные в феодальную эпоху, но и существовавшие в то время социальные структуры. В первую очередь, речь идет о рассмотренном выше вертикальном построении японского общества с принципом иерархического социального порядка.

Духовная жизнь, как наиболее консервативный компонент традиционной культуры, подвергалась гораздо меньшим изменениям. Во-первых, потому, что правящие круги в известной мере целенаправленно стремились законсервировать традиционные духовные ценности, как противовес чрезмерному проникновению западных влияний. Во-вторых, потому, что японское общество не очень-то стремилось к полноценному восприятию этого влияния. Поэтому в европеизации доминировала материальная сторона. Однако успешное освоение достижений западной науки и техники было невозможно без усвоения в определенной степени и духовных ценностей западного общества.

С этой целью было необходимо прежде всего провести крупномасштабную реорганизацию системы образования, приоритетом в котором были этические нормы, «учение об императорском пути», «китайские науки», что не соответствовало требованиям времени. В 1870 г. было создано министерство просвещения, а в 1872 г. принят Закон об образовании, предоставивший равные возможности его получения представителям всех сословий, мужчинам и женщинам, т.е. оно уже не было жестко увязано с определенным социальным слоем, как это было прежде, когда самураи, ремесленники и крестьяне учились каждые в своих школах.

В основу преподавания был положен утилитарный подход — получая образование для себя, каждый тем самым обогащал и общество. Министерство просвещения осуществляло строгий контроль над системой в целом, вводя стандарты на все, что касалось учебного процесса и его организации. Хотя, конечно, полного равенства в этой сфере и не было, все же доступ к учебе был открыт всем достойным. Эгалитарность образования и его высокий уровень препятствовали в какой-то степени расслоению общества.

Движущей силой развития системы образования, как и при решении других общенациональных проблем, была межрегиональная конкуренция за высокий уровень обязательного образования, за строительство новых школ и создание новых высших учебных заведений. Однако эта конкуренция не была деструктивной и, как и во всех других случаях, была направлена на лучший результат достижения цели. Образование обеспечивало высокий социальный статус, служило гарантией получения государственной должности и поэтому являлось неизменной ценностью в обществе и таковой продолжает оставаться и по сей день. Высокий уровень грамотности населения послужил залогом быстрой модернизации страны.

Важной особенностью модернизации в этот период являлось осуществление ее сверху, через элиту нации. Широкие массы населения не сталкивались непосредственно с представителями западной цивилизации. Новые знания они получали переведенными на японский язык. Поэтому даже быстрая европеизация не порождала у основной массы населения сильного чувства отторжения. Кроме того, некоторые западные воззрения были близки японским традиционным концепциям.

Процесс модернизации Японии не был прямолинейным, поступательным движением. В нем наблюдались свои приливы и отливы: от полного отторжения всего западного до практически полного его принятия. При усвоении чужеземной культуры преследовались всегда политические цели, и этот процесс шел под контролем правящей элиты. Достаточно наглядно проявилась эта тенденция при первых контактах с европейцами еще в XVI в. и проникновении западных идей в XVII-XVIII вв. В частности, благожелательное отношение к португальскому оружию, медицине, астрономии и религии довольно быстро сменилось негативным из-за опасения появления политической

«пятой колонны», как удачно выразился К.Волферен³¹. В конечном итоге принималось то, что отвечало потребностям общества в данное время и что корреспондировало с японской традицией. Отчасти заимствования играли роль стимуляторов внутреннего развития страны.

В первые два послемэйдзийских десятилетия в стране царил эйфория от всего западного. Появился даже девиз — «уйти с Востока и присоединиться к Западу». Поистине это была подлинная вестернизация, когда все западное считалось хорошим, а все восточное — не стоящим внимания. Даже выдающийся просветитель Фукудзава Юкити (1835-1901), который был явным приверженцем западных ценностей, писал в то время: «Сейчас так называемые просветители, а за ними и тысячи других людей, которые даже толком не разобрались в том, каковы отличительные черты жизни на Западе, проповедуют и безогворочно признают безусловное превосходство Запада во всем»³².

Однако и в это время отношение к Западу представителей различных слоев не было одинаковым. Правящие круги воспринимали вестернизацию исключительно прагматически. Многие вообще не признавали ничего нового, а общественные деятели националистического толка были настроены иронично. Но в целом первое поколение, ступившее на путь модернизации, отнюдь не боялось потерять свою самобытность, будучи твердо уверенным в своей неизбывности. Однако с конца века нарастает протест, по большей части националистически настроенных сил, против вестернизации, прежде всего в духовной сфере, за возрождение вековых традиций.

По справедливой оценке этого этапа модернизации, данной академиком Н.И.Конрадом, «развитие процесса европеизации Японии есть развитие так называемого просветительного движения в первую очередь... Просветительное движение было одним из важнейших орудий в борьбе новой буржуазии за установление своего строя, наилучшим средством самовооружения. И поскольку... капиталистический строй... был в основе своем тем же, на который Европа прочно вступила с конца XVIII века, постольку конкретное свое содержание это просветительное движение, естественно, черпало у Запада»³³. Причем в первые мэйдзийские десятилетия Запад ассоциировался с Англией и США, а позже — с Германией.

В результате модернизации к концу века Япония заявила о себе как о крупной империалистической державе, стремящейся занять полноправное место среди развитых стран мира. Последующий ход событий в стране, ее внешнеполитические устремления свидетельствовали о пассионарности японского народа. По определению Л.Н.Гумилева, введшего этот термин в употребление, она представляет собой «способность и стремление к изменению окружения»³⁴.

³¹ Van Wolferen K. Цит. соч., с.19.

³² Цит. по: Михайлова Ю.Д. Общественно-политическая мысль Японии. М., 1991, с.74.

³³ Конрад Н.И. Япония, Литература. М., 1984, с.385.

³⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1989, с.257.

Процесс модернизации в постемэйдзийской Японии показывает, что она сумела успешно ответить на вызов Запада, в отличие, в частности, от Китая. В приятии и неприятии модернизации огромную роль сыграли социопсихологические факторы, в частности, отношение китайцев и японцев к остальному миру. Первые не смогли расстаться с идеей срединной империи и допустить наличие отличных от их ценностей и необходимость чему-нибудь учиться у других народов, а вторые, не поступаясь своей уникальностью, приняли западные ценности. Этому прежде всего способствовала традиция, опирающаяся на принцип гармонии — *ва*.

Правящая элита умело использовала весь накопленный в обществе материальный и духовный потенциал. В частности, большое значение имели конфуцианские идеи социальной гармонии, стиль поведения в системе иерархии. Немаловажную роль сыграла однородность японцев с их обостренным чувством принадлежности к своей нации. Ни в коей мере, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и значение реставрации императорской власти.

В результате сокрушительного поражения Японии во второй мировой войне сложились принципиально новые условия для усвоения достижений западной цивилизации. Население впало в состояние шока, прежде всего потому, что рухнули идеологические устои, основывавшиеся на крайнем национализме. Со всей очевидностью проявилась пагубность политики агрессии. Это был крах милитаризма и японизма. Именно с этого рубежа японской истории начинается отсчет нового этапа модернизации.

Основой этого этапа явились демократические преобразования, проведенные в послевоенные годы. Успешный поворот на путь демократизации и модернизации, приобщение к ценностям свободного мира в результате реформ были осуществлены в значительной мере благодаря политике оккупационных властей США. Достаточно сказать, что предложенные правительством реформы, в частности по декартелизации и аграрному вопросу, были пересмотрены этими властями в сторону радикализации. Безусловно, нужно учитывать также усилия в этом направлении демократического движения внутри и вне страны, общую благоприятную международную ситуацию.

Быстрая смена после войны социально-экономических и политических структур новыми, демократическими, оказалась единственно правильным путем подъема страны. Юридической основой всех происшедших затем перемен мирной модели развития стала Конституция 1947 г. Не менее важным для судеб японцев оказался отказ от таких идеологических постулатов, как божественное происхождение императора и его культ, уникальности японской нации, концепции *кокутай*. Крушение националистической идеологии, однако, не означало ее полного ухода из духовной сферы. Более того, в условиях интенсивного проникновения других культур она получила в известной степени импульс для своей реанимации. Сохранился национальный элемент, который вновь стал заявлять о себе в благоприятных социально-экономических и политических условиях.

Принципы демократии становятся главной ценностью в обществе. Но в первое время японцам, воспитанным в условиях традиционных семейных и квазисемейных отношений, было достаточно сложно адаптироваться к ним. Отрицание ультранационалистических принципов ассоциировалось с приятием всего западного. Оно представлялось новым, прогрессивным и демократическим, в то время как традиционно японское — реакционным и устаревшим. До некоторой степени это было повторением пути, пройденного мэйдзийской Японией. Однако в отличие от того периода после войны впервые широкие слои населения вступили в непосредственный контакт с носителями западной цивилизации. Они получили возможность своими глазами увидеть образ жизни, нормы поведения людей другой культуры. Речь шла прежде всего об американском влиянии.

После войны модернизация Японии пошла исключительно быстрыми темпами. Результаты ее, безусловно, могут быть сравнимы с изменениями, происшедшими в период Мэйдзи. Послевоенные реформы стали водоразделом исторического развития Японии, фундаментом сегодняшних успехов страны.

Ни в коем случае нельзя забывать, что, как и в середине XIX в., для этого уже существовали серьезные предпосылки: достаточно эффективная административно-бюрократическая система, высокий уровень грамотности, исключительное трудолюбие народа, хорошая организация производства, более чем полувековой опыт существования избирательного права и парламентских институтов. В частности, отдельные элементы того, что условно можно назвать демократией, отчасти были заложены уже в домэйдзийской Японии. Их можно найти в региональных союзах (*иккэ*) и общинных организациях (*со*) воинского сословия (*буси*) с их духом равенства и традициями принятия решений путем опроса мнений всех ее членов. Чувство коллективной ответственности в конце токугавского периода породило среди самураев требование «уважения общественного мнения». Очевидно, с этой традицией связана и высокая степень участия избирателей в выборах в настоящее время, а также система принятия решений путем предварительных консультаций на всех уровнях на производстве (*ринги сэйдо*, *нэмаваси*).

На пути к современным успехам страна прошла несколько этапов — восстановления хозяйства в первые послевоенные годы, период высоких темпов экономического роста (1955 — начало 70-х годов), структурных кризисов и стагнации (70-е годы), перехода к новой модели экономического роста (70—80-е годы), формирования информационного общества (80-е годы).

В общих чертах восстановление довоенного уровня развития экономики было достигнуто в начале 50-х годов. Намного сложнее обстояло дело в духовной сфере. Изменения здесь шли значительно медленнее. Почти полный отказ от прежних духовных идеалов создал своеобразный идеологический вакуум. Чувство растерянности охватило в первую очередь интеллигенцию, которая старалась в острых дискуссиях о взаимоотношениях национального и западного

найти выход из идейного тупика. Это было сделать достаточно сложно, ибо прежняя система ценностей была во многом утрачена, а новая еще не утвердилась. Шел весьма мучительный процесс формирования основных мировоззренческих установок. Несмотря на сохранение базисных социальных характеристик нации, различные поколения — те, чье мировоззрение формировалось в эпоху Мэйдзи и между двумя мировыми войнами, — по-разному восприняли послевоенную действительность. Согласно опросу общественного мнения в 1955 г., 45% опрошенных отдали приоритет довоенным социальным условиям в обществе и только 16% — новым. В 1974 г. эти показатели были соответственно 20 и 51%.

Все это привело к созданию довольно сложного социального портрета японцев и формированию нового общественного устройства с акцентом на повышение роли личности в нем, возможности обеспечения ее свободы и творческой индивидуальности. Другими словами, речь шла о переходе от человека иерархического общества к человеку гражданского общества с его социальной открытостью. В нем все большую роль приобретает не классовая стратификация, а профессионально-экономическая, которая обеспечивает более высокую степень социальной мобильности.

Трансформация социальных ориентиров

Трансформация социальных ориентиров японцев самым непосредственным образом связана с процессом модернизации страны. Особенно серьезные изменения в этой сфере произошли в послевоенные годы.

До конца 70-х годов наблюдалось устойчивое падение престижа традиционных ценностей среди представителей практически всех поколений. Все более приоритетными становились такие жизненные цели, как «жить по собственному желанию», «жить одним днем», «жить весело», «обогащаться», что отражало внедрение в общественное сознание идей индивидуализма и потребительского общества. Таким образом, старые жизненные принципы, базировавшиеся на общине, традиционной японской семье — *из*, конфуцианских нормах морали, постепенно отступали. Вместе с тем нельзя сказать, что утверждение новых приоритетов приняло завершённую форму.

В ходе этого процесса наметились существенные изменения некоторых черт национального характера японцев, их поведенческих стереотипов, проявившихся у послевоенных поколений. Наиболее наглядно происходил отход от желания соответствовать группе к утверждению индивидуальных жизненных принципов. Этому способствовала и демографическая ситуация в стране. В 60-е годы начинается дробление традиционной семьи и утверждение нуклеар-

ной. Этот процесс, сопровождающийся размыванием родственных связей, затронул и сельское население, наиболее консервативную часть общества. Такие перемены не могли не отразиться на образе жизни, духовных ценностях и мышлении японцев.

По свидетельству японского социолога Фукутаке Тадаси, уже в конце 70-х годов около 80% населения отдавало приоритет концепции *майхомусюги*³⁶, т.е. на первый план выходит принцип «я и моя семья». При этом благополучие семьи ставится выше личного счастья, что, безусловно, имеет исторические корни. Принцип *майхомусюги* порождал чувство отчужденности, хотя в целом сохранялась ориентация на интересы общества. Двойственное отношение к положению личности вело к принижению прав человека в западном понимании, препятствовало формированию индивидуалистического сознания, но способствовало процветанию эгоизма.

При том, что молодое поколение отдает сейчас предпочтение правам индивидуума и уважению личного мнения, все же большинство населения (71%) считает, что порядок в обществе важнее свободы и прав человека. Таким образом все еще продолжают доминировать группа, коллектив, общество над отдельными их составляющими. Но нельзя не отметить, что в целом растет постепенно доля тех, кто высказывается за предпочтительность свободы личности — 34,8% в 1990 г. против 22,1 в 1978 г.³⁷

В японском иерархическом обществе с его конформизмом, боязнью «потери лица», «чувства стыда» в противовес западному (с горизонтальной структурой, директивным управлением, понятием греха) сложилось своеобразное восприятие индивидуализма и коллективизма. В отличие от понимания индивидуализма на Западе, в японском варианте он смягчается чувством солидарности и стремлением к гармонии, т.е. приобретает характер как бы взаимного индивидуализма, не свободного от традиционных ценностей. Коллективизм же не директивный, а конформистский. В некоторых случаях вся нация выступает как единица конформизма. Поэтому в японском обществе, основной ячейкой которого является группа, именно она подчас и выступает как индивидуум, в смысле единого целого. При этом личность рассматривается как органическая часть группы.

Вполне можно согласиться с тезисом американского социолога П. Бергера о том, что ценности индивидуальной автономии постепенно ослабляют действия коммунальных связей в восточноазиатских обществах, и этот процесс будет развиваться³⁸. Это подтверждают приведенные выше данные японской действительности.

Интеграция конформизма и конкуренции, как утверждалось, выполняет важную функцию поддержания стабильности в обществе: противоречия проявляются менее резко, чем в других развитых стра-

³⁶ Фукутаке Тадаси. Нихон сякай но кодзо (Структура японского общества). Токио, 1961. с.198.

³⁷ Кокумин но исики то ниидзу (Сознание и потребности населения). Токио, 1991, с.8, 12.

³⁸ «Вопросы философии», 1993, № 12, с.108.

нах. Безработица не является серьезной социальной проблемой, превышая лишь незначительно 2% численности самодеятельного населения. В стране — один из самых низких уровней преступности и наркомании. Люди пожилого возраста чувствуют себя достаточно комфортно в обществе, хотя оно и переживает бурный процесс старения, связанный с высоким уровнем продолжительности жизни (самый высокий в мире) и падением рождаемости. До сих пор более 65% стариков живет с детьми или другими родственниками, в то время как в развитых странах Западной Европы — лишь 20-30%³⁹. Сохраняющиеся негативные стороны жизни — наибольшее количество отработанных часов (включая сверхурочные) среди развитых стран, недостаточный в сравнении с экономической мощью уровень социальной защищенности, жилищная проблема, дискриминация отдельных социальных групп, усиливающаяся социальная дифференциация и очаги нищеты, коррупция в высших эшелонах власти — не влекут пока за собой серьезного обострения социальной напряженности. Противоречия не деструктивны. Бедность имеет скорее относительный характер, и разрыв в доходах здесь гораздо меньший, чем в других странах. Можно сказать, что в целом материальное благосостояние людей является важной ценностью. Но, конечно, в условиях изменяющегося образа жизни проблема «новой» бедности и безработицы может встать весьма остро.

Японское общество основывается на эгалитарных ценностях, сочетая стабильность и динамизм. Большинство населения причисляет себя к средним слоям. (Так считали в 1990 г. 78,8% мужчин и 77,3% женщин). В данном случае под этим понятием японцы подразумевают свой статус (положение) в обществе, независимо от классовой принадлежности. В целом более половины населения удовлетворена своей жизнью и признает себя вполне счастливой. Однако несмотря на нынешнее комфортное состояние примерно столько же высказывает тревогу за свое будущее⁴⁰.

Со своей стороны правительство предполагает усилить социальную ориентацию политики, обратив особое внимание на интересы широких масс, сохранение окружающей среды и пр. В своей программной речи на 127-ой сессии парламента (23 августа 1993 г.) тогдашний премьер-министр Хосокава Морихиро сказал: «До начала XXI века остается мало времени и нам необходимо использовать его для принятия смелых политических мер, направленных на улучшение системы социального благосостояния, создание такого общества, в котором городские рабочие и сельские жители в равной мере могли бы вести полнокровный образ жизни в соответствии с их разнообразными запросами в условиях красивой и комфортабельной окружающей среды»⁴¹.

³⁹ Fukutake Tadashi. Цит. соч., с.205.

⁴⁰ Кокумин но исики то ниидзу, с.4-9.

⁴¹ Ежемесячная информация, № 5, авг.-сент. 1993, Информотдел Посольства Японии, с.75.

В таком обществе для формирования личности и ее статуса важную роль играет образование, выступающее как фактор вертикальной мобильности. Проведенная после войны реформа в сфере образования в значительной степени скопирована с американского образца: было децентрализовано управление просвещением, продлено обязательное образование до девяти лет, демократизировано содержание учебных программ, предоставлена большая свобода преподавателям. Практически 100% детей получает сейчас среднее образование и более трети заканчивает высшую школу. Это весьма высокие показатели на фоне других развитых стран. И это — одна из причин обеспечения экономики страны квалифицированными кадрами. Недаром, видимо, японское общество часто называют «квалифицированным».

Хотя система образования является в целом достаточно эгалитарной и жесткие вступительные экзамены независимо от социального положения поступающих отбирают наиболее достойных, существует ранжирование всех типов учебных заведений. Селекция идет не по качеству образования, а по престижности места обучения. Престижный детский сад в значительной мере автоматически открывает двери в элитарные школу и университет, что, в свою очередь, гарантирует место в политической и экономической элите. Таким образом при всей эгалитарности остается иерархичность системы, и качество высшего образования зачастую не является критерием для занятия высших постов в административных органах. Другими словами, сосуществуют прежние и новые факторы социальной мобильности.

В настоящее время Япония стоит перед очередной реформой системы образования. Главной ценностью в этой области признается ориентация на воспитание творческой личности в большей степени, чем на воспитание прилежного работника. Иначе говоря, ставится цель формирования общества, ориентированного на культуру⁴².

Высокий уровень образованности японцев делает их социально активными. Как свидетельствует опрос общественного мнения, более 60% населения проявляет повышенный интерес к положению в обществе и к политике правительства. Более того, на вопрос «необходимо ли интересоваться политикой, чтобы улучшить жизнь», 90% ответили положительно⁴³. Это, несомненно, говорит о том, что активная жизненная позиция является важной ценностью для японцев, равно как и прагматизм, интерес к материальным благам и дисциплинированность, но при этом и способность к определенным лишениям ради достижения благополучия в будущем не только для отдельной личности, но и для всего общества. Это наиболее наглядно проявилось в тяжелые послевоенные годы.

⁴² The Japan Times, 3.11.1993.

⁴³ Кокумин но исики то ниидзу, с.8.

В ценностных ориентациях в политической сфере устойчиво сохраняется консерватизм. Под консерватизмом понимается прежде всего сохранение высокой стабильности в условиях обеспечения динамизма развития. Радикальные настроения первых послевоенных лет достаточно быстро утратили свою привлекательность для широких слоев населения. Это объясняется как объективными (подъем экономики), так и субъективными (авантюристические действия левацких сил) факторами. Намечившееся в 70-е годы некоторое ослабление позиций правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) (примерно треть населения страны в то время жила на территории, управляющейся представителями оппозиции) было приостановлено уже к 80-м годам. Однако несмотря на однопартийное правление ЛДП, общество в целом выглядело плюралистическим. Правда, его политическая стабильность в известной мере нарушается коррупцией в правящей элите, что подрывает доверие к ней населения. Результаты последних выборов в палату представителей парламента (1993 г.) показали недостаточную гибкость сегодняшней политики консерваторов. Однако несмотря на приход к власти коалиционного правительства, первого за последние 40 лет, ключевые посты все же были сохранены за бывшими либерал-демократами.

Другими словами, у власти осталась прежняя элита с консервативной идеологией, умело использующая ее для регулирования баланса сил. По мнению итальянского социолога Вильфредо Парето, именно у политических элит, владеющих определенной идеологией, и находится реальная власть. Перегруппировка в политическом истеблишменте современной Японии свидетельствует о стремлении элиты использовать все легитимные пути для ликвидации накопившихся негативных явлений (дисфункциональный потенциал), открыть доступ в свои ряды для нового поколения политиков, создать более совершенные механизмы для разрешения внутренних конфликтов и не допустить к приходу к власти, по определению Парето, контрэлиты. В целом в стране сохраняется политика консервативной ориентации, по сути неоконсервативной модели развития. Другими словами, как и прежде, происходит адаптация к изменившимся условиям.

Какие бы перемены не происходили в мировоззренческих установках японцев, в обществе важной ценностью по-прежнему остается высокая ориентация на труд. Однако за последние 10 лет, согласно опросу общественного мнения, проведенного в 1992 г., на 13,2% возросла доля лиц, чьи интересы лежат вне работы, и в целом она составила примерно 30% занятых⁴⁴.

В настоящее время корпоративизм в своем прежнем виде («корпорация — семья для рабочих, или точнее говоря — «корпорация заменяет семью для рабочих») уже не имеет абсолютного значения, но практически все существование работника, являющегося главным действующим лицом происходящих социально-экономических преобразований, вертится вокруг него. Это диктуется логикой экономической эффективности и определяет характер трудовых отношений.

⁴⁴ Япония. О себе и мире. Дайджест, № 16, дек. 1993, с. 54.

Постепенный, очень осторожный отход предпринимателей от системы пожизненного найма, бывшей одной из основ знаменитой триады трудовых отношений, использование новой практики в этом вопросе объясняется сегодняшней стратегией корпораций, проявляющейся в политике снижения цен, увеличения конкурентоспособности товаров, диверсификации производственных связей и расширения внутреннего спроса. В этих условиях менеджмент ставит вопрос не только о высоком качестве труда, но и требует от работника индивидуального подхода и активности на рабочем месте. Одновременно молодые выпускники колледжей и университетов, т.е. лица с высоким уровнем подготовки, которые составляют персонал крупных фирм, все меньше удовлетворяются жесткими рамками системы пожизненного найма и считают более привлекательным статус работника, при котором учитываются личные заслуги. Безусловно, это пока еще тенденция в системе найма, ибо, по свидетельству социолога Ямамото Ситихэй, опросы, проводимые сотрудниками телевидения, говорят о том, что значительное число молодежи сохраняет веру в систему пожизненного найма, несмотря на то, что средства массовой информации подвергают ее серьезной критике⁴⁵.

Таким образом противоречивость настроений молодежи в отношении труда неслучайна. Данные на начало 90-х годов, приводимые по этой проблеме российским исследователем В.Б.Рамзесом, свидетельствуют, что тенденция мобильности трудового персонала набирает силу⁴⁶.

В настоящее время до 80% всех занятых удовлетворены своей работой и готовы трудиться даже после достижения пенсионного возраста. Правда, доля тех, кто собирается работать «пока сможет», постепенно падает. Видимо, это связано с улучшением системы социального обеспечения и общим повышением уровня доходов.

С ростом благосостояния все большую значимость приобретает досуг, особенно у молодого поколения, которое не спешит даже вступать в брак. Но и в этой сфере сохраняется дух корпоративизма. В частности, японцы считают дурным тоном, неэтичным по отношению к фирме полностью использовать свой отпуск. Кроме того, весьма популярным является проведение уикэндов и отпусков совместно с сослуживцами.

Постепенно досуг входит в систему приоритетов в ценностных ориентациях. Если люди среднего и пожилого возраста все еще живут, чтобы работать, то молодежь уже работает, чтобы жить. По свидетельству менеджера по кадрам одной из компаний, в настоящее время молодые люди предпочитают скорее меньше работать, чем больше получать⁴⁷. Нанимаясь на работу, они интересуются не только заработной платой и условиями труда, но и тем, какими возможностями располагает фирма для организации отдыха.

⁴⁵ The Japan Times, 21.11.1987.

⁴⁶ Япония. Лики страны в разные времена. М., 1994, с.191-195.

⁴⁷ Эмури симбун, 2.10.1989.

Хотя до сих пор, по данным опросов общественного мнения, больше половины занятых работают, «чтобы заработать деньги», свыше 20% видят в этом и «долг перед обществом» и около 20% трудятся для самореализации.

Новые ценности внедряются путем формирования стереотипов от наглядно-примитивной пропаганды американского образа жизни в первые послевоенные годы к воздействию на более высоком уровне. Речь идет о широком заимствовании опыта, в частности в области образования, в кино, индустрии развлечения. Причем подчас оккупационные власти директивными указаниями прививали западные ценности, используя самые разнообразные средства. Не без американского влияния получили в стране широкий размах средства массовой информации, играющие важную роль в формировании общественного сознания, его стандартизации. Наряду с образованием они, по выражению К.Волферена, выполняют роль служанки существующей системы в обществе. Безусловно, средства массовой информации нацелены на формирование стереотипов, отвечающих социополитическим установкам правящей элиты. В зависимости от политической конъюнктуры меняется набор стереотипов. Так, в годы борьбы против японо-американского договора безопасности пропагандировался стереотип «грубого американца», а в годы бурного экономического подъема — исключительности японской нации, умение адаптироваться к новой обстановке, особой моральной энергии японцев, самобытности их культуры, сплоченности.

Содержание стереотипов отчетливо отражает соотношение национальных и заимствованных элементов в сфере психологии, идеологии, социологии и политики в целом в массовом сознании. Особенно это характерно для японцев с веками выпестованными стереотипами поведения, которые стали интегральной частью их сознания. С детства каждый ребенок усваивает готовые схемы и модели поведения. В какой-то степени такие стереотипы действуют на уровне подсознания. Этот принцип не разрушили ни преобразования периода Мэйдзи, ни крушение японской империи в середине этого века, ибо они — часть духовной жизни общества, одна из форм его существования.

Более того, именно после реставрации Мэйдзи активно начали создаваться новые стереотипы на основе регламентации с использованием всех нововведений. Конкретным проявлением может служить сфера образования, где все было подчинено единым строгим правилам — ношения формы, поведения, выполнения обязанностей в классах, поклонения императору, скорее его обожествления и пр.

Примерно та же политика проводилась в системе просвещения и с конца 50-х годов нашего века. Именно тогда началось движение за пересмотр школьных программ в сторону националистической интерпретации истории и политики страны, продолжающееся и по сей день, несмотря на противодействие некоторых общественных сил. Но если раньше фальсификация истории в школьных учебниках осуществлялась большей частью цензурой, то теперь речь шла о коренном изменении их содержания. В 60-е годы активно разрабатывалась

концепция формирования желательного человека (кампания «хитодзукуру»), в которой наибольший акцент делается на воспитание человека в духе патриотизма и единства нации.

В последние два десятилетия националистическое воспитание ведется уже с начальной школы путем ненавязчивого возвращения к традиционным ритуалам (поднятие национального флага, исполнение гимна), что подспудно обеспечивает лояльность к императору и государственным структурам вообще. По сути проводится целенаправленная политика сохранения в сознании японцев идеи того, что император является символом нации, мерилом нравственных идеалов и хранителем преемственности поколений. Эта политика вызывает неоднозначную реакцию в обществе⁴⁸. Примечательно, что теперь даже социал-демократическая партия Японии (СДПЯ), вступив в коалиционное правительство с консерваторами, уже не возражает против официального признания старого государственного гимна и флага, которые ранее считались символами милитаризма и агрессии.

Реализация традиционных духовных ценностей вкупе с заимствованными способствует формированию личности японца, проникнутой идеей конформизма и гармонии. На эту идею работают все средства массовой информации, постоянно поддерживая интерес к институту императора. Особенно это наглядно проявляется во время таких эпизодических событий в жизни императорской семьи, как, например, недавняя свадьба кронпринца, проведенная с соблюдением всех древних ритуалов. В то же время постоянно подчеркивается, что члены императорского дома живут той жизнью, что и миллионы семей японцев с их радостями и горестями. Тем не менее в целом пиетет по отношению к императору падает, особенно среди молодого поколения. Согласно опросу общественного мнения, проведенному NHK в 1988 г., около 50% респондентов проявили индифферентность в этом вопросе⁴⁹.

В этой обстановке синто и буддизм предпринимают попытки модернизировать свои догматы, приспособляясь к новой ситуации, но не поступаясь своими многовековыми принципами. Отношение японцев к религии сложно и противоречиво, но она сохраняет свою значимость как духовная ценность. Даже те, кто считают себя неверующими, привычно исполняют различные религиозные обряды (во время свадеб, похорон, традиционных праздников). Все это ведет к тому, что религиозные институты сохраняют свое место в жизни японцев.

Таким образом возрождаются националистические ценности прошлого, происходит приспособление японизма с его этноцентризмом к условиям высокоразвитого массового общества, которое выходит на уровень информационного в социально-экономической сфере и более развитой демократии — в политической. Грандиозные успехи Японии в значительной степени ведут к самоуспокоенности и самоуверенности, к утрате духа самокритики.

⁴⁸ Асахи симбун, 25.12.1992, 8.03.1993.

⁴⁹ Fukutake Tadashi. Цит. соч., с.149.

В условиях современного общества меняются стереотипы и на бытовом уровне. Происходит переориентация населения от приобретения материальных благ к получению услуг в самом широком смысле этого слова — от единообразного спроса к дифференцированному и более подвижному, от пожизненной ориентации на один вид труда к его разнообразию, в том числе к появлению различных хобби. Образно выражаясь, происходит переход от одних «три с» (car — машина, colour TV — цветной телевизор, conditioner — кондиционер) к другим (culture — культура, community — коммуникативность, creativity — творчество). Иначе говоря, совершается переход от ориентации лишь на материальные блага к приоритетности духовных сторон жизни, созданию «культурно интенсивного» общества, в котором люди могли бы свободно применять свой опыт на индивидуальном, коммуникативном и глобальном уровне.

Вот уже более ста лет в ценностных ориентациях в повседневной жизни японцев сосуществуют два направления. Сложилась уникальная ситуация, когда ее население органично живет в двух различных культурах. В зависимости от ситуации японец абсолютно одинаково использует палочки для еды или вилку с ножом, надевает европейскую одежду или занимается каллиграфией на татами, слушает симфонический оркестр или песнопения *дзёрури* в театре Бунраку, следит за изысканной игрой актеров в Кабуки или смотрит западные шоу, играет в *го* или часами просиживает перед игровыми автоматами *патинко*.

Усиленное проникновение западной цивилизации в японское общество закономерно поднимает вопрос: не разрушает ли импорт иностранной культуры и образа жизни (американский гамбургер, немецкая симфония, французская кухня, итальянский дизайн) японскую национальную культуру? Нет, это не так. По мере насыщения предметами материальной культуры магия американского образа жизни блекнет, а национальные традиции как бы вновь утверждаются практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Это говорит о том, что сохранение традиций есть для японцев непреходящая ценность.

Можно сказать, что к концу 80-х годов идея американизации Японии практически себя изжила. И наоборот, с 80-х годов вновь усиливается интерес к национальным ценностям. Это находит отражение в сфере общественной морали (сыновья почитательность, оплата морального долга — нормы *гири*), межличностных отношений, в укреплении существовавших социальных связей и обычаев, возрождении националистических взглядов и интереса к религии. Обращение к традиции идет в русле повышения материального благосостояния, уверенности в завтрашнем дне японцев, их гордости за высокий престиж страны в мире. Это в первую очередь характерно для поколения, выросшего в период высоких темпов роста, в обстановке стабильной, мирной, богатой жизни.

Более того, идет усиленное распространение японской культуры, отдельных элементов образа жизни и духовных ценностей за границу, что зиждется на мощном экономическом потенциале страны. В мире

неизменным успехом пользуются японская кухня, чайная церемония, *икэбана*, *караоке*, игра в *го*; проводятся многочисленные исследования по экономике, истории, культуре Японии, несколько миллионов изучают японский язык в разных странах.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением известного японоведа Фоско Мараини: «Двадцатый век в Японии часто рассматривается как прогресс, вызванный множеством чужестранных элементов, представляющих собой модернизацию, на фоне упрямого сопротивления сил традиции. В некоторых случаях это верно, но общая картина представляется совершенно иной. Будь прошлое Японии преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре»⁵⁰.

Изменение массового сознания японцев, как вытекает из вышесказанного, происходит по типу «U-образного развития», выражающегося в возврате к национальным ценностям, которые игнорировались в первые послевоенные десятилетия. Но это не просто их возрождение, а на новом качественном уровне. Сочетание западных и традиционных социокультурных установок и взглядов создает достаточно стабильный социальный климат, при котором каждая группа находит свою нишу.

Параллельное существование двух культур, поначалу достаточно ярко выраженное, с течением времени смягчается под воздействием взаимопроникновения, органичного соединения разнообразных элементов. И именно в настоящее время можно наблюдать довольно тесное переплетение, привычный для японцев сплав заимствованных и национальных ценностей. Для молодого поколения уже нет противостояния между традиционно японским и европейским. Многие молодые люди с рождения воспринимают элементы западной культуры как свои отечественные. А еще тридцать лет назад «японское и европейской сосуществовали словно отдельные комнаты в квартире — стучи в любую дверь, кому куда хочется»⁵¹. В то время молодежь все чаще открывала западную дверь.

Современный японец демонстрирует самостоятельное жизненное поведение (уважение индивидуальности) и принадлежность к социальной группе, признает железную логику дисциплины и творческий характер труда, отдает должное важности накопления и утверждению эстетических ценностей, твердо придерживается принципов демократии и плюрализма, гарантирующих стабильность в обществе, но не забывает оказывать уважение старшим по возрасту и положению.

⁵⁰ Мараини Ф. Цит. соч., с.158.

⁵¹ Мори Рюкити. Икиру тамэ но буккё (Буддизм для жизни). Токио, 1966, с.22. Цит. по: Козловский Ю.Б. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977, с.49.

Успехи Японии, ставшей вровень со странами Запада, позволяют говорить о формировании современного общества на базе модернизации. Наиболее часто, и в известной мере справедливо, под модернизацией понимается преобразование традиционного «восточного» общества в «западное», под которым подразумевается более высокий уровень цивилизации, создаваемый эндогенными процессами в экономике, политике, идеологии, науке. Модернизация — это, прежде всего, технологические преобразования, гарантирующие поступательное развитие общества, в конечном итоге приводящие к его социальной реконструкции.

В целом для успешного развития каждой страны важным является та социальная, политическая и культурная среда, в которой происходит развитие социально-экономических процессов. Другими словами, все подсистемы общества взаимосвязаны.

Важную роль эндогенных факторов в японской модернизации подчеркивает и Э.Рейшауэр: «Трансформацию послевоенной Японии нельзя рассматривать по преимуществу как результат внешнего воздействия. Опыт войны — провал имперских претензий и национальный крах, к которому привели эти амбиции, — в любых случаях заставили бы Японию двигаться в направлении, по которому она пошла в условиях оккупации. Она не смогла бы выжить экономически, иначе как на основе мирной внешней торговли. Парламентская демократия со всеми ее ошибками представляется единственной альтернативой несчастьям, которые принесло с собой авторитарное правление... Реформы оккупационных властей прошли успешно в значительной мере благодаря тому, что отвечали направлению, которому шла сама Япония»⁵².

Опыт более чем столетней эволюции общества, строго говоря и есть суть теории модернизации Японии. Это был крупномасштабный процесс, проводимый сверху, — и в период Мэйдзи, и после второй мировой войны. Он являлся результатом целенаправленной деятельности правящих кругов, будучи приоритетом национальной политики на обоих исторических этапах развития страны. Это в значительной степени предопределило относительно быстрые темпы модернизации, что способствовало появлению у народа в целом чувства, что все можно и нужно делать быстро. Это отчасти и придает динамизм обществу, рождая ощущение спрессованности истории.

Адекватное восприятие западного фактора в процессе модернизации, ее темпы и блестящие результаты были обусловлены тем, что путь модернизации был ограничен для этой страны, на который, она, быть может, чуть позже, но вступила бы сама. Ведь еще до «открытия» Японии в середине XIX в., как уже говорилось, в духовной сфере были сделаны серьезные шаги для превращения ее в современное общество. Значительная приверженность к национальным ценностям делала усвоение западной духовной традиции далеко не безусловным в отличие от заимствований материальных достижений развитых стран.

⁵² Reishauer E.O. The Japanese. Harvard University Press, 1977, с.109.

На современном этапе усиление межцивилизационных взаимодействий с тесными политическими, экономическими, технологическими и идеологическими связями ведет к интернационализации мирового сообщества, к созданию глобальных систем. Таким образом, модернизация смыкается с интернационализацией, что характерно, в частности, для Японии 90-х годов.

Можно сказать, что происшедшие в японском обществе перемены позволяют проследить превращение страны-«отшельника» в экономическую супердержаву», использующую все богатства международного сообщества, умело сочетающую общечеловеческие и традиционные ценности и в эпоху интернационализации стремящуюся уже распространить свою цивилизацию на другие народы.

ЯПОНСКИЙ ТИП ОБЩЕСТВА

Особенности формирования социальной структуры

Особенности организации современного японского общества начали привлекать усиленное внимание исследователей сравнительно недавно, когда, с одной стороны, Япония продемонстрировала ревнивым взорам из-за океана самые высокие темпы роста национального продукта и производительности труда, а, с другой — когда социальные потрясения первых лет восстановительного периода уже улеглись, и оно постепенно приобрело репутацию самого стабильного общества в мире.

По мере того как изучались причины быстрого экономического взлета, становилось очевидным, что многие из них носят весьма специфическую окраску и уходят корнями в само общество. Особенно явно это обозначилось, когда среди источников поступательной мощи Японии было выявлено значение управления экономикой на макро- и микроуровне с упором на человеческий фактор. И закономерно за рубежом встал вопрос, в чем особенность структуры японского общества, которая обеспечивает столь эффективное управление людьми и динамичное развитие страны в целом.

Задача эта оказалась не из легких, поскольку наблюдатели со стороны столкнулись с необычным и необъяснимым для себя явлением. Японское общество выглядело монолитным и неразделимым, по выражению американского исследователя Кана, «конгломератом конгломератов», состоявшим из органически спаянных друг с другом групп различного уровня, начиная с семьи и кончая общностью самого высокого порядка — нацией в целом. Первым, кто ощутил проявление этого качества неведомого социума на себе и активно ему воспротивился, было американское предпринимательство, осознавшее всю опасность союль сплоченного конкурента и окрестившее его (устаами своих ученых) весьма характерным названием — «Japan Incorporated»¹.

Большую роль в таком восприятии японского общества, как справедливо отмечают американские ученые Р.Моуэр и Е.Сугимото, сыграло противостояние двух держав — Японии и США — на международных экономических рынках. Поскольку значительная часть ученых, занимавшихся в послевоенное время этой проблемой, были американцами, то они пытались принять эту страну с позиций представителей своего общества².

¹ Social Structures and Economic Dynamics in Japan Up to 1980. Fodella. 1975, с.59.

² См.: Mouer R. Yoshio Sugimoto. Images of Japanese Society. London—New-York, 1990, с.7-10.

Образ японского общества как единого целого усиливался в глазах всего мира и благодаря его этнической однородности. Независимо от общей окраски такого сплоченного общества — отрицательной (как конкурента) или положительной (как пример для подражания) — его образ, как правило, носил отпечаток загадочной, даже мистической уникальности, необъяснимости и неповторимости. Положительно окрашенный образ нередко идеализировался и абсолютизировался как опыт гармонического и стабильного развития социума вообще. Вольно или невольно японские ученые в своих работах способствовали закреплению такого восприятия своей страны, часто, как справедливо отмечают те же Р.Моуэр и Ё.Сугимото, упрощая в глазах читателей реальную действительность³. Одномерные оценки этого общества отнюдь не отражают его существенных характеристик.

Сплоченной (мощный экономический конкурент или агрессор) Япония выступала и выступает не только во внешнем мире. И во внутренней жизни она проявляет качества хорошо отлаженного организма. Регулярно проводимые обследования постоянно показывают, что большая часть населения ориентируется скорее на общественные, чем на личные интересы. Широко известно, как японцев легко сплотить вокруг одной идеи и подвигнуть на ее осуществление. Быстрая военная мобилизация и движение против войны, кампании за рационализацию производства, рост производительности труда или за повышение качества продукции — все эти и другие подобные явления характеризуют это общество как хорошо организованное и в высшей степени эффективно управляемое. Поэтому рассматривая социальную структуру современной Японии как общества, явившего столь феноменальные качества, необходимо в первую очередь ответить на вопрос, каким образом решается задача эффективного управления им, чем оно характеризуется и привлекает к себе внимание всего мира. Вместе с тем проблема управления обществом решается в первую очередь там, где образуются макрогруппы и социальные слои, где имеются соответствующие мобилизующие и оформляющие групповое сознание институты и организации, что непосредственно связано с его структурой.

Большинство исследователей считает, что процесс перехода Японии к современной социальной структуре (в силу многих обстоятельств) оказался весьма сложным, противоречивым и растянулся на значительный период — от реставрации Мэйдзи до второй мировой войны. Более того, многие явления, характеризующие структуру общества наших дней, окончательно сложились лишь в послевоенный период. По мнению многих авторов, формирование современного японского индустриального общества происходило под влиянием как минимум двух разнонаправленных факторов. Один из них — мощнейший пласт национальной культуры и традиций, а также самобытная психология народа, на которую наложил серьезный отпечаток долгий период изоляции страны. Другой — интенсивное влияние культуры Запада, понимаемой в самом широком смысле.

³ Там же.

В зависимости от оценки значимости этих факторов делаются разные выводы по поводу характера развития японского общества и его структуры. Одни полагают, что оно развивалось целиком на собственной основе и приобрело весьма специфическую структуру. Другие считают, что в процессе индустриализации и общения с внешним миром Япония развивалась в соответствии с общими для всех закономерностями. Скорее всего истина на стороне тех, кто считает, что японское общество приобрело свой современный облик в результате сложного взаимодействия столь не сходных между собой и во многом противоположных культур, происходившего после стремительного перехода Японии к новой модели развития в период Мэйдзи.

Во всяком случае в настоящее время мало кто отрицает, например, что пришедшие с Запада марксистские взгляды оказали большое влияние не только на умы японских ученых и общественных деятелей. Они активно повлияли на формирование классового самосознания той части населения, которая отрывалась от прежних источников дохода, получаемых от сельского хозяйства, и переходила к наемному труду. Темпы роста численности фабрично-заводских и транспортных рабочих в первой трети двадцатого века были очень высоки, что обеспечивало социальную базу для распространения влияния социалистических и коммунистических организаций⁴. Драматические события, связанные с одним из крупнейших землетрясений в Японии (1923 г.) и с мировым экономическим кризисом начала 30-х гг., усилили это влияние и создали благоприятную обстановку для структурирования общества по известной на Западе конфликтной модели.

В довоенный период в стране происходил процесс развития трудового и социального законодательства, направленного на защиту интересов наемных работников и оформляющего их самосознание. Соответствующие настроения известной части населения получали воплощение в организации общенациональных профсоюзных и партийных структур леворадикального толка. Характерной чертой этого процесса являлось довольно глубокое проникновение таких структур в разные сферы жизни нации. Их идеологические, политические и экономические притязания консолидировали на противоположной стороне силы предпринимателей, логически превращая их в самостоятельный классово оформленный слой общества.

Исторические факты довоенного периода свидетельствуют о том, что по крайней мере до момента вступления Японии в «большую войну» с Китаем во второй половине 30-х годов и начала ее усиленной милитаризации, общество развивалось со значительным креном в пользу конфликтной модели и с присущим ей набором соответствующих атрибутов, характеризующих социальную структуру. В первую очередь имеется в виду довольно отчетливое расслоение общества с резкой дифференциацией доходов, возникновение политических партий с ярко выраженной социальной ориентацией. Учитывать

⁴ Хаяма У. Современный японский империализм. М., 1932, с.52.

подобные процессы довоенного времени необходимо вне зависимости от избранных в конечном счете путей развития, ибо определенные моменты этого исторического опыта были достаточно быстро извлечены из памяти нации с возникновением критической ситуации сразу после второй мировой войны. Тогда были восстановлены структуры социальной защиты наемного труда, трудовое законодательство расширено за счет введения норм на забастовочные и другие организованные действия, реанимированы общенациональные профсоюзы и левые партии, оказывавшие в первое время заметное влияние на социальные отношения в Японии. Важно отметить, что уже тогда же создаются и предпринимательские структуры. Особую роль среди них начинают играть Федерация предпринимательских организаций Японии (Никкэйрээн) с ее функциями по урегулированию вопросов, связанных прежде всего с трудовыми конфликтами⁵.

Новый виток западного влияния был связан с общими демократическими преобразованиями в Японии в послевоенное время. Однако тот исторический опыт, которым японское общество воспользовалось в этот период, очевидно, носил отнюдь не однозначный характер и состоял далеко не только в усвоении классово антагонистических отношений между известными слоями населения, но и в сохранении определенных традиционных институтов.

Прежде всего речь идет о федеральной японской семье — *изэ*. Она, как уже отмечалось, состояла из представителей разных поколений и родственных ветвей и представляла собой специфическую социальную единицу. Это была самостоятельная и закрытая от внешнего мира производственно-потребительская ассоциация, которая обладала целым рядом характерных черт.

Одна из них — преемственность семейной линии. Необходимой обязанностью живущих членов семьи всегда являлось продолжение этой линии. Кандидаты на роль ее главы могли изыскиваться и среди представителей побочных ветвей. В пределах более широкой общности все ее члены должны были поддерживать ее статус, и тот, кто опозорил имя *изэ*, мог быть исключен из нее. Семья и преемственность были гораздо важнее каждого отдельного члена. По отношению к внешнему миру семья выступала как единое целое.

Несмотря на то, что согласно Гражданскому Кодексу Мэйдзи, (1898 г.), владение имуществом формально стало регистрироваться на имя определенного лица, фактически традиция совместной собственности *изэ* сохранялась еще очень долго. В силу этого такая семья, как справедливо подчеркивает В.Б.Рамзес, вплоть до поражения Японии во второй мировой войне довольно успешно противостояла проникновению в свою среду капиталистических отношений⁶. Как самостоятельная производственно-потребительская единица *изэ* обычно

⁵ Windmuller J.P., Gladstone A. Employers Associations and Industrial Relations. Oxford, 1984, с.319-353.

⁶ Hendry J. Understanding Japanese Society. London—New-York—Routledge, 1991, с.21-38.

⁷ Рамзес. В.Б. Социально-экономическая роль сферы услуг в современной Японии. М., 1975, с.95-99.

существовала за счет определенного вида деятельности, и все члены должны были вносить в нее свой вклад. Все они пользовались её благами сообща, без индивидуального вознаграждения, и в критических случаях вместе переносили материальные затруднения.

Эти особенности японской семьи способствовали сохранению отходничества, обычно характерного лишь для начальных этапов развития капиталистических отношений и сдерживающих их впоследствии. Отходники в Японии гораздо дольше поддерживали отношения с семьей и не стремились перейти целиком на новый вид дохода от найма. В случае нужды без особых проблем они возвращались к прежним занятиям в семье. При утрате трудоспособности они могли рассчитывать прежде всего именно на ее поддержку, чему способствовал принцип неделимости дохода и всего имущества. Несомненно, такое положение длительное время сдерживало развитие структур социальной защиты наемного труда, а также других механизмов, способствовавших идентификации его представителей со своим классом. Влияние этого ощущается вплоть до настоящего времени, выражаясь, в частности, в относительно низком уровне развития общенациональных институтов социального обеспечения.

Исход борьбы за семейную традицию во многом определял будущее социальной структуры Японии. Не только интернационализация страны, включение ее в мировые связи и восприятие ценностей западных обществ вели к критической оценке собственного наследия и разрушению традиций. События внутренней жизни подталкивали к развитию этого процесса в том же направлении. Так, по мере индустриализации и урбанизации постепенно и сама семья не сохранилась в том виде, в котором она была источником национальной традиции. Она распадалась на самостоятельные ячейки, и связи между ними ослабевали. Мероприятия законодательного порядка, инициированные в период Мэйдзи национальной элитой, а после второй мировой войны — оккупационными властями, способствовали развитию этого процесса. В послевоенный период он особенно усилился благодаря росту уровня жизни, активному вовлечению женщин в общественный труд и снижению рождаемости, а также усилению значения западных ценностных ориентаций для молодежи.

Важнейшим следствием этого процесса явилось прежде всего постепенное разрушение целостности и как производственно-потребительской единицы. Менялась и ее социальная роль. Ни повышение квалификации, ни обеспечение нетрудоспособных, ни даже воспитание подрастающего поколения не могли не испытывать эрозии в результате разрушения семьи как самостоятельного экономического образования.

Вместе с тем угасанию традиции противодействовали целенаправленные акции со стороны консервативных представителей высших слоев общества и неосознанное следование привычному укладу жизни широких масс простого народа.

Проблема семьи не раз становилась центром внимания общественной жизни. При принятии Гражданского Кодекса в эпоху Мэйдзи

именно вокруг семейной системы разгорелись дебаты: одни видели в ней основу для поддержания хорошо организованной социальной жизни, другие — главное препятствие на пути к прогрессу. В результате был достигнут компромисс. Приверженцев новых веяний устроило то, что Закон диктовал обязательность регистрации собственности за одним членом семьи. Консерваторам нравилось, что признавался принцип преемственности из-за поскольку Кодекс узаконивал существовавший порядок генеалогических записей⁸.

Несколько позже, когда в 20-х годах в стране разгорелись классовые конфликты, вопрос о семейных традициях был вовлечен в противостояние между всем предпринимательством, с одной стороны, и левыми организациями — с другой. Последние связывали интересы наемных работников с новыми условиями их существования, вне семьи. Отвечая на требования левых профсоюзов и партий о необходимости легализации и нормативного оформления отношений между трудом и капиталом, работодатели ссылались на необходимость следования «красивым обычаям» японской семьи, неписаным законам патернализма (со стороны *оябун*), преданности и жертвенности (со стороны *кобун*).

В этом противостоянии речь шла уже не о судьбе традиционной семьи как таковой, а об использовании семейной традиции для решения проблем социальных отношений на уровне всего общества в условиях, когда его производственно-экономическая функция переходила от крестьянской из-за к торгово-промышленным компаниям.

Существенное влияние на борьбу за семейную традицию оказывало то обстоятельство, что в мэйдзийский период, когда она начиналась, семейные связи еще не были разрушены, и надежды на их сохранение были весьма сильны. Население живо откликалось на любые действия, которые питали их. Например, требования к школьникам заучивать наизусть текст императорского указа об образовании (1890 г.), в котором предписывалось уважать традиции семьи, были встречены в народе с пониманием⁹.

Бизнес строил свои отношения с наемными работниками на «семейный» лад и широко использовал мощную идеологическую поддержку со стороны государства. В частности, место общенациональных систем занимали разнообразные патерналистские институты социальной защиты, появлению первого из которых относится еще к началу века¹⁰. Попытки повести правое крыло рабочего движения по пути внутрифирменного структурирования рабочего движения также были направлены на создание закрытых организаций по семейному типу для решения внутренних проблем «своим домом». Таким образом, вместо традиционных постепенно формировались новые производственно-социальные структуры, в которых отношения работодателей и работников складывались в систему вертикальных иерархических отношений квазисемейного типа.

⁸ Hendry J. Цит. соч., с. 21-38.

⁹ Мита гаккай дзасси, 1969, т.62, № 7.

¹⁰ Hendry J. Цит. соч., с.21-38.

Однако, несмотря на то, что влияние национальных традиций на самосознание населения в довоенный период было очень велико, борьба за внедрение этих отношений в практическую жизнь общества была весьма нелегкой, особенно в период острых конфликтов с левыми партиями и профсоюзами. Рабочее движение в целом отвергало предлагаемые работодателями варианты «семейных» отношений, и лишь в пятидесятые годы, как отмечает американский ученый С. Левин, «то, к чему в 20-30 годы стремился предприниматель, пустило в рабочей среде самые прочные корни»¹¹.

Таким образом, к началу периода высоких темпов экономического роста складывается современная структура общества, для которой, как считает целый ряд ученых, были свойственны, с одной стороны, многие черты, унаследованные от традиционной семьи, а с другой¹², — приобретенные в результате активного взаимодействия страны с внешним миром. Типичная для обществ западного образца горизонтальная стратификация в Японии существенным образом осложнена наличием границ, разъединяющих общественные слои на замкнутые группы, которые существуют в рамках изолированных друг от друга организаций, построенных по принципу отдельных семей. Сторонники универсальных концепций склонны думать, что значение патернализма сильно преувеличено. Напротив, традиционалисты полагают, что социальная структура Японии сформирована прежде всего по вертикальному принципу, свойственному *изэ*. Так, по мнению Наканэ Тиэ, все японское общество построено по этому принципу, и признаки подобной модели можно видеть повсюду — на уровне правительства и в уголовном мире, в женских клубах и в сообществах, населяющих кварталы крупных городов, в сельском кооперативе и, конечно, прежде всего, — в компаниях. Отдельная ячейка японского общества — вертикальная, группа отделена от «чужих», а среди «своих» сцентирирована отношениями патернализма.

В результате, как пишет Наканэ Тиэ, свойственное Западу противоборство классов и общественных слоев уступает в Японии место довольно жесткой конкуренции между группами. По традиционному принципу семьи все свои выступают против чужих. При этом отсутствие равноправия среди своих не служит причиной для противодействия сложившейся иерархии отношений¹².

По мнению адептов теории вертикальных структур и прежде всего самой Наканэ Тиэ, основой, на которой покоится современная структура общества, ядром, вокруг которого она сформировалась, служат крупные корпорации. Именно здесь процветают отношения патернализма и непререкаемой иерархии старшинства. Именно для них прежде всего характерна жесткая конкуренция с внешним миром, которую они с помощью государства выносят за пределы своей страны со всеми последствиями, вытекающими из принципа *уми-ото*. В

¹¹ Levin S. B. *Industrial Relations in Postwar Japan*. Urbana, 1958, с. 114.

¹² Chie Nakane. *Japanese Society*. Tokyo, 1991, с. 26-42.

неразделимости экономических интересов членов корпорации-семьи гасятся те противоречия, которые в стратифицированном обществе осознаются как противоречия классов по поводу собственности. Идеология семьи, к которой постоянно апеллирует бизнес в Японии, способствовала тому, что в конце концов и профсоюзы были органически встроены в структуру корпорации и фактически перестали в изначальном своем понимании быть таковыми. Эта оказалось в высшей степени важным обстоятельством для сохранения социальной стабильности в обществе в целом, ибо трудовые конфликты «не растекались» с помощью профсоюзного движения по всему слою наемных работников, а локализовывались внутри корпораций и приобретали вид выяснения семейных отношений.

В конце концов это способствовало тому, что известные своей боевитостью в 50-е годы «весенние наступления трудящихся» выродились в период высоких темпов в не менее известные акции, проводимые общенациональными профсоюзными объединениями по расписанию, не наносящему урон предпринимательской деятельности. Несомненно, что преобладающая в Японии пофирменная структура профсоюзов явилась одним из важных факторов поступательного движения экономики страны, что высоко оценивается предпринимательскими кругами. Не случайно стремление сохранить сложившуюся структуру профсоюзов, несмотря на усиливающиеся сомнения по поводу многих других сторон существующей системы отношений в корпорациях и в обществе¹³.

Построение корпорации по принципам семьи обособливает ее от «чужих» не только с экономической точки зрения, но и с социальной. Претендуя на роль семьи, современная японская корпорация самостоятельно исполняет в отношении своих членов многие функции, которые на Западе считаются прерогативой общества и государства. Оппоненты теории вертикальной структуры японского общества справедливо полагают, что аргументы, приводимые в ее пользу, будучи сосредоточены главным образом на характере трудовых отношений в корпорациях, не в состоянии объяснить это общество во всей полноте. Как считает английский исследователь Бернард Экклестон, «глубоко укоренившаяся уверенность в существовании связи между системой трудовых отношений и якобы бесклассовым обществом зиждется на весьма спорном предположении о том, что постоянный наем в Японии общедоступен». Отсюда и происходит переоценка роли фирмы «как корпоративной семьи» в общественных отношениях¹⁴. Одной из самых уязвимых сторон методологии Наканэ Тиэ и ее продолжателей в глазах ее наиболее резких критиков Р.Моуэра и Ё.Сугимото является то, что в сферу внимания попадает относительно небольшая часть рабочей силы страны¹⁵. Значительные массы населения находятся за преде-

¹³ Там же.

¹⁴ Eccleston B. *State and Society in Post-War Japan*. Cambridge, 1989, с. ___

¹⁵ Mouer P. Yoshio Sugimoto. Цит. соч., с.129-155.

лами области вертикального структурирования общества и, на взгляд ряда исследователей, составляют периферийную, эксплуатируемую ее часть. Среди тех, кто не попадает в сферу корпоративного патернализма — целые категории населения по признаку пола, возраста, национальности (женщины, престарелые, национальные меньшинства)¹⁶, либо по роду и характеру деятельности (временные и поденные работники, работники, занятые на мелких предприятиях). Именно для этих категорий характерен более низкий уровень дохода, худшее положение в социальной иерархии, менее благоприятные жизненные перспективы. И это при том, что за Японией закрепился образ «эгалитарного общества, общества равных возможностей»¹⁷.

Несомненно, характер японских корпораций с их мощной экономической базой оказывает самое сильное воздействие на структуру всего общества. Оно не ограничивается только средой своих работников, которые испытывают «семейный» патернализм в полной мере. Взаимоотношения более мелких фирм со своим персоналом, хоть и почерпнутым на открытом рынке труда, строятся по образцам, выработанным в фирмах-гигантах. Уровень и последовательность применения этих образцов безусловно различны в зависимости от размеров компаний. Однако системы материального и социально-бытового стимулирования, механизмы продвижения по старшинству представляют собой общенациональное явление, которое организует экономически активную часть общества более или менее по единому образцу. Стремление юридически самостоятельного мелкого и среднего бизнеса попасть в сферу интересов корпораций и в идеале — в ее «семью» также служит укреплению этой тенденции. В результате влияние корпораций, хоть и угасающее по мере удаления от эпицентров патернализма, несомненно ощущается на всех уровнях общества.

Теорию вертикальных структур можно критиковать с многих позиций, в том числе (и в первую очередь) за то, что, как справедливо считают Р.Моуэр и Е.Сугимото, она не в состоянии во всех деталях объяснить социальную организацию Японии. Однако именно она помогает выявить те ее отличительные черты и характерные особенности, которые, по выражению Наканэ Тиэ, составляют «структурную сердцевину», и понять принципиальные механизмы управления специфическим социумом¹⁸.

Исторические факты свидетельствуют о том, что традиции из вполне сознательно использовались национальной элитой в процессе строительства нового общества. На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи. В истории Японии имеется достаточно много свидетельств тому, что формирование системы пожизненного найма и повзрасстной, заработной платы происходило по инициативе предпринимателей¹⁹. В результате традиция выступала не только в качестве элемента реальной жизни, но и культивировалась как ее идеал.

¹⁶ Chalmers N. Industrial Relations in Japan. The Peripheral Workhorse, London, New York, 1991, с.42-44.

¹⁷ Eccleston B. Цит. соч., с.142.

¹⁸ Chie Nakane. Цит. соч., с.2.

¹⁹ Chalmers N. Цит. соч., с.28.

В связи с этим влияние механизма корпоративного патернализма на японское общество связано не только с масштабом его распространения, но и с характером восприятия населением. «Не столь важно, — пишет Харвей Лейбенштейн, касаясь, например, института пожизненного найма, — является ли он достоянием всех членов общества и существует ли во всех или хотя бы в большинстве японских фирм, сколько то, что он ощущается как идеал, а люди ведут себя так, словно он действительно является самым главным среди всей организационных устройств»²⁰. У самого подножия иерархической лестницы от корпоративного патернализма действительно может остаться лишь идеальное представление о нем, но и в качестве такового от продолжает действовать, не позволяя аутсайдерам жить по иным законам.

В этом смысле можно считать успешной и попытку Наканэ Тизэ и ее последователей увидеть признаки того, что все в Японии живут по единым законам вертикального общества. Идеология патернализма не только маскирует социальную стратификацию от сторонних наблюдателей, но во многих случаях освящает неравенство в глазах японцев. «Когда признаки социального неравенства, — пишет Бернард Экклестон, — становятся совсем очевидными, они с готовностью оправдываются доминирующей идеологией. Чтобы женщины воспринимали как должное свое положение на рынке труда, идеология делает упор на жертвенности их роли в качестве хороших жен и мудрых матерей»²¹. Когда пенсионеры работают в старости, то тем самым демонстрируют идеал приверженности традиционной трудовой этике. «Факты дискриминации корейцев оправдываются в глазах большинства тем, что те как «чужие», вполне понятно, занимают место подчиненной национальности среди «своих» представителей в целом единой нации»²².

В структуре японского общества наиболее принципиальным является вопрос о механизме социальной подвижности и формирования национальной элиты, с помощью которой вся структура поддерживается в жизнеспособном и эффективном состоянии. Ученые традиционалистского направления признают, что при всем видимом равноправии его членов общество отличается очень высокая степень иерархичности. «Иерархическое деление, — полагает английская исследовательница Дж.Хендри, — пронизывает всю ткань японской жизни, затрагивая индивидуумов, группы, учреждения, материальные объекты, даже еду. В Японии издавна и до сих пор уважается традиционное правило, предписывающее каждому «знать свое место», устоявшееся отношение к нему зафиксировано и в языке, который различными способами отражает виды ранжирования индивидуумов в процессе их повседневной жизни»²³.

²⁰ Leibenstein H. Inside the Firm. Cambridge (Mass.). London, 1997.

²¹ Eccleston B. Цит. соч.

²² Там же.

²³ Hendry J. Цит. соч., с.21-28.

Вместе с тем, традиционалисты убеждены в том, что иерархия японского типа носит вполне обоснованный и справедливый характер. Если суммировать их понимание этого вопроса, то структурно иерархия проявляется как бы в трех основных уровнях — между индивидуумами в пределах организаций в замкнутых вертикалях, между самими организациями и, наконец, на уровне общества в целом — между элитой и всей массой остального населения.

Механизм социальной мобильности ввиду этого в Японии принципиально отличается от того, который существует в горизонтально стратифицированных социумах. В любой японской организации, будь то компания или государственное учреждение, иерархия индивидуумов выстроена в системе соподчиненных друг с другом групп различного уровня, отношения между которыми строятся по квази-семейному типу *оябун-кобун*. В такой системе главному лицу всей организации (или чаще главенствующей группе) *оя* подчиняются несколько лиц, находящихся по отношению к первому в положении *ко*. В свою очередь, по отношению к своим подчиненным эти последние выступают в роли старших *оя*²⁴. Принципиальный момент социального продвижения в рамках такой системы состоит в относительной отлаженности этого механизма ввиду того, что он основан на четких отношениях старшинства. На этом, в частности, покоится убежденность в том, что восхождение к более высоким ступеням иерархии имеет характер чуть ли не закономерного процесса. В доказательство этого обычно приводятся факты о том, что большая часть президентов японских корпораций, их управленческая номенклатура, как правило, являются выходцами из нижних этажей социальной лестницы своей организации.

Вместе с тем, ученые-традиционалисты видят, что это верно до тех пор, пока речь идет о социальной подвижности в рамках «своей» вертикальной структуры. Как только кому-либо случается выйти из нее, неумолимо вступает в силу принцип *ути-сото*. Чужому никогда не суждено добраться до верха иерархии в другой организации. Социальная мобильность в Японии существенно ограничена наличием замкнутых рамок вертикальных структур. Особенно сильно это влияет на положение тех, кто с самого начала не попал в сферу крупного бизнеса и элитных государственных служб. Таких в стране в настоящее время большинство: до 70% рабочей силы в стране заняты на предприятиях с числом занятых менее 100 чел.²⁵ Можно стать президентом маленькой фирмы или занять видный пост в министерстве сельского, лесного и рыбного хозяйства, но дальнейший путь наверх будет приостановлен из-за низкого статуса самой организации, поскольку они также строго ранжированы.

Иерархия организаций в Японии определяется целым рядом взаимосвязанных факторов, не все из которых в полной мере изучены.

²⁴ Chie Nakane. Цит. соч., с.44.

²⁵ Родо токэй тэса гэнпо. 1992, т.31, № 8, с.29-31.

Дж. Хендри обращает внимание на достаточно хорошо известные принципы ранжирования компаний по типу *доджоку*, где роль старшего исполняет крупнейшая материнская компания. От времени отпочкования побочной фирмы (семейной ветви) при этом зависит ее положение в группе на данный момент²⁶. Часто это бывает связано и с размером компаний, который несомненно учитывается в таблице о рангах. Однако сам по себе размер, уровень прибыльности и другие экономические показатели не всегда говорят о статусе. Гораздо важнее степень вовлеченности компании в организацию крупной корпорации. В современной Японии имеют место такие формы объединений, в которых статус мелких организаций может быть довольно высок. Об этом, в частности, свидетельствует практика командирования персонала главной фирмы в ее филиалы и возвращения обратно с повышением.

Таким образом, в японском вертикально структурированном обществе тем его членам, которые состоят в организациях, занимающих в своей иерархии малозначительное место, путь в ряды общенациональной элиты практически отсечен навсегда. Ряды властных структур пополняются прежде всего за счет тех, кто представляет крупные и авторитетные организации.

Но если большая часть общества априори лишена перспектив продвижения к власти, то возникает вопрос о справедливости механизма селекции. При этом важно понять, каким образом определяется водораздел в обществе между теми, кто попадает в организации большей и меньшей значимости, с одной стороны, и теми, кто остается в аутсайдерах, — с другой. Наиболее часто это объясняется концепцией «приоритетности образования».

Ключевым моментом в системе аргументов, к которым прибегают адепты этой концепции, обосновывая справедливость механизма макросоциальной мобильности в Японии, является утверждение о том, что возможности получения образования здесь не зависят ни от социального происхождения, ни от материального положения семьи²⁷. Известный английский японовед Р. Дор доказывает, что элита, прошедшая сквозь жесткую систему университетского отбора, вполне надежно защищена от других претендентов на власть, иные пути «скорее подводят, чем вводят в коридоры власти»²⁸.

В условиях бесплатного 9-летнего образования и довольно недорогого платного полного среднего жесткая машина конкурсного отбора, выжимая из всех слоев населения все самое ценное для общества, объективно способствует тому, чтобы возможности социальной мобильности для населения не определяются исключительно экономическими причинами.

Таким образом концепция «приоритетности образования» поддерживает, с одной стороны, идею эгалитарности социального устрой-

²⁶ Hendry J. Цит. соч., с. 24-38.

²⁷ Society Structures and Economic..., с. 169-186.

²⁸ Там же, с. 184.

ства Японии, а, с другой, — предлагает объяснение механизма социальной мобильности, которое вполне согласуется и с точкой зрения традиционалистов на японскую иерархию, возникшую в рамках вертикальных структур. Современные тенденции в развитии социальной мобильности, однако, дают все больше поводов считать, что она не столь однозначно определяется прежде всего образованием. Последнее, в свою очередь, все больше зависит и от социального происхождения и материального достатка членов общества. Более того, чем дальше, тем больше системе образования все труднее противостоять другим факторам социальной мобильности и прежде всего экономического порядка. Поэтому система образования, несмотря на весьма сильный компонент регулирования со стороны государства, стоит под угрозой постепенной утраты своих позиций в сфере формирования структуры общества и все более отодвигается на роли по сдерживанию его социальной дифференциации, находящейся под влиянием иных причин.

Итак, современная социальная структура Японии является результатом сочетания многих факторов, среди которых историческая традиция и следование своим собственным эволюционным путем сыграли немалую роль. В то же время большое значение в активизации этой роли придается и волевому фактору, который подключается каждый раз, когда создается угроза ее угасанию. В свою очередь, его эффективность, очевидно, в значительной мере зависит от степени укорененности тех или иных национальных традиций в повседневной жизни людей, от форм их проявления в социальных связях.

Система социальных связей

Социальную систему общества формируют взаимодействия людей, устоявшийся порядок в их отношениях, способность к согласованным, скоординированным действиям. В этом процессе взаимодействия личности и общества формируется и изменяется человек и его связи, т.е. все находится в постоянной динамике.

Каждый японец реализует себя в двух центрах притяжения — семье и на работе. Семья — первичная группа, структурная ячейка общества. В прошлом это был институт *изэ* (о чем уже говорилось), который охватывал не только саму семью (в западном понимании этого слова), но и дом, имущество, а также семейные узы, трудовую активность всех членов, в том числе и боковых линий. Поскольку существование *изэ* зависело от деятельности всех составляющих, ее можно рассматривать как семейное предприятие, то есть скорее как социально-экономический институт, чем связанную кровными узами общность. Поэтому, видимо, родственные связи в Японии и сейчас значат меньше, чем на Западе.

29 Там же, с.186.

По традиции в состав семьи входили родители и дети, умершие предки и еще не родившиеся потомки, что подразумевало непрерывность семейной линии, преемственность поколений. Нормы, регулирующие поведение всех членов данной *из* обеспечивали ее иерархическую структуру. Боковые семьи (*бункэ*) подчинялись главной (*хонкэ*), дававшей им определенные социальные гарантии. Отношения *хонкэ-бункэ* распространялись не только на семьи, связанные кровными узами, но охватывали и квазисемейную систему — *додзоку*. Она характеризовалась также строгой иерархией, авторитарным контролем над всеми членами группы при отсутствии родственных связей. Примером ее на высшем социальном уровне может служить государственная система в эпоху Токугава. Концепция *додзоку* лежала в основе системы «государство — семья», наиболее наглядно проявившейся перед второй мировой войной. Таким образом принцип *из* — зерно всех социальных связей в обществе — экстраполировался вверх на уровень *додзоку*, а вниз — на *оябун-кобун*.

Социально-экономические перемены в послевоенной Японии разрушили некоторые компоненты института *из*. Тем не менее ее концепция продолжает существовать в деревне и городе в виде крестьянского хозяйства, ремесленных мастерских, магазинчиков, лавок, ресторанов, кафе. Однако постепенно все большее значение приобретает нуклеарная семья. С ней японцы связывают англоязычное понятие *my home*, которое выражает любовь к своему дому, как бы отсекая все побочные линии. Современная японская семья немногочисленна: в городе, как правило, в ней не более двух детей. Родители и взрослые дети, даже несемейные, часто уже живут отдельно. Но до сих пор доля нуклеарных семей намного ниже, чем на Западе.

Значение семьи для ее членов серьезно изменилось. Для мужчины она все больше становится лишь местом отдыха, ибо его внимание сосредоточено в основном на работе. Более того, значительную часть и нерабочего времени он проводит с сослуживцами, так как это необходимо для поддержания хороших производственных отношений. Что же касается женщины, то ее положение изменилось не столь радикально, дом по-прежнему на ней, о чем речь ниже. Но современная семья, как и прежде, продолжает строиться скорее на отношениях между родителями и детьми, чем между мужьями и женами. При этом ее основа в большей степени — мать и дети. Но глава воспринимает их не каждого в отдельности, а в целом как дом, т.е. концепция *из* все же продолжает жить, хотя и в весьма обновленном виде.

Ослабление традиционных уз уже и в нуклеарной семье, обусловлено прежде всего социально-экономическими факторами: уходом жителей из сельской местности, периодическими перемещениями глав семей по службе в различные районы страны. Зачастую ее члены годами живут разрозненно. Эта ситуация в известной мере напоминает практику служения феодалов при дворе сёгуна вдали от своих родных.

Определенное влияние на ослабление семейных связей оказывает и изменение социального статуса женщины, главным образом ее участие в трудовой и общественной деятельности. Это — одно из

главных направлений эволюции общества, ибо, по мнению социолога Ивао Сумико, именно женщине присущ в настоящее время динамизм и творческий дух, в то время как мужчина более пассивен и склонен к соблюдению иерархии. Но в силу своих социопсихологических особенностей и традиций японки, постепенно перемещаясь с второстепенного места в общественной жизни на авансцену, делают это подчас не любовными, а обходными путями.

Конституция 1947 г. уравнила в правах женщин и мужчин, соответственно были внесены поправки в Гражданский кодекс и другие законы, регулирующие семейные отношения (в частности, значительно облегчена процедура разводов). Позже были приняты законы о равных возможностях найма и ратифицирована конвенция ООН о недопустимости любых форм дискриминации женщин. Начиная с середины 70-х годов правительство осуществляет государственные программы, направленные на улучшение их положения. Последняя, рассчитанная до 2000-го года, составлена на основе международных норм. Тем не менее до сих пор гражданское законодательство, отдающее дань конфуцианской морали, все еще дискриминирует женщин, якобы ради сохранения крепости семейных уз. Но положение постепенно меняется. Например, замужние женщины теперь могут сохранять девичью фамилию в случае замужества, отменен запрет вступать в новый брак женщине ранее, чем через полгода после развода.

Значимость женщин на производстве обуславливается демографической ситуацией и динамикой рынка труда, что изменяет их традиционно подчиненное положение и соответственно отношение к ним. В 80-е годы женщины составляли немногим более половины населения (в 1985 г. — 50,8%); доля работающих, которая постоянно росла, — 40,1% (1988 г.) или 24 млн. человек. Заняты они главным образом в третичных отраслях (63%) и отдают предпочтение конторскому труду, работе в сфере услуг, где составляют больше половины всех занятых. Отличительной чертой Японии, в сравнении с другими развитыми странами, является большой процент (около 20%) экономически активных женщин, работающих на семейных предприятиях и не получающих оплату за свой труд, а также (12%), занятых частным трудом дома. Все больше число их работает по временному найму, где они составляли во второй половине 80-х годов более 70%. Женщины предпочитают такую работу из-за возможности свободно располагать временем и регулировать день в интересах семьи. Увольняясь из-за рождения и воспитания детей, они затем вновь возвращаются, но уже обычно на временную.

Среди работающих растет доля замужних. В 1980 г. она составляла свыше 57% против 33% в 1962 г. Примечательно, что они трудятся не только для того, чтобы пополнить семейный бюджет, но и удовлетворить личные потребности в более дорогих вещах, развлекаться, заниматься хобби. В прошлом же женщина работала лишь до замужества, либо в случае развода или смерти мужа.

В последние годы немаловажной причиной их трудовой активности становятся психологические факторы, потребность и воз-

возможность раскрыть творческие способности. Все большее число девочек после окончания средней школы поступает в колледжи (в 1989 г. — 22,1% против 3% в 1950 г.) и университеты (соответственно 14,7 и 2,5%). В первом случае они, по большей части, получают навыки «домашней экономики» и специальность учителя. Во втором выбирают гуманитарные специальности. В нарушение, казалось бы, незыблемой традиции, женщины активно вторгаются в сферу обучения, становясь преподавателями в начальной школе (58% всех учителей), в средней первой ступени (36%) и второй ступени (20%). Однако после окончания высших учебных заведений они далеко не всегда легко могут найти работу. Прошло слишком мало времени, чтобы изменилось отношение к ним со стороны менеджмента. Несмотря на диплом, женщины рассматривают зачастую лишь как вспомогательные кадры. Достаточно редко они занимают высшие посты в управлении, да и то в среднем и мелком бизнесе. Кроме того, несмотря на принятие соответствующих законов, все еще существует дискриминация оплаты женского труда.

Сдержанность и скромность, привычка быть на втором плане тем не менее не мешает современной японке становиться чрезвычайно активным членом общества, участвуя в различных движениях, как по месту жительства, так и в общенациональном масштабе. Наиболее заметна ее роль в органах местного самоуправления, где на начало 90-х годов женщины составляли 3% депутатского корпуса. Больше всего их в городах-мегаполисах — Токио, Осака, Киото. Но по сравнению с многими другими странами ничтожно мала их роль в высших органах представительной власти. По доле женщин — депутатов парламента Япония состоит на 110 месте среди 131 страны (например, 2,3 против 38,1% в Швеции)³⁰. Лишь в 1991 г. впервые они были избраны на посты вице-губернаторов в Токио, префектурах Окинава и Исикава, а также на пост мэра в г. Асия (преф. Хёго). Эти весьма скромные достижения японских женщин в политике в известной мере «компенсирует» блистательная карьера Дои Такако — первой в истории страны председателя крупной политической партии (СДПЯ), а затем спикера палаты представителей парламента.

Продолжает существовать традиционное мнение, что женщины находятся в подчиненном положении в семье и обществе в целом, однако большинство их, по данным опросов, в основном удовлетворено своим положением. В частности, за четверть века с 27 до 37% увеличилась доля тех, кто доволен, что родились женщинами. Несмотря на все перемены они остаются хранительницами социального прошлого, традиций, которыми и живо общество. Без преувеличения можно сказать, что и настоящее находится в их руках, поскольку они «отвечают» за половину экономики, контролируя до 80% потребительских расходов. Ведь именно женщины ведут семейный бюджет и распоряжаются заработной платой своих мужей, которая переводится на их банковские счета³¹.

³⁰ Асахи симбун, 16.01.1992.

³¹ Journal of Japanese Trade and Industry, 1991, № 2, с.29.

Разрушает семейные связи, как это не звучит парадоксально, и бурное развитие источников информации. В городской семье во многом сходят на нет личные контакты между ее членами. Их заменяют большое число телевизионных каналов, видеомэгафоны, уокманы, аппаратура караоке, компьютеры. В этих условиях не только утрачивается потребность общения, но и исчезает время для него.

Современные условия жизни (отсутствие главы семьи с раннего утра до позднего вечера, занятия детей в школе и на репетиторских курсах) — еще одна причина, скорее уже психологическая, ослабления внутрисемейных связей. Ведь даже трапеза, которая раньше была ритуалом, редко собирает за столом всю семью, разве что по воскресеньям и праздникам. Хозяйка практически целый день находится дома одна. В последние годы около 60% глав семей не завтракают дома и более 30% — не ужинают, не говоря уже об обедах. Дети лишь не обедают. Все больше в семейную практику входит обычай питаться вне дома и по выходным дням, освобождая женщину от приготовления пищи. И если лет десять тому назад это относилось к обеду, то сейчас по воскресеньям можно достаточно часто встретить в ресторанах и кафе семьи за завтраком. Особенно популярны они во время уикэнда у молодых людей, которые предпочитают скорее пойти куда-нибудь поесть, чем заниматься домашними делами.

Может быть, укреплению семьи будет способствовать расширяющееся строительство так называемых домов для двух поколений, в которых независимо друг от друга живут «отцы и дети». Такой тип жилищного строительства — новая для Японии архитектурная концепция. Она служит своего рода материальным воплощением «компромисса» между поколениями, которые живут рядом, но не вместе, сохраняя свой собственный уклад жизни. Нередко такие дома строятся взамен старых на земельных участках, принадлежащих родителям. Таким образом решается обоюдоострая проблема — молодое поколение получает жилье, не тратя баснословные суммы на землю, а старшее — заботу о себе в старости. Статистики строительства таких домов пока еще нет. Но в качестве примера может служить размах деятельности на этом поприще компании «Asahi Chemical Industry Co», у которой в 1990/91 финансовом году примерно 1/3 объема строительных работ составили так называемые двойные дома³².

Однако это не снимает многих противоречий между поколениями. Совместную жизнь затрудняют разность привычек, ценностных ориентаций, взглядов на ведение домашнего хозяйства и бизнеса. Жизнь рядом («новые соседи») также не лишена осложнений. Старшие и в этом случае полагают, что они с детьми — по-прежнему единая семья, в то время как последние считают себя полностью независимыми и предпочитают общаться с родителями лишь по праздникам или когда тем нужно оказать какую-нибудь помощь.

³² Asahi Evening News, 16.02.1992.

Тем не менее при всех сложностях жизнь по соседству двух поколений — наиболее оптимальный вариант семейных отношений. В подтверждение этого мнения можно привести старую японскую поговорку, смысл которой сводится к тому, что надо жить настолько близко друг от друга, чтобы суп не успел остыть, пока несешь его из одного дома в другой.

Проблема заботы о старшем поколении — не только семейная, но и социальная. В связи с процессом старения населения она приобретает все большую остроту. Речь идет не только о разработке и осуществлении специальных правительственных программ по совершенствованию системы социальной защиты, но и об обеспечении оптимальных условий существования стариков, создания для них микроклимата. В первую очередь следует обеспечить их посильной работой не только для получения дополнительного дохода, но и для сохранения социальных связей. Поскольку людям пожилого возраста часто приходится менять профессию, то создаются специальные центры переподготовки. Многие находят работу на мелких предприятиях, в ремонтных мастерских, в сфере общественного питания, мелкой торговли³³.

Для тех, кто не может жить с детьми или отдельно (по состоянию здоровья, из-за отсутствия финансовых средств, небольшой жилой площади и т.п.), строятся государственные и частные дома-интернаты, правда, пока число их явно недостаточно. Согласно десятилетнему «золотому плану благосостояния стариков», принятому в 1989 г., в домах первого типа намечено создать 240 тыс. спальных мест, а на дому лиц пожилого возраста будут обслуживать 100 тыс. человек. В настоящее время функционирует 228 домов второго типа с 20 тыс. комнат. Все такие дома разнятся по набору услуг³⁴. Создаются также специализированные некоммерческие организации по оказанию помощи старикам. Это так называемые разного рода объединения волонтеров. Они не только заботятся об одиноких людях в повседневной жизни, но и пытаются помочь им вновь ощутить семейную обстановку.

Таким образом, несмотря на все новации семья остается одной из главных ценностей. И сегодня она является компонентом общества, который предохраняет его от сплошной европеизации, поскольку именно семья — хранительница национального духа.

Во многом этому способствует система воспитания, основная цель которого — социализация подрастающего поколения, т.е. выработка у него способности жить в обществе. Дома ребенок усваивает духовные ценности, стереотипы поведения, приспосабливается к структуре общества. Поскольку воспитание людей в любой стране идет в системе координат национальных традиций, неудивительно непонимание зачастую поступков представителей разных этносов. На Западе, например, существует устойчивое представление, что японские изба-

³³ Асахи симбун, 7.05.1992.

³⁴ Асахи симбун, 7.05.1992.

лованные и неуправляемые дети дошкольного возраста превращаются в послушных, безликих, застандартизированных школьников, а после окончания учебных заведений пополняют армию роботообразных служащих и домохозяек³⁵. Но это не вполне соответствует действительности, ибо к японским детям в данном случае подходят с мерками и стандартами западных стереотипов, без учета национального характера японцев и их традиций.

В семье воспитание ведется в соответствии с принципами *аматэ* и *омотэ-ура* (вне — внутри: *омотэ* — внешняя сторона «я», которую показывают вне своей группы (семьи), *ура* — внутренняя, которую видят только близкие люди). Крупнейший социолог Дои Такэо, много сделавший для разъяснения японского «я», полагает, что в первые годы жизни ребенка мать делает все, чтобы он почувствовал себя любимым и ощутил личностью. Воспитанные в таком духе дети кажутся иностранцам чрезмерно избалованныминисходительными родителями. На самом же деле это — основа формирования японского «я», которое затем подчинится правилам поведения в группе. Именно в семье ребенок впервые ощущает чувство защищенности, принадлежа к группе, и опасности — вне ее³⁶.

В последующие 2-3 года он уже усваивает различие между *омотэ* и *ура*, *ути* и *сото*, о которых уже говорилось. Именно дома с родителями дети постигают искусство общения с людьми, т.е. здесь закладывается первый уровень межличностных отношений. Для их формирования чрезвычайно важна разного рода символика, устоявшиеся выражения форм вежливости в языке, ритуалы. Они же поддерживают и иерархию и согласие в семье. Гармония для японцев на бытовом уровне проявляется в следовании принципу «поступай с другими так, как хочешь чтобы поступали с тобой». В межличностных отношениях очень важны стереотипы. Для японцев все, что выходит за их рамки — странно, даже неприлично — *окасий*.

Практически все дети хотя бы в течение года посещают дошкольные учреждения — детские сады или дневные детские центры. Именно здесь, в обществе сверстников, появляется возможность впервые осознать себя личностью, утвердить свое «я». То, что закладывается в малой группе дошкольного учреждения, получает дальнейшее развитие в системе образования. Постепенно дети учатся контролировать свои поступки в интересах коллектива. Более высокий уровень развития межличностных отношений связан с выходом ребенка за пределы семьи в новую, более широкую социальную среду, где он формируется уже как член общества. Именно на этом уровне воспитывается способность чувствовать себя комфортно, приживаться в каждой последующей группе (детский сад, школа, университет, предприятие).

³⁵ Tobin J. Japanese Presschools and the pedagogy of Selfhood. В кн.: Japanese Sense of Self. Cambridge 1990, с.21.

³⁶ См. подробнее: Doi Takeo. The Anatomy of Self. Tokyo, 1985.

Вторым важным местом реализации социальных связей является предприятие, где у работников по большей части общие цели и интересы, и где они ощущают себя членами одной общности. Все это приводит их к идентификации с предприятием, связанной с социопсихологическими особенностями японцев, их групповой психологией. Отсюда — основная черта трудовых отношений: ориентация на предприятие. При этом чувство общности отнюдь не распространяется на рабочих другой компании той же отрасли, на таком же рабочем месте. В определенном смысле компанию можно рассматривать как современный эквивалент *изэ*.

В целях сохранения существующей здесь общности администрация предпочитает набирать работников непосредственно из учебных заведений. На тех, кто раньше работал в других компаниях, смотрят с некоторым подозрением, как на чужаков. Нанимаемые в раннем возрасте работники лучше воспринимают все то, что фирма хочет в них вложить. По мнению профессора Урабэ Киёси, они представляют собой «идеальный материал, чтобы стать идеальным «человеком компании»³⁷. Концепция «человека компании» предполагает, что найм — это не просто отношения в процессе труда, а комплекс социальных связей, поэтому, если человек меняет нанимателя, то он может ощутить неудобство и дискомфорт на новом месте, ибо попадает в социальную среду, сложившуюся без его участия. Поэтому несудивительно, что в настоящее время несмотря на усиливающуюся тенденцию роста мобильности наемных работников, половина их все же предпочитает оставаться на одном месте, даже если чем-то и недовольны, а 44 % считают смену работы приемлемой, если есть возможность лучше применить свои способности³⁸.

Определенное отождествление работника с предприятием объясняется по-разному. Одни связывают его с традициями *изэ*. Другие находят сходные черты в деревенской общине, или даже в бюрократической структуре феодального государства. Безусловно, глава *изэ* в силу обладания очень широкими правами в отношении любого ее члена ассоциировался скорее не с отцом, а с хозяином предприятия. Очевидно, такой ее характер и давал возможность в последний период Токугава и первый Мэйдзи перенести эту систему в производственные отношения. Отголоском этого является традиция в крупных корпорациях чтить предков, иметь свой гимн и создавать определенный кодекс поведения для последующих поколений. В самое последнее время рождается традиция «оставлять» работника и после смерти, устанавливая ему памятник как «человеку компании».

Характерно, что предприятие интегрирует не только работающего, но и его семью. Оно строит для них дома, дошкольные учреждения, спортивные комплексы, организует коллективный отдых, путешествия, развлечения. Одним словом действует под лозунгом «моя компания — мой дом». Семья, со своей стороны, больше ориентируется на предприятие, чем на родственников.

³⁷ Урабэ Киёси. Нихонтэки кэйэй о кангаэру (Размышление о японском менеджменте). Токио, 1978, с. 222.

³⁸ Япония. О себе и мире. Дайджест, № 16, дек. 1993, с. 55.

Отождествление работника с компанией лежит и в основе пофирменных профсоюзов. Ряд японских социологов (Ханами Тадаси, Фудзита Вакао, Ито Итиро) связывает их существование именно с групповым сознанием, с вертикальной системой патерналистских отношений. В частности, по мнению Ито Итиро, Западная Европа и Япония пошли по разным путям индустриализации — первая исходя из принципа индивидуализма, вторая — из принципа общности.

В силу такого психологического настроя нанятые на предприятия считают само собой разумеющимся вступление в профсоюз, ибо так делают все. Став его членами, они отождествляют себя с ним, а через него — с компанией, так как он повторяет ее структуру. На основе такого рассуждения Фудзита Вакао приходит к выводу, что «нанимаемые присоединяются к своим организациям (профсоюзам) только потому, что работают на одном предприятии. Они вступают в них не добровольно и не принудительно, а становятся членами организаций без предварительного осознания».

Достаточно комфортно японец чувствует себя в обществе еще и потому, что обладает многочисленными неформальными связями, которые чрезвычайно важны. Это — *connection* или *конэ* в японском звучании. Они определяют взаимоотношения людей и во многом содействуют успеху в жизни. *Конэ* пронизывают все общество, что дало возможность Карелу ван Волферену уподобить его минералу с прожилками.

Такие связи отчасти реализуются в *бацу* (досл. клан, фракция, клика). Это — неформальные группы, которые объединяют людей, имеющих тесные личные связи и ориентированных на свои особые ценности. Как замечает Исида Такэси, *бацу* «характеризуется тесным и глубоким единством... часто включает в себя патерналистское отношение со стороны лидера и зависимое от него рядовых членов. Нередко эти отношения строятся по принципу *оябун-кобун*»³⁹.

В истории страны можно проследить возникновение и исчезновение нескольких типов подобных организаций. В свое время заметную роль играли *хамбацу* (клановая клика), *дзайбацу* (финансовая клика) и *гумбацу* (военная клика). В современной Японии наиболее заметными являются *хабацу* (фракции политических партий), *гакубацу* (объединения выпускников одного высшего учебного заведения), *кэйбацу* (группы, связанные брачными и родственными отношениями). Упомянем лишь *кэйбацу*, о которых рассказал в своей монографии К.Волферен, ссылаясь на исследование группы японских авторов. Они помогают формировать бюрократическую и политическую элиту путем устройства браков. Примером может служить объединение женщин, окончивших университет Гакусюин или клуб

³⁹ Фудзита Вакао. Родо кумий ундо но тэнкай (Изменения в профсоюзном движении). Токио, 1967, с.267.

⁴⁰ Van Wolferen K. Цит. соч., с.110.

⁴¹ Takechi Ishida. Цит. соч., с.64.

жен депутатов парламента, основанный супругой бывшего премьер-министра Икэда Хаято. Наиболее элитарным среди *кэйбацу* считается общество Каруидзава (основано в 1942 г.), участница которого Сэда Митико — нынешняя императрица⁴².

Социальные связи, выросшие из групповой системы, реализуются в локальных обществах в городе и деревне. Они соотносятся с обществом в целом, как микро- и макросистемы. Микросистемы образуются связями между индивидуумами, семьями и соответствующими институтами. В западной литературе их называют *community*, а в японской *тиики сякай*, хотя часто используют и слово *комьюнити* в японской транскрипции. Четкого определения этого понятия до сих пор не дано социологами, хотя оно и признается одним из базовых для анализа жизнедеятельности общества. Это, очевидно, связано с его многомерностью. Американский социолог Ларри Лайон определяет *комьюнити* как сосредоточение теории и реальной жизни⁴³. Все зависит от того, с каких позиций рассматривается локальное общество. Одним из первых, кто попытался дать его определение, был тоже американец — социолог Роберт Парк. В 1936 г. он выделил три их типа: территориальная организация; объединение по профессии; группа людей, связанных друг с другом в повседневной жизни. Другой американский ученый — Джордж Хиллари — в середине 50-х годов определил его как группу, процесс, социальную систему, географическое место, малую родину, общий уклад жизни, одинаковое отношение к чему-либо, а всего он насчитал 94 дефиниции этого понятия. В принципе все многообразие можно свести к трем базовым признакам — общности территории, общественные связи и социальное взаимодействие. Это и есть локальное общество.

Под это определение подпадают деревня, маленький городок, квартал большого города, микрорайон, возникший вокруг крупного предприятия. Другими словами, то место, где соединяются три вышеперечисленных признака. На эмоциональном уровне достаточно часто это понятие ассоциируется с малой родиной (*фурусато*), вызывая ностальгию по замкнутому локальному обществу.

В городах и деревнях Японии бесчисленное множество локальных обществ. Лишь в Токио их многие тысячи. Об одном из них рассказал в капитальном труде, выполненном на базе полевых исследований, американский ученый Теодор С. Бестор⁴⁴. Это, пожалуй, первая такого рода работа со времени классического труда Р. Дора «Городская жизнь в Японии». Понять суть этих обществ помогает системный подход, который рассматривает связи компонентов, явлений, личностей, а не их самих.

Жизнь любого локального общества, функционирующего в определенных границах (территориальных, психологических, социальных), хотя подчас и размытых, проявляется в повторении и

⁴² Van Wolferen K. Цит. соч., с.110.

⁴³ Lyon L. The community in Urban Society. Philadelphia, 1987. с.XI.

⁴⁴ Bester Th.C. Neighbourhood. Tokyo, 1989.

переплетении устойчивых ассоциаций, институтов, стереотипов. Именно они и создают рамку для локальной жизни, где люди, даже будучи не знакомы друг с другом, взаимосвязаны через неформальные социальные, экономические и политические отношения.

Внешнее обрамление локального общества в деревне — это своеобразная смесь жилых и хозяйственных построек, микроскопических полей, теплиц, храмов, водоемов для орошения. В городе — это поистине калейдоскоп домов, лавок, ремесленных мастерских, многоквартирных апартаментов, кафе, забегаловок, не переменных кумирен, храмов, *патинко*. Такое общество определяет все аспекты жизни тех, у кого здесь дом и работа.

В послевоенный период в условиях индустриализации и урбанизации социальные связи претерпели серьезные перемены. Они затронули оба ареала обитания японцев — деревню и город. Прежде всего это выразилось в резком сокращении сельского населения, что вызвало наиболее кардинальные перемены именно в деревне, которую профессор Кида охарактеризовал как «субстрат японской культуры».

В исторической ретроспективе японская деревня представляла собой опирающуюся на систему *из* замкнутую группу и была одним из проявлений иерархической структуры *додзоку*. В нее входили также и те, кто не был занят в сельском хозяйстве (учителя, врачи, торговцы, ремесленники). Хотя сельское общество и не было полностью однородным, все его составляющие держались вместе. Оно аккумулятировало историческое единство людей, которые знали не только настоящее, но и прошлое друг друга. Межличностные отношения имели общинный характер, который во многом определялся рисоводческой цивилизацией. Кроме того, в отличие от ряда азиатских стран, например Индии и Китая, каждая японская деревня имела четко определенную территорию. Обособленности деревень способствовал и ландшафт, в котором долины рек отделены друг от друга горными хребтами.

Духовным стержнем каждой деревенской общности был местный синтоистский храм, посвященный богу-покровителю (*удзигами*) данной местности. Он был как бы символом единства людей, проживающих здесь, укрепляя у них чувство принадлежности к своей деревне. Для сельских жителей вообще характерно наложение символических отношений на реальные. В повседневной жизни люди руководствовались более всего обычаями и традициями, хотя, конечно, под все действия была подведена юридическая база. В целом доминирующим в жизни деревни был конформизм.

Деревенское общество с его корпоративно-коллективистским сознанием и иерархической структурой легло в основу современного. Несмотря на модернизацию страны именно деревня, представляющая собой социокультурное объединение, сохраняла атмосферу гармонии, солидарности, дисциплинированности. Другими словами, способствовала поддержанию и упрочению неформальных связей. Во то же время создаваемые заново формальные организации и институты опирались во многом на старые принципы. Их использовало еще правительство

Мэйдзи, стремясь перенести деревенский внутригрупповой конформизм на общенациональный уровень. Оно создало систему местного самоуправления даже до введения парламентаризма. Это было сделано с целью не допустить эскалации конфликтов между нарождавшимися новыми политическими силами. Распространению конформизма в общенациональном масштабе, укоренению концепции «государство-семья» способствовали и традиционная идея «императорская семья — главная» в государстве, этническая однородность нации и стремление отстоять независимость страны.

Иерархические отношения в сельском обществе и система семейного патернализма начали активно размываться в результате проведения послевоенной земельной реформы, ликвидировавшей класс помещиков. Этому способствовало и изменение системы административного деления: ранее самостоятельные небольшие деревни были объединены в более крупные административные единицы, а многие сельские поселения стали пригородами больших городов, подпав в значительной степени под их влияние. Этот процесс усиливало и размещение промышленных предприятий в сельской местности с ее дешевой рабочей силой и сравнительно низкими ценами на землю. К 90-м годам резко возросла разнородность сельского общества. Почти в 1/3 деревень крестьяне оказались в меньшинстве. Хотя общая картина варьируется в зависимости от регионов страны, в чистом виде прежнее сельское единение практически нигде не сохранилось. Деревня постепенно теряет социально-замкнутый характер. Этому способствует и уход молодежи в города.

Вместе с тем она продолжает сохранять многие черты прежней общественной жизни и традиций. Крестьянские хозяйства объединяются для совместного использования оборудования и машин, кооперирования при выполнении отдельных видов сельскохозяйственных работ и даже для ведения коллективного хозяйства.

Большую роль в современной деревне выполняют сельскохозяйственные кооперативы. Их членами являются как крестьяне (практически все дворы), так и просто жители данного локального общества. Эти организации не только содействуют производству и сбыту сельскохозяйственной продукции, но и обслуживают жителей района в повседневной жизни.

Таким образом на смену взаимопомощи приходят новые формы взаимодействия, место строгой иерархической структуры занимают экономические организации, а в целом, несмотря на размывание прежних социальных связей, сельское общество продолжает существовать в достаточно сплоченном виде. Хотя больших семей осталось не так много, имидж *изэ* все же сохраняется. Связи по-прежнему осуществляются на уровне семей, а не индивидуумов. На деревенских сборах, собраниях в кооперативах человек выступает, как правило, не от себя лично, а от крестьянского двора. В отношениях с местной администрацией деревню представляет староста, ответственный за всю внутридеревенскую общественную жизнь (сбор и выплата налогов, ремонт дорог, улаживание конфликтов и пр.).

Сохранению конформизма в деревне, ее сплоченности способствуют не только экономические факторы, но и взаимопомощь в повседневной жизни — во время свадеб, похорон, стихийных бедствий, пожаров. Поддержание достаточно устойчивой социальной стабильности на уровне деревни обеспечивается прежней практикой очередности выполнения общественных обязанностей каждой семьей, своего рода ротацией. Примером может служить традиционно значимое для сельской общности соблюдение религиозных ритуалов, забота о местном храме, проведение праздников.

И в целом можно с уверенностью сказать, что сельское общество продолжает играть организующую роль, хотя в последние годы акценты несколько смещаются. Исида Такэси в конце 60-х годов писал, что эта организующая роль «несмотря на влияние урбанизации на сельское общество будет сохраняться до тех пор, пока повседневные контакты среди жителей деревни будут столь же тесными, как и сейчас, хотя их интересы, конечно, будут направлены скорее на потребление, чем на производство»⁴⁵.

Деревня по-прежнему является хранительницей культурной традиции, остается близкой сердцу ее бывших жителей и их детей. Достаточно упомянуть перемещение жителей из больших городов на малую родину в дни Нового года или Бон (День поминовения усопших). Например, в одной из горных деревень в преф. Нингата, где обычно очень тихо и безлюдно, в дни этого праздника население удваивается⁴⁶.

Социальную роль деревни, видимо, в перспективе повысит проводимая в настоящее время кампания за комплексное развитие сельских районов. Она осуществляется по трем направлениям — создание в слаборазвитых районах наукоемких производств, стимулирование развития сельского хозяйства и восстановление традиционных промыслов. Возрождение сельской местности с включением ее в современное экономическое пространство, оживление неповторимых локальных производств, воспитание местного патриотизма с опорой на все богатство духовных ценностей народа, спасение прекрасных и чистых родников народной культуры — составляет суть политики возрождения малой родины. Это понятие охватывает все, что есть уникального, своеобразного, притягательного в каждом районе, городе, деревне.

Кампанию за возрождение малой родины вполне можно рассматривать как разновидность гражданских движений, занимающих не последнее место в жизни японского общества. Примечательна активная роль в ней молодежи, ее заинтересованное участие в оживлении производства в малых городах и деревнях. Все это содействует сохранению сплоченности сельского общества, поддержанию традиционных социальных связей.

Ослабление жестких социальных связей еще сильнее проявляется в городе. Быстрое экономическое развитие и урбанизация изменили

⁴⁵ Takeshi Ishida. Цит. соч., с.57.

⁴⁶ Норин токэй тэса, 1986, № 8, с.64.

структуру городов и повлекли за собой рождение значительного числа новых образований. Рост городов шел за счет включения близлежащих деревень и освоения ранее необжитых районов (в том числе путем намывания новых земель), а также путем их создания и расширения вокруг крупных предприятий.

Основой городского локального общества является квартал (*me*), хотя во многих случаях его границы не совпадают с местным административным делением. Такое общество обладает определенной автономией в организации повседневной жизни, которая осуществляется через советы жителей квартала — *тёнайкай* или *комьюнити кайги*, как их в последнее время стали называть. Они являются своего рода связующим звеном между жителями квартала и местной администрацией. Основная задача последней — помочь совету сплотить местный социум, создать благоприятные условия для адаптации вновь прибывающих.

Городские локальные общества разнятся по своему характеру. Те, что образуются за счет деревень, больше тяготеют к сельскому типу. Здесь жителям присущи традиционные общинное сознание и образ жизни. Становясь автоматически членами городских обществ, они, как и прежде, представляют не себя лично, а семью. Население таких кварталов по большей части ремесленники, торговцы, владельцы ресторанчиков, мелких мастерских. Эти локальные общества сохраняют по большей части свою суть даже, если район застраивается домами для работников вновь созданных промышленных предприятий. Коренные жители с их консервативным сознанием, несмотря на сравнительно небольшой удельный вес, имеют большое влияние на общественную жизнь. Они абсорбируют вновь поселившихся в свою среду, сохраняя отчасти атмосферу сельского общества. В таких кварталах до сих пор очень живуча традиция проведения разнообразных праздников-ярмарок, чего уже почти нет в так называемых городах-спальнях или блок-кварталах многоквартирных домов. В таких городских образованиях формируется новый тип межличностных связей. Наиболее ярко они проявляются в локальных обществах, складывающихся вокруг крупных предприятий. Три их основные составляющие — предприятие, жители и органы местной администрации — создают единое целое, вступая в формальные и неформальные связи. Ритм жизни здесь определяется ритмом деятельности предприятия, поскольку большинство населения в той или иной степени связано с ним.

Местные жители создают разнообразные организации, чтобы выдвигать и добиваться разрешения своих требований. Так же поступают предприятия и администрация, стремясь перехватить у них инициативу и осуществлять контроль. И это несложно, так как они располагают значительными материальными ресурсами и организационными возможностями.

В последние годы, в связи с постепенным сокращением рабочего времени, серьезное значение в локальных обществах приобретает досуг. Исследователи из университета Рицумэйкан (Киото) вполне справедливо отмечают, что организация отдыха жителей здесь «важна

не только для воспроизводства рабочей силы..., но и для обеспечения человеческих и общественных отношений в местном обществе. Это служит одним из средств формирования самого общества и локальной культуры»⁴⁷.

Активность жителей в старых и новых городских кварталах различна. В старых, в силу традиции, они более коммуникабельны, а в новых — сказывается отчужденность современного общества. Здесь они сотрудничают лишь когда обращаются к администрации с каким-либо требованием, а в повседневной жизни доминируют индивидуалистические настроения.

Локальное общество многоквартирных домов по своему характеру больше похоже на объединение, которое передается понятием *community* в западных странах. Под ним подразумеваются более гибкие социальные связи, без жесткой подчиненности. Но и они все больше ослабевают — соседи не знают друг друга, домохозяйки не общаются в повседневной жизни, лишь здороваются на улице; все меньше народа участвует в общественных мероприятиях, праздниках, устраиваемых в блок-кварталах.

С целью воспрепятствовать этому процессу и оживить отношения, свойственные традиционному обществу, в градостроительной практике наряду с микрорайонами свободной планировки появляются компактные жилые блоки из пяти-шести двух-трех-этажных коттеджей, которые образуют замкнутую систему. Это, очевидно, будет способствовать возрождению утерянных соседских связей на новой основе, созданию локального общества западного типа. Необходимость их возрождения диктуется проблемой воспитания, недопущения детской преступности, обеспечения досуга, ухода за инвалидами и стариками, т.е. социальными нуждами.

Безусловно, процесс развития послевоенного общества (модернизация, урбанизация, усовершенствование средств коммуникаций, информатизация бизнеса, семьи, интернационализация хозяйственной деятельности) привел к определенному «раскрытию» прежде замкнутого локального общества, как в городе, так и в деревне. В ходе этого процесса обозначился резкий разрыв в уровне развития отдельных регионов, что зачастую вело к застою, развалу некоторых локальных обществ. Такая тенденция наметилась в Японии уже с конца 60-х — начала 70-х годов. Но в то же время все районы постепенно вовлекаются в единое информационное пространство путем создания так называемой системы местной коммуникационной связи. Она представляет собой «социальные связи, которые устанавливаются в определенном районе передачей и восприятием информации»⁴⁸, что обеспечивает взаимодействие микро- и макроуровней. Общественные связи и социальные взаимодействия в рамках локального общества до сих пор остаются важной ценностью для японцев несмотря на огромные перемены, которые пережила страна.

⁴⁷ Кёдай кигё тайсэй то сюмин сэйкацу (Система крупных предприятий и жизнь населения). Киото, 1992, с.85.

⁴⁸ Комюникасён но кодзо (Структура связей). Токио, 1993, с.84.

Качество и уровень жизни

Модернизация страны оказала огромное влияние на образ, уровень и качество жизни населения, ибо эти сферы бытия неразрывно связаны с социально-экономическими переменами.

Социологи оперируют различными понятиями для характеристики бытия человека. К ним относятся «качество жизни», «уровень жизни», «образ жизни», «стиль жизни». Четких дефиниций этих понятий пока еще не введено. В данной работе используется категория качества жизни, впервые предложенная американским ученым Джоном Гэлбрэйтом. Под этим понятием он подразумевает все блага, которые могут быть предоставлены потребителю в развитом индустриальном обществе.

Специалисты ООН по проблемам развития человечества разработали показатели качества жизни. К ним прежде всего относится ее продолжительность, занятость населения, покупательная способность, доступ к политической деятельности, состояние здравоохранения и образования, экономическая и политическая стабильность, жилищные условия, возможности проведения досуга, весь спектр духовной жизни. Согласно данным ООН за 1993 г., Япония вышла на первое место по индексу качества жизни, который аккумулирует все вышеперечисленные показатели.

А ведь еще сравнительно недавно, в предвоенные годы, «жизненный уровень рядового японца, — как отмечал американский ученый Дж. Б.Коеи, — был значительно ниже, чем на Западе. Он жил в доме, построенном из дерева и бумаги, питался рисом, бобовой пастой и рыбой, в лучшем случае изредка отведывал мясо, молоко и сливочное масло, носил одежду из хлопчатобумажных тканей или из тканей штапельного волокна... матерчатые ботинки на резиновой подошве а чаще всего еще более дешевые деревянные «гэма». Автомобили, стиральные машины, канализированные уборные, радиоприемники и пр. были ему совершенно неизвестны... Потребительские расходы в Японии на душу населения за период с 1936 по 1937 г. в среднем составляли примерно 98 долл. по сравнению с 354 долл. в Германии»⁴⁹. К этому надо добавить самый высокий из перечисленных стран уровень смертности: на 1 тыс. жителей — 17,7 человек (1938 г.), в том числе детской — 124,2 на 1 тыс. рожденных (1930-1934 гг.)⁵⁰.

Таким образом, быстрый рост японской экономики в конце XIX — первой половине XX в. не вел к улучшению положения трудящихся, он даже не стабилизировал их доходы, которые обесценивались в процессе инфляции, обусловленной военной конъюнктурой. Образ жизни японцев менялся очень медленно, пребывая в застойном состоянии. Однако во второй половине века в этой области был совершен большой скачок.

⁴⁹ Коеи Дж. Военная экономика Японии. Пер. с англ. М., 1951, с.323-324.

⁵⁰ Эмиури нэнкан (Ежегодник Эмиури). Токио, 1955, с.828; Нихон кокусэй дзэу (Япония в диаграммах и цифрах). Токио, 1988, с.530.

Экономика начала работать не на войну, не на производство ради производства, а прежде всего на удовлетворение конечного потребительского спроса, то есть на человека.

Резко возросли доходы трудящихся. Если в 60-е годы Япония еще сильно отставала от других высокоразвитых стран по уровню заработной платы, то в начале 90-х даже почасовой заработок японцев (они работают больше количество часов в году, чем трудящиеся развитых стран) был уже выше, чем у американцев. В 1991 г. он составил 15,77 ам. долл., в том время как в США 11,8, в ФРГ — 12,8, Англии — 9,91, Франции — 7,14⁵¹.

Зрительный образ послевоенного скачка зримо запечатлел американский журналист Уэс Бенсон: «В 1958 г. двери переполненных электричек с шумом открывались и извергали массу одетых на один манер мужчин и женщин, стремящихся в свои офисы, в которых было холодно зимой и душно летом... Все мужчины выглядели так, будто они стриглись у одного парикмахера. Женщины были аккуратно одеты в скромные платья без какой-либо печати индивидуальности... В 1988 г. двери современных, оборудованных кондиционерами пригородных поездов открывались бесшумно, и из них выходила масса мужчин и женщин, одетых по международным стандартам... Они жили в домах, оснащенных самыми современными удобствами, о чем тридцать лет назад из них никто не мог и мечтать. В их офисах, расположенных в ультрасовременных зданиях, создан микроклимат и, хотя они еще тесны по европейским меркам, но весьма комфортабельны и удобны для работы»⁵².

В последние десятилетия по многим показателям уровня и качества жизни Япония неизменно шла по восходящей линии. Здесь наблюдается по сравнению с другими развитыми странами самая высокая продолжительность жизни, самое меньшее число разводов и самоубийств, низкая смертность, в том числе детская. Так, в 1991 г. продолжительность жизни для мужчин составила 76,11 лет, для женщин — 82,11, против соответственно 72,0 и 78,8 в США (1990 г.) и 72,5 и 80,94 во Франции (1990 г.). Число разводов на 1 тыс. жителей составило в 1992 г. 1,45 против 1,87 во Франции (1990) и 4,73 в США (1991). Смертность на 1 тыс. жителей — 6,1 (1989) против 8,2 в США, 7,1 — во Франции, 8,1 в ФРГ и 8,3 в Англии. В том числе детская смертность (в течение одного года на 1 тыс. рожденных) — 4,6 против 7,4 в ФРГ, 8,4 — Англии и 10,0 в США⁵³.

Согласно сравнительному статистическому анализу, проведенному Бюро экономического планирования в 1987 г. по 151 показателю уровня жизни в Японии, Англии, США и ФРГ, Япония была на втором месте по экологической ситуации и экономической стабильности. В то же время она значительно отстала по жилищным условиям (хотя они

⁵¹ Japan. An International Comparison. Tokyo, 1994, с.65.

⁵² The Japan Economic Journal, 02.04.1988, с.18.

⁵³ Japan An International Comparison. Tokyo, 1994, p.9, 90; Нихон кокусэй дазү, 1993, с.531.

постоянно улучшаются), социальной активности (имеется в виду деятельность различных обществ потребителей, добровольческих отрядов, клубов), а также в отдельных сферах культурной деятельности, в частности по числу библиотек и выпуску новых книг на душу населения⁵⁴.

Постепенно создаются условия для творческой деятельности на производстве и в свободное от работы время. Формируется система переквалификации в связи с удлинением активного трудоспособного возраста, облегчаются и улучшаются условия труда, расширяются возможности преодоления последствий автоматизации и чрезмерной урбанизации.

Новые условия воспроизводства трудовых ресурсов предопределяют духовные и нравственные сдвиги в жизни общества, ведут к перестройке сознания. Общее повышение и выравнивание образовательного уровня сближает культурные интересы различных групп населения. Духовные ценности постепенно становятся доступными широким слоям народа. В результате японское общество приобретает более «гуманное» лицо. Все это вместе взятое свидетельствует о неуклонном и весьма значительном росте качества жизни.

Одним из его важнейших компонентов является уровень личного потребления. В послевоенные годы отмечался устойчивый поступательный рост реальной заработной платы, семейных доходов, сбережений и соответственно личного потребления. Согласно данным официальной статистики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), по темпам прироста конечных потребительских расходов на душу населения Японии в 1960-1987 гг. занимала второе место среди 24 стран, входящих в эту организацию. В конце 80-х годов по объему этих расходов она достаточно близко подошла к уровню США (92%)⁵⁵. Значительно улучшилась и их структура. Достаточно сказать, что к концу 80-х годов коэффициент Энгеля (доля расходов на продовольствие и табак) упал более чем вдвое против 1960 г. и составил 21%⁵⁶.

Среди различных составляющих уровня и качества жизни обращают на себя внимание изменения, происшедшие в области жилья, питания населения, использования товаров длительного пользования и проведения досуга, где произошли поистине революционные сдвиги.

В послевоенный период жилищный фонд во многом был создан заново. Появился новый тип индивидуального и коллективного жилья, многоквартирные дома, что произвело фактический переворот в традиционном укладе жизни. Коренным образом изменился облик городов. На смену низкой застройке пришли многоэтажные и высотные здания, построенные из стекла и бетона. В центре городов, как правило, находятся деловые кварталы, а многоквартирные жилые дома образуют микрорайоны со всеми необходимыми коммунальными услугами и культурными центрами.

⁵⁴ The Japan Economic Journal, 11.04.1987, с.24.

⁵⁵ Нихон кэйдай кэнкю, 1990, № 10, с.46-48.

⁵⁶ Там же, с.49.

В крупнейших промышленных центрах построены многокилометровые подземные кварталы с площадями, фонтанами, магазинами, ресторанами. Привлекают внимание многоуровневые автострады со сложными развязками. Провинциальные города похожи друг на друга традиционной застройкой. Японская деревня в большинстве своем служит по существу их продолжением. При въезде в любой, даже небольшой, населенный пункт повсюду бросаются в глаза огромные помещения для игры в *патинко*, напоминающие ангары. И в крупных городах, и в маленьких селениях современность соседствует со стариной, бережно сохраняя храмы, пагоды, кумирни, разнообразные памятники культуры.

Сотни тысяч машин и экспрессов, мчащихся по мостам, тоннелям, дорогам, отражают динамизм повседневной жизни японцев. Создается впечатление, что они все время находятся в движении. И порой даже не верится, что пассажиры «тойот», «ниссанов», «хикари» могут часами любоваться цветущей сакурой, самозабвенно участвовать в народных празднествах и соблюдать обычаи глубокой старины, например заниматься чайной церемонией и *икэбаной*. Но ведь занимаются, ибо японец всегда и везде ощущает себя японцем.

Это ощущение не покидает его, даже если он живет в современном многоквартирном доме, а не в традиционном деревянном с его *татами* вместо паркета. Но иметь такой дом с непременно миниатюрным садиком — заветная мечта японца.

Постепенно растет число семей, имеющих собственные дома. В конце 80-х годов более 60% жилых строений находились в индивидуальном владении. В последнее время наблюдается бум строительства кварталов одно-, двухэтажных индивидуальных домов, бетонных или деревянных. Крытые черепицей, они соединяют элементы традиционной и современной архитектуры.

В настоящее время площадь жилья на семью составляет 85 кв. м. Но пока что по ее размерам Япония уступает другим странам — в США — 167 кв. м (1990 г.), Франция — 106, Германия — 102 (1989 г.). Свыше половины всех семей недовольны своими жилищными условиями по той или иной причине (плохая шумоизоляция от соседства скоростных автодорог и электричек, отсутствие места для стоянки автомашин и пр.). Японские дома менее обеспечены современными удобствами. Например, если водопроводом в первой половине 80-х годов дома были оснащены почти полностью (94%), то канализация в начале 90-х гг. отсутствовала более чем в половине индивидуальных домов. В то время как в США и ФРГ уже в середине 70-х ее не было лишь в 1-4% домов⁵⁷.

Прежде жилищная политика решала проблему удовлетворения минимальных потребностей в жилье, а в настоящее время она уже активно содействует созданию высококачественного жилого фонда, отвечающего высоким запросам населения. Для этого принимаются

⁵⁷ Нихон кокусэй дзюэ, 1988, с.55; 1993, с.508-510; Japan. An International Comparison, 1994, с.84.

различные меры по расширению налоговых льгот для приобретения жилья, увеличению размеров и улучшению условий целевого кредитования. Такую политику в отношении своих работников проводят и частные компании, главным образом крупные. Если раньше они строили дома в основном с квартирами небольшой площади, то теперь поощряют строительство индивидуальных домов. Они выдают низкопроцентные ссуды, страховые целевые полисы и большие бонусы. Подходящая политика металлургических компаний привлекла, например, на их предприятия в 1987 г. почти 50% выпускников колледжей⁵⁸. Однако мощным ограничителем развертывания жилищного строительства являются высокие цены на землю, что представляет собой одну из серьезнейших общенациональных проблем.

С повышением уровня, диверсификацией и индивидуализацией образа жизни расширяется спрос на жилье экстракласса. В частности, все большее распространение приобретает строительство индивидуальных коттеджей европейского типа, которые стоят в 15-16 раз дороже чем обычное среднее жилье.

На ином качественном уровне сейчас решаются и проблемы охраны среды обитания. Как известно, в 50-60-е годы уровень загрязнения в Японии был одним из самых высоких среди развитых стран. Давление общественности заставило правительство и предпринимателей взять курс на проведение эффективной природоохранительной политики⁵⁹.

Однако сохранение окружающей среды требует неослабевающего контроля. Население постоянно повышает требования к ее качеству. Речь идет уже не просто о чистоте воздуха или воды, а о наличии коммунальных удобств, создании и сохранении зеленых зон в черте крупных городов и вблизи них, развития национальных парков и заповедников, охране исторических памятников.

В ответ на эти требования создаются зоны отдыха со спортивными сооружениями. Например, в восточной части Токио в районе Арикава разбит парк, на территории которого имеется все необходимое для любителей водного спорта и тенниса (оборудовано, например, 48 теннисных корта). В Кобе, в районе Кита, по инициативе муниципальных органов для отдыха и реабилитации создана Деревня радости. Здесь расположены как спортивные и развлекательные комплексы (тенистые корты, художественные галереи, площадки для игры в гольф), так и лечебные учреждения. Создание таких центров является составной частью программы регионального развития и, в частности, возрождения малых городов.

Повышение доходов населения вызвало активный потребительский спрос на предметы длительного пользования. В стране трудно найти семью, которая бы не имела холодильника, стиральной машины, пылесоса, цветного телевизора. Согласно статистическим

⁵⁸ The Japan Economic Journal, 19.11.1988, с.25.

⁵⁹ Подробно см.: Тимонина И.Л. Япония. Экономика и окружающая среда. М., 1988.

данным, в 1993 г. их имели 98-99% семей. 87% владели фотоаппаратами, 81% имели микроволновые печи, 80% — автомашины, 75% — видео, 72% — кондиционеры, 61% — стереомагнитофоны, 54 — проигрыватели для компактдисков, 53 — кнопочные телефоны, 12 — персональные компьютеры, 7% — аппараты факсимильной связи⁶⁰.

В последние годы на рынке потребительских товаров начинает пробивать себе дорогу тенденция к приобретению крупногабаритных, многоцелевых и более комфортабельных предметов длительного пользования. Производители, пропагандируя свою крупногабаритную продукцию, даже хотят убедить покупателей, что «большое — это красиво», хотя миниатюрные вещи для японцев куда привычнее. Любость их к изящным, небольшим вещам тонко подметил еще в 20-е годы русский писатель и художник Д.Бурлюк. Он писал: «Японцы — интимисты — они любят все грациозное, не громоздкое: плетеночку из рисовой соломы, решеточку из дерева, природный камень, красиво поставленный в крохотном садике»⁶¹.

Это замечание, несмотря на большие холодильники и стиральные машины, остается справедливым и на сегодня. Пристрастие японцев к небольшим вещам сохраняется неизменным. Об этом пишет один из создателей компании «Сони» Морита Акио, «Миниатюризация и компактность всегда импонировали японцам. Наши коробки можно вставлять друг в друга, у нас складные веера, наши картины сворачиваются в аккумуляторные свитки... И мы поставили своей целью создать радиоприемник, достаточно маленький, для того, чтобы поместиться в кармане. Не просто портативный, а карманный»⁶².

В современных японских домах, буквально «набитых» всевозможной бытовой техникой, по-прежнему остается место и для цветов. Спрос на них в последние годы породил бум их производства. С конца 80-х годов японцы тратят больше всех в мире на покупку срезанных цветов в расчете на одного человека. По количеству, скажем в Голландии или Германии, покупают их больше, но в Японии они более высокого качества и потому очень дорогие. Цветы стали поистине символом достатка японской семьи.

В последние годы значительно повысился спрос на высококачественные товары и услуги. Японские потребители достаточно ярко проявляют пристрастие к дорогим и даже роскошным вещам и первоклассному сервису. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в 1989 г., 61% респондентов не считали роскошью ужин за 100 долларов, 75% — иметь видеокамеру с видеомагнитофоном, 43% — отдых на заграничном курорте⁶³.

Улучшение качества жизни японцев проявилось и в их питании, которое сейчас существенно отличается от довоенного. Перед самым началом второй мировой войны «большинство японцев все еще боролось просто за полуголодное существование... Согласно одной инфор-

⁶⁰ Japan. An International Comparison, 1994, с.82.

⁶¹ Бурлюк Д. По Тихому океану. Из жизни современной Японии. Нью-Йорк, 1927, с.5.

⁶² Акио Морита. Сделано в Японии. М., 1990, с.113.

⁶³ The Japan Economic Journal, 21.01.1989, с.12.

мации... 90% жителей деревень в префектуре Тиба, например, вообще не употребляли мяса и лишь 50-60% потребляли рыбу, причем только по торжественным случаям в те времена, когда потребление рыбы в Японии является давним обычаем. Положение городских рабочих было лишь немногим лучше»⁶⁴.

Изменения затронули как количество, так и качество питания. Калорийность дневного рациона среднего японца повысилась с 2020 ккал в 1934-1938 гг. до 2290 в 1960 и 2622 ккал в 1991.⁶⁵ Питание стало более разнообразным и сбалансированным. Чаще стали использовать в пищу мясо, молоко и молочные продукты, яйца, а также овощи, фрукты, жиры и сахар. За 1965-1988 гг. потребление мяса на душу населения возросло в 3 раза, молока и молочных продуктов в 2,2 раза, фруктов — на 35%, рыбы и морепродуктов — на 32%. В то же время потребление риса уменьшилось⁶⁶.

Можно сказать, что после второй мировой войны произошла вестернизация питания японцев. Они стали есть больше хлеба, спагетти, бисквитов, шоколада, мороженого, колбас, сосисок, ветчины, таких овощей как салат, цветная капуста, спаржа, петрушка, перец. Японцы начали пить кофе, какао, фруктовые соки, пиво, виски, вина, коньяки. Как это не выглядит странным, они больше пьют кофе, чем чай. В начале 80-х годов потреблялось 2 кг кофе в год на человека против 910 г чая. Кофе пьют большей частью растворимый, в основном на работе.

В последние десятилетия широкое распространение получили цепные системы ресторанов типа «Макдональдс», «Кентукки фрайд чикэн» с определенным набором блюд и быстрым обслуживанием. Такие рестораны пользуются все возрастающей популярностью у молодежи. Японцы охотно покупают продукты быстрого приготовления в магазинах таких фирм как «Лаусон», «Севен-элевен», «Фэмилли маркет», которые имеются практически в любом квартале. В них можно разогреть в микроволновой печи купленное блюдо и принести домой (вспомним пословицу о супе, который горячим несут из дома в дом).

Реакцией на европеизацию питания был всплеск интереса к национальной кухне. Например, рис был введен в школьные завтраки, как противовес возросшему употреблению хлеба и хлебобулочных изделий. Растет и число блюд, в состав которых он входит. Даже при приготовлении одного из новых видов гамбургеров булочка выпекается из рисовой муки, а начинкой служит рубленое куриное мясо с фасолью и соевым соусом. Таким образом широко известная иностранная еда приобретает японский колорит.

Японская диета продолжает отличаться от западной, как по уровню калорийности (здесь она ниже), потреблению белков и жиров, так и по структуре. Она сохраняет свою специфику: заметный удельный

⁶⁴ Asian Survey, 1975, Vol. XV, № 10, с.853. Цит. по: Рамзес В.Б. Личное потребление в Японии. М., 1985, с.107.

⁶⁵ Нихон кокусэй дзэу, 1993, с.503.

⁶⁶ Норинсё токэйхё (Статистический справочник министерства сельского и лесного хозяйства). Токио, 1967, с.471; Ногё хакусё фудзюку токэйхё, 1990 (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству), с.40-41,43.

вес крахмалистых веществ, преобладание растительных белков над животными, потребление существенной доли последних за счет рыбных продуктов, большая доля риса. По-прежнему японцы едят в основном натуральную пищу. По образному замечанию Ф. Мараини, «японская кухня проявляет тонкое и поэтическое уважение к дарам полей, гор и моря в том виде, в каком человек получает их от природы... японская еда — это приобщение к природе (корень есть корень; лист есть лист; рыба есть рыба, а количество отмерено так, чтобы избежать пресыщения...»⁶⁷. При приготовлении японских блюд по возможности сохраняют вкус натурального продукта, естественный цвет и, безусловно, питательные свойства.

В настоящее время, когда все более популярным становится здоровый образ жизни, японский тип питания привлекает много последователей в разных странах, ибо он ассоциируется с понятием правильного питания. Действительно, соединение традиционной пищи с продуктами животного происхождения и фруктами благоприятно сказывается на здоровье человека. Следует однако подчеркнуть, что сбалансированный и умеренный рацион питания оказывает большое влияние на продолжительность жизни и здоровье человека только наряду с другими факторами качества жизни.

Наиболее важным в этой связи является состояние системы здравоохранения, затраты на которое постоянно увеличиваются. В 1990 г. они выросли по сравнению с 1960 г. в четыре раза, составив около 6% национального дохода против 3%. По основным параметрам, характеризующим состояние этой сферы, Япония находится на уровне развитых стран. По количеству больниц, поликлиник и больничных коек она превосходит их, но уступает несколько по числу врачей в расчете на душу населения. Численность медицинского персонала постоянно растет, например, число медицинских сестер в расчете на душу населения увеличилось за 1970-1990 гг. в 2,6 раза.

Оплата медицинских услуг производится из нескольких источников. Более половины покрывается за счет страховых взносов. Около 30% приходится на долю центрального правительства, свыше 5% — местных органов самоуправления и 12% платят сами пациенты (данные на 1990 г.). Старение населения и хронические заболевания — главные проблемы, стоящие перед японским здравоохранением сегодня.

Каждый японец, который имеет постоянное местожительство и минимальный доход, т.е. практически все, за исключением бомжей, получают национальную страховку, а все наемные работники обеспечиваются страхованием по месту работы. При минимальной заработной плате их взнос не превышает 5%⁶⁸.

В то же время система социального обеспечения, которая является немаловажным фактором качества жизни, все еще не адекватна эко-

⁶⁷ Мараини Ф. Цит. соч., с.16.

⁶⁸ Нихон кокусэй даэ, 1993, с.534-536; Japan. An International Comparison. 1994, с.87; Nippon. A Charted Survey of Japan, 1993/1994, Tokyo, 1994, с.312.

номическому уровню развития, хотя с 70-х годов она постоянно совершенствуется. Япония продолжает отставать в этой области от других развитых стран. Доля расходов на социальные нужды в расчете на душу населения — наименьшая среди этих стран, и в частности почти в 2,6 раза меньше, чем в Швеции (по данным за 1987-1990 гг.)⁶⁹. Удельный вес пенсионной системы в общей структуре социального обеспечения страны примерно в 1,5 раза ниже, чем в других развитых странах.

Серьезной проблемой качества жизни остается сравнительно высокий уровень цен на товары и услуги. Если просчитать потребительские расходы на душу населения по покупательной способности валют, то их японский уровень составит лишь 62% американского⁷⁰. Несмотря на то, что заработная плата японских трудящихся, исчисленная в долларах, в среднем уже превышает этот показатель большинства развитых стран, она дается напряженным трудом и не обеспечивает в ряде случаев достаточной покупательной способности из-за высоких цен на продовольствие, топливо и жилье. Например, в 1988 г. цена на рис в американских супермаркетах составляла всего 1/3 — 1/4 японской. Хлеб в Токио в середине 80-х годов стоил примерно на 1/3 дороже, чем в Нью-Йорке, а репчатый лук — вдвое⁷¹.

Фраза о том, что японцы едят самое дорогое продовольствие в мире, стала вполне расхожей на страницах периодической печати. Чтобы купить, например, 1 кг говядины японец должен проработать 2,4 часа, в то время как итальянец — 1,9, француз — 1,7, англичанин — 1,3, немец — 1,2, канадец — 0,5, американец — 0,3. Для покупки 1 кг рыбы эти цифры будут выглядеть соответственно 2,8 часа, 1,0, 1,4, 1,1, 1,0, 0,7, 0,4⁷².

Еще одна проблема, связанная с качеством жизни и ждущая своего разрешения, — продолжительность рабочего времени. В течение многих лет сокращение проработанных часов шло очень медленно и лишь после 1988 г. темпы ускорились. Но в 1990 г. японцы все еще трудились больше всех — 250 дней в году, в то время как американцы — 233, немцы — 220, англичане — 229, французы — 227. Постепенно в стране вводится пятидневная рабочая неделя. Так, еще в 1970 г. работающие на пятидневке составляли менее 20%, в 1988 их было уже почти 80% (имеются в виду предприятия с числом занятых более 30 человек)⁷³. Разрешение этой проблемы не только повысит качество жизни, но и создаст стимулы к расширению личного потребления и обеспечит более высокий уровень занятости благодаря увеличению рабочих мест.

Небольшая продолжительность ежегодных оплачиваемых отпусков и степень их использования — тоже большая проблема. Отдыхают

⁶⁹ Нихон кокусэй дзүэ, 1993, с.530.

⁷⁰ Нихон кэйдзай кэнкю, 1990, № 20, с.46.

⁷¹ The Japan Economic Journal, 13.08.1988, с.23; Эмиури симбун, 30.07.1987.

⁷² Нихон кокусэй дзүэ, 1988, с.102.

⁷³ The Japanese Working Life Profile. Statistic Aspects, Tokyo, 1989, с.36. Нихон кокусэй дзүэ, 1993, с.520.

японцы в среднем 9 дней в году, в то время как в США — 19, Англии — 24, Франции — 26, ФРГ — 29⁷⁴. Но и этот отпуск работники, как правило, используют лишь наполовину или того меньше. Так, в 1977 г. продолжительность фактического отпуска составила в среднем 3,2 дня. В 1989 г. — 6,9⁷⁵. А в таких городах как Токио и Осака он был всего 5,3 дня. На мелких и мельчайших предприятиях отпуска значительно короче.

Неполное использование отпуска, а также большое количество сверхурочных работ негативно влияют на физическое и духовное состояние людей. В последнее время в связи с этим в японской печати появляются такие броские заголовки, как, например, «Заработались до смерти»⁷⁶.

Однако в последние годы предприниматели все активнее предоставляют более длительные отпуска, а также стараются заставить работников полностью их использовать с тем, чтобы стимулировать внутренний спрос и потребление. В этом же заинтересованы и внешнеэкономические партнеры Японии, ибо приверженность японцев к работе повышает уровень конкурентоспособности их товаров. Кроме того, в 80-е годы происходило смещение акцентов в системе приоритетов — на одно из первых мест вышли досуг и развлечения, о чем уже говорилось.

Хотя у японских трудящихся оплаченные отпуска значительно короче, чем в других высокоразвитых странах, возможности для их отдыха не так уж скудны. Во-первых, в Японии 14 дней государственных праздников. Причем, если праздник попадает на воскресенье, то понедельник автоматически становится нерабочим. Обычно японцы любят приурочивать часть отпуска к праздничным дням. Как правило, это бывает трижды в году: на Новый год, в конце апреля — начале мая, во время так называемой «золотой недели», и летом, во время праздника Бон.

Во-вторых, в Японии исключительно развита индустрия досуга. Она стала фактически новой отраслью народного хозяйства и занимает по своим оборотам одно из первых мест в экономике. В 1991 г. стоимость ее услуг составила 72 трлн. иен, в том числе 44 трлн. поступило от увеселительных заведений, 12 — от туризма, 4 — от спортивных мероприятий и 11 трлн. — от обслуживания различных хобби⁷⁷. В последние годы все больше обнаруживается склонность японцев к азартным играм, что приносит организаторам этого вида развлечения, в том числе и криминальным структурам, большие доходы. Официально игры на деньги запрещены законом, но сделано исключение для скачек, мотоциклетных и других гонок, разного рода лотерей и *патинко*. В 1993 г. доход от этого бизнеса превысил 265 млрд. долларов.

⁷⁴ Нихон кокусэй дзүэ, 1993, с.520.

⁷⁵ The Japan Economic Journal, 21.07.1990, с.4.

⁷⁶ Ёмиури симбун, 2.10.1989.

⁷⁷ Нихон кокусэй дзүэ, 1993, с.519.

Увеличение свободного времени связано также и с рядом других причин: широким распространением различных бытовых приборов, сокращением рождаемости, увеличением числа детских учреждений, усовершенствованием сферы обслуживания и, прежде всего, расширением и улучшением сети предприятий общественного питания, появлением на рынке разнообразных продуктов быстрого приготовления. Теперь хозяйкам не обязательно ходить в магазин. Покупки можно сделать по телефону или по почте. Такую службу организуют супермаркеты, универмаги, потребительские кооперативы, специализированные фирмы по доставке товаров по почте.

Все вышеперечисленные факторы — рост доходов, увеличение свободного времени, развитие индустрии досуга — привели к тому, что в качестве и формах проведения досуга произошли разительные перемены. Японцы устремились удовлетворять свои интеллектуальные и эмоциональные запросы. Они посещают картинные галереи, музеи, театры, лекции, выставки, заполняют спортивные клубы, гостиницы, рестораны, кафе.

При этом в характер времяпрепровождения вносятся определенные коррективы, связанные с индивидуализацией отношений в обществе. Коллективное проведение досуга, что было чрезвычайно распространено до последнего времени, постепенно сдает свои позиции. Человек теперь во время отдыха старается изолироваться от других. Раньше японцы очень любили посещать компаниями рестораны, бары, стриптиз-шоу и, конечно, играть в маджан. Теперь же все большую популярность, особенно у молодежи, завоевывает *патинко*, быстро, занятие *караоке*. Все более широко входит в жизнь японцев спорт, спорт ради здоровья и отдыха.

С сокращением рабочего времени, увеличением продолжительности отпусков самым непосредственным образом связан бум путешествий, особенно заграничных. В последнее время японских туристов даже стали называть специальным товаром японского экспорта. Туризм — это, пожалуй, единственная отрасль с отрицательным сальдо платежного баланса. Число туристов, выезжающих за границу, постоянно растет: в 1983 г. их было 4,2 млн. человек, в 1988 — 8,4, в 1990 г. — превысило 10 млн. Такой туризм перестает быть хобби избранных и становится новой национальной традицией.

Можно также добавить, что хотя отпуск у японцев не так велик как в других странах, тратят они на его проведение большую долю своего семейного бюджета — 10,2% против 9,4 — в США, 9,9 — в Германии, 8,8 — Англии и 7,4 — во Франции⁷⁸, отдыхая с большим комфортом.

Говоря о качестве жизни нельзя не отметить достаточно низкий уровень преступности и высокий — раскрываемости преступлений, что, несомненно, положительно влияет на создание благоприятного общественного климата. В 1990 г. в Японии было зарегистрировано 1,3 тыс. убийств, т.е. лишь один случай в расчете на 100 тыс. жителей, в то время как в США этот показатель составил 9,4, Англии — 2,3, Германии — 3,9, Франции — 4,5. Таких тяжких преступлений, как

⁷⁸ Нихон кокусэй дзүз, 1993, с.520.

изнасилование, также сравнительно немного — 1,3 случая на 100 тыс. жителей против 38 в США, 12 — в Англии, 8 — Германии и Франции. Намного меньше здесь грабежей и воровства. Уровень раскрываемости преступлений для убийств составляет 97%, грабежей — 76, изнасилований — 84, воровства — 37%⁷⁹.

Основными факторами, которые сдерживают рост преступности в обществе, являются социально-психологические особенности японцев, организация жизни в семье и локальном обществе, высокий уровень образованности. Не приходится уже говорить о хорошо отлаженной полицейской системе и высокой технической оснащенности сотрудников полиции. Однако в последние годы наблюдается рост преступности, что отчасти связывают с постоянным увеличением прибывающих в страну иностранцев, прежде всего выходцев из стран Среднего Востока и Юго-Восточной Азии.

Как и другие развитые страны Япония прошла путь от индустриального общества — через общество потребления к информационному. Но это был свой собственный путь, который авторы монографии, посвященной проблемам коммуникации — связям человека, общества и техники, удачно определили как «послевоенное издание принципа «вакон-ёсай»⁸⁰. Он совместил функциональную рациональность с традициями, национальными духовными ценностями. Именно такое сочетание (переплетение истории, культуры и современности) придает устойчивость японскому обществу, создает стабильный социальный климат, в котором каждая группа находит свою нишу.

Немаловажное значение для этого имеет постоянное улучшение качества жизни. Однако по многим параметрам оно все еще ниже, чем в других развитых странах и, безусловно, не соответствует экономическим возможностям страны. Это побуждает правительство решать данную проблему как стратегическую задачу. В частности, оно разработало пятилетнюю программу, по выполнению которой Япония станет «сверхдержавой качества жизни». Эта проблема отражена также в главном лозунге профсоюзов и всех политических партий — «От равной со странами Западной Европы и США заработной платы к равному уровню качества жизни».

На пути Японии в XXI в. складывается в принципе новая модель общества. Она неразрывно связана с изменением модели развития экономики в направлении интеллектуализации производственной структуры, софтизации и сервисации народного хозяйства, формированием горизонтальных форм участия в международном разделении труда и трансформации механизма государственного регулирования.

⁷⁹ Nippon. A Charted Survey of Japan. 1993/1994, Tokyo, 1994, с.329.
⁸⁰ Комюникасэн-но кодзо, с.82.

ЯПОНСКИЙ ТИП ГОСУДАРСТВА

Характерные черты государственности в исторической ретроспективе

Государство и политическая система в Японии, как и в других странах, формировались под воздействием целого ряда исторически обусловленных объективных факторов. Но японская специфика была в том, что особенно на зрелых этапах, после объединения страны государство рассматривалось не только как важнейший инструмент самоорганизации общества, но и как средство достижения максимальной эффективности всех социальных структур, их стабильности и коллективной солидарности. Интересы государства в большей мере чем в других странах согласовывались с интересами общества в целом. Его регулирующая роль в большей мере концентрировалась на: соблюдении пропорций в распределении власти и богатства; консолидации общества в чрезвычайных обстоятельствах за счет как жесткости вертикальной организации, так и определенной справедливости в возложении ответственности за судьбу страны на все сегменты общества; развитии этико-моральных устоев, которые позволяли добиться единства нации, ее сплоченности и социальной мобильности, широко использовать социо-психологический фактор в качестве неинституционального средства управления обществом, которое нередко оказывалось более эффективным чем государственные правовые нормы.

Культ государства с течением времени все больше становился морально-этическим фактором. А законопослушание и высокое правовое сознание — обычной социальной нормой. При определенном критическом отношении к отдельным составляющим государства, особенно элементам насилия, в обществе глубоко внедрилась идея тождественности его интересов и интересов отдельных групп. Групповое, коллективное самосознание как бы переносилось на общество в целом и на его главную организацию — государство, которое рассматривалось как выразитель интересов населения как одного коллектива («мы все в одной лодке в бурном океане жизни»).

Что касается интересов и прав личности, то они традиционно глубоко и органично переплетались с интересами коллектива. Поэтому в Японии в отличие от многих других стран неизбежные противоречия между тремя компонентами социальной организации: *государство — группа — личность* не принимали деструктивного характера. Более того, все они так или иначе стремились к социальному компромиссу и сотрудничеству.

Однако такая сплоченность и консолидация общества приводили одновременно и к тому, что его государственная организация оказывалась более консервативной и трудно поддаваемой радикальным переменам. Это, однако, было не так уж плохо, поскольку практически исключало революцию как метод изменения государственности, со всеми трагическими для общества разрушительными последствиями¹.

Сказанное вовсе не означает, что в обществе полностью отсутствует экстремизм как форма поведения отдельных групп. В истории, в том числе и новейшей, таких примеров немало. Это выступление экстремистски настроенного офицерства в 30-е годы, это поведение отдельных групп фанатиков при капитуляции Японии, это и экстремизм отдельных религиозных или псевдорелигиозных групп наподобие Аум Синрикё². Однако экстремальные формы политического и социального поведения были той аномалией, тем исключением, которое еще больше подчеркивало правило: общий социальный настрой в пользу порядка, гармонии и лояльности государству.

Перемены в характере государственности, как правило, наступали под воздействием как внутреннего, так и внешнего давления. Причем их катализатором чаще всего выступали факторы внешнего свойства. Внешних потрясений, которые привели к серьезным сдвигам в государственности и политическом процессе, можно насчитать как минимум четыре:

— проникновение буддизма или колоссальная культурная экспансия Китая в VI-VIII веках, когда под влиянием более высокой и развитой культуры государство внедрило на своей национальной почве элементы китайской государственности и права;

— усиленное проникновение западных идей и ценностей в XV веке и как реакция на это — закрытие страны на три с лишним века, сорвавшее с окончательным формированием в Японии централизованной абсолютистской власти с мощным государственным аппаратом (эпоха *сёгуна* Токугава);

— революция Мэйдзи в середине прошлого века, открывшая страну внешнему миру, и одновременно завершившая процесс формирования в Японии авторитарного государства, которое под внешней угрозой стало проводить радикальные реформы на западный манер с внедрением элементов более развитой западной цивилизации, западной государственности и права;

¹ Лишь в отношении событий 1868 г., известных как революция Мэйдзи, идут теоретические споры, были ли они действительно революцией со всеми ее атрибутами или дворцовым переворотом, восстановившим монархию в ее правах, т.е. реставрацией Мэйдзи, как это принято называть в Японии; очевидно, однако, что это не была революция в классическом смысле этого слова.

² Генерал Макартур, главнокомандующий оккупационными войсками в Японии, вспоминает, что прибывшая по его приказу для переговоров об условиях капитуляции и механизме их реализации японская правительственная делегация приняла все условия кроме одного. Она резко возражала против прибытия Макартура на военный аэропорт Ацуги, так как не могла гарантировать его личной безопасности из-за того, что правительство не контролировало дислоцированные здесь части летчиков камикадзе, настроенных воинственно. (MacArthur, Douglas, *Reminiscences*, New York, 1964, с. 269).

— послевоенные реформы, когда в результате жестокого поражения в войне страна впервые за свою историю оказалась под оккупацией; под американским воздействием была проведена радикальная демократическая реформа политической системы, государства и права.

Все эти гигантские по масштабам и качеству события меняли каркас государства и права, оказывали большое психологическое воздействие, но не меняли культурного ядра нации. Более того, каждый раз эти перемены проходили через сито этнокультурных и социально-психологических устоев. Нововведения не осуществлялись автоматически. Помимо тщательной проверки на предмет их социальной эффективности и целесообразности они строго соизмерялись с традицией национальной культуры и психологии.

Японская государственность за громадный период с VI по середину XIX века прошла много вех и испытала серьезные метаморфозы. Однако, исходя из задачи данной книги, мы остановимся лишь на обозначении самых общих и принципиальных черт, связанных с особенностями японского типа государства и политического процесса.

Его контуры в эпоху раннего феодализма в значительной мере были определены реформами Тайка (девиз правления императора), ознаменовавшимися переходом к новой государственности и принятием свода законов Тайхо рицурё (уголовные и гражданские законы эпохи Тайхо) в VII-VIII веках. Построение аппарата государственной власти и системы права осуществлялось по китайской модели. Однако созданная в результате государственность не была аналогией китайской. Имея много общих внешних черт и атрибутов, они отличались типологически. Прежде всего в них отсутствовала свойственная для многих стран Востока гипертрофия государственной власти. Само общество имело сложную сословно-профессиональную организацию, которая исключала экстремизм в поведении властей. Государство в значительно большей мере ориентировалось на компромиссность для сплочения всего его сегментов чем на принуждение.

Для правовой системы было характерно внедрение таких судебных процедур как апелляция, ориентация права на исправление преступников, смягчение уголовных наказаний, длительный период отказа от смертной казни, ограничение применения пыток. На возможном для того периода уровне велось правовое просвещение населения³.

Элементы феодальной демократии, имевшие место в многих странах, в Японии получили свое особое развитие. Она, естественно, не имела характера современных демократических свобод, но основной элемент демократии — возможно полный учет интересов не узкого круга лиц, а общества в совокупности при принятии решений — присутствовал в японском феодальном обществе. Связано это было не с высоким сознанием феодальной элиты, а особенностями струк-

³ По вопросам формирования права в статье использованы материалы В.Н.Еремина.

турирования общества, его деления на группы по сословно-профессиональному признаку.

Важнейшим этапом в формировании японской государственности домэйдзийского периода была эпоха правления *сёгуна* Токугава, эпоха Эдо (Токио), как ее часто называют по имени его столицы. Именно в этот период, когда страна была практически полностью закрыта от внешнего мира, формировались многие уникальные особенности японской государственности, которые сохранились и в последующие периоды. Изолированность в течение более чем трех веков — беспрецедентное явление во всемирной истории. Этот фактор резко усилил эндогенные черты японской государственности, привел к закреплению оригинальных этнокультурных черт японского социума. Тем более, что закрытость страны не привела к ее деградации, а, напротив, явилась причиной значительного социального и культурного прогресса, не нарушенного или заторможенного отрицательным влиянием извне.

В основе мэйдзийской государственности лежит конституция (известная как «конституция Мэйдзи»), обнародованная в феврале 1889 г. и вступившая в силу в ноябре 1890 г. Ее задачей было внедрение на традиционной постфеодальной почве фундаментальных элементов современного государства в виде парламента, кабинета министров, избирательного права. По тем временам для азиатского государства это было совершенно беспрецедентным событием. Отмечая в 1990 г. столетие японского парламента, японцы с гордостью говорили о том, что это был первый в Азии парламента.

Социальной и политической задачей было укрепление авторитарной монархической системы как главного инструмента проведения реформ. Император объявлялся лицом, наделенным высшей государственной властью. Только он один мог ставить вопрос о внесении изменений в конституцию. Ему непосредственно подчинялся кабинет министров, который он сам назначал и распускал. В законотворчестве у него было превосходство над парламентом. Император обладал исключительным правом принимать так называемые чрезвычайные законы и заключать международные договора. Армия и флот подчинялись напрямую и только ему. Кабинет министров и парламента действовали независимо друг от друга.

Мэйдзийское государство и право сформировали легитимную базу под властью «непарламентских» политических элит — высшей бюрократии и военных⁴. Значительно большую власть чем парламента и правительств, имел такой внеконституционный орган государственной власти как Совет старейшин (*гэнро*).

Особенностью бюрократии, не говоря уже об офицерстве, ранне-мэйдзийского периода (70-е гг.), было то, что ее составлял бывший

⁴ Concise Dictionary of Modern Japanese History. Compiled by Janet E. Hunter. LA, 1984, с. 126.

феодалный класс самураев, выходцев из «героев» революции Мэйдзи кланов Сацума и Тёсю (*ханбацу*), с их психологией и нравственными устоями. В знак признания особых заслуг за ними сохранили на первых порах знаки отличия — ношение самурайских мечей. Даже в глухой провинции чиновник почтового ведомства в те времена носил мечи⁵.

Позднее основу бюрократии составила другая группа — образованная элита, кадры юридического факультета Токийского государственного университета (*гакубацу*)⁶. Со временем ситуация выровнялась — политическую и бюрократическую элиту стали составлять и те, кто оканчивал другие вузы. Но элитарность Токийского госуниверситета была и остается высокой⁷.

Политические партии мэйдзийской эпохи находились в зачаточном состоянии. Они не опирались на сколько-нибудь серьезные социальные силы. Само общество не имело еще такой структуры, когда интересы его различных слоев и классов были бы представлены партиями. Оно было в основном сельским с присущим ему политическим консерватизмом.

Таким образом, наиболее динамичные и политикообразующие силы в обществе были представлены, с одной стороны, опирающимися на традиционные структуры власти бюрократией и военными, в руках которых были реальные рычаги власти, и либеральной интеллигенцией и деловыми кругами, которые их не имели.

В позднемэйдзийский период и особенно после смерти императора Муцухито — императора Мэйдзи — политическое движение, поддержанное городскими слоями и деловыми кругами, в пользу защиты и укрепления конституционных основ государства, его представительных органов привело к усилению либеральных тенденций, периода так называемой демократии Тайсё. Сам факт смерти императора Мэйдзи и вступление на престол его третьего сына принца Ёсихито (после смерти был наречен именем «император Тайсё»), подверженного физическим и умственным недугам и поэтому практически не принимавшего участия в политической жизни, стал причиной временного ослабления авторитарных структур.

Этот период длился около десяти лет. Но его политические результаты не были существенными. Главной целью движения в защиту конституционного правления была реорганизация самого политического процесса, попытка внедрить на японской почве начальные элементы западной представительной демократии, когда правительство не назначается из высших чинов бюрократии и армии, а выбирается из числа политических деятелей партий, победивших на выборах.

⁵ Craig A. M., *Functional and Dysfunctional Aspect of Government Bureacracy*, in: *Modern Japanese Organization and Decision-Making*, Ed. By Ezra F. Vogel, T., 1980, с. 4.

⁶ Там же, с. 13.

⁷ Таканэ Масааки, *Нихон-но сэйдзи эрито* (Японская политическая элита). Токио, 1976, с. 147-148.

В определенный момент это движение было поддержано массовыми выступлениями, впоследствии оно деградировало и потеряло поддержку в массах.

Два фактора оказались фатальными для «демократии Тайсё» — разочарование масс в либеральном движении и, как следствие, отказ ему в поддержке и жесткая авторитарность мэйдзийской системы государственности, не подававшей демократизации. Некоторая эволюция политических структур имела место, в частности, усиление роли кабинета министров, но по своей сути это было лишь незначительное перераспределение управленческих функций, и не более — реальная власть оставалась у военной и бюрократической элиты.

Конституция 1890 г. не могла быть демократизирована. Более того, в ней было больше предпосылок для трансформации авторитаризма в тоталитарную систему. Именно поэтому в результате острого экономического кризиса конца 20-х годов и радикализации политических режимов в странах, где отсутствовала реальная демократия, либеральное движение в Японии быстро пошло на убыль и сменилось своим антиподом — правлением националистических и милитаристских элементов, возникновением тоталитарной системы.

Период с 1932 г. до конца войны — это время значительного усиления националистического экстремизма. Возрастание влияния «непартийных» элит в лице бюрократии и особенно военных объяснялось и объективными факторами. В условиях подготовки к войне, которая была уже неизбежной, их роль в обществе становилась решающей.

Можно ли объяснить поражение либерального движения эпохи Тайсё только институциональной слабостью демократии, или это было predetermined движением авторитарного государства в сторону территориальной экспансии в Китае, а затем вовлечением в мировую войну? Скорее всего, обе эти причины сыграли свою роль.

Как ни парадоксально, единственное серьезное прогнотическое действие реакции оказывали, пусть и подспудно, традиционные социо-психологические и этнокультурные факторы. Тоталитарная политическая машина с ее философией и практикой насилия, неприятия самого понятия социального консенсуса, идеологических репрессий, политического экстремизма и военного авантюризма вела к разрушению идеалов гармонии и стабильности, ставших важнейшим элементом социальной психологии. В какой-то период ей удалось использовать национальные и традиционные элементы для насильственной консолидации общества и разжигания промилитаристских настроений в обществе, но со временем становилось ясно: полная бесперспективность подобной государственности с точки зрения ее несовместимости с этнокультурными и социо-психологическими устоями общества.

⁸ См. Найкаку. Сорифу, Бэнран (Кабинет министров. Канцелярия премьер-министра, Справочник), ред. Кёикуся. Токио, 1979, с.37-50.

Современный этап государственности и политического процесса

Поражение Японии в войне было крахом прежней государственности и политической системы. Катастрофические последствия, разрушение страны и экономики, потеря половины территории бывшей империи, наплыв реиммигрантов из бывших колоний, атомная бомбардировка японских городов с чудовищными человеческими потерями, первая за всю двухтысячелетнюю историю страны оккупация иностранными войсками — все эти потрясения имели не только эффект психологического шока. Они продемонстрировали порочность и полную несостоятельность прежней государственности. Ее реформирование стало абсолютно неизбежным. Оно было особенно эффективным потому, что происходило в условиях оккупационного режима, поставившего своей целью радикальную демократизацию государства, всех политических и экономических институтов.

Конституция гарантировала основные политические и экономические свободы, были ликвидированы основы авторитарного государства — помещичье землевладение, монополии в промышленности и финансах, были гарантированы права человека, осуществлено разделение трех ветвей власти, проведена судебная реформа.

В результате всех реформ политическая система современной Японии институционально представляет собой разновидность западноевропейской демократии. Конституция 1947 г. в высшей степени воплощает основные элементы классической демократии. По своему типу эта система ближе всего к английской. И дело не в сохранении института монархии, который существует как важный этнокультурный фактор, объединяющий нацию и символизирующий ее единство. В классических типах демократии при всех оттенках есть парламентский и президентский типы демократии. Японская система относится к первому.

Однако по целому ряду функциональных параметров японская демократия весьма специфична. По сути это демократический каркас, пронизанный элементами традиционной социальной психологии, этических, моральных и прочих систем ценностей. Вместе с этнокультурными элементами сохранились и такие, которые можно назвать «пережитками феодализма». Они еще долгое время давали пищу для критики японской демократии с коммунистических и социал-демократических позиций.

Групповое структурирование в Японии многослойно и многохарактерно. По сути это сложное переплетение формальных и неформальных групп. Причем трудно сказать, какие более социально важны и влиятельны. Их контуры не совпадают, а перекрещиваются друг друга. Коммуникационные связи между формальными группами стано-

⁹ См. Ватанабэ Ёдзо. Нихон-ни окаэру минсюсюги-но дзётэй (Демократия в Японии). Токио, 1971.

вятся особенно эффективными за счет личностных связей членов неформальных групп. Два выпускника одного вуза, члены по этому признаку неформальной группы, работающие в разных министерствах, обеспечивают лучшую связь и взаимопонимание чем формальные каналы.

Из неформальных групп можно выделить в первую очередь три макрогруппы, отношения между которым влияет на развитие политического процесса: политические круги (*сэйкай*), экономические круги (*дзайкай*) и государственное чиновничество (*канкай*). Их взаимоотношения сложные, противоречивые, подчас даже острые, хотя внешне все выглядит вполне благопристойно. Тем не менее их тесная взаимосвязь дает повод для резкой критики японского общества и государства в отсутствие подлинной демократии и формулирования их сути как «Japan Incorporated, Ltd.» — «корпорации Япония», в которой «организованный бизнес, однопартийное правительство и управленческая бюрократия являются ножками треножника, на котором покоится японская политическая система»¹⁰.

Трехкомпонентная социально-политическая структура была унаследована у мэйдзийской государственности, что свидетельствует о живучести социального структурирования, основанного на этнокультурных традициях. Но все же она функционирует в рамках демократического государства и в целом по его правилам игры. Это, несомненно, создает определенную путаницу в восприятии японских реалий, в которых мирно соседствуют элементы демократии с их отсутствием.

Это сложная комбинация макроуровневой демократии с авторитарной системой взаимоотношений внутри групп, замысловатая и трудно распознаваемая сеть со сложным переплетением интересов групп и различных принципов их функционирования от демократических до авторитарно-деспотических.

Важнейшей особенностью однако является приоритетность государственных интересов над интересами этих трех групп. При тесной связи друг с другом каждая из них действует в рамках своей компетенции и полномочий и не посягает на сферу действия других. Этим объясняется, вероятно, и то, что порой можно столкнуться с явлениями, необъяснимыми с точки зрения западного здравого смысла, когда политические круги, в том числе и высшие, не могут или не хотят оказывать давление на позицию того или иного министерства.

Сама структура министерств и ведомств определяет высокую степень автономности прав бюрократического аппарата. Бюрократическое учреждение — министерство или ведомство, возглавляемое министром — политиком. Он определяет лишь общеполитическую линию поведения министерства. Все же основные решения по функциональным и конкрет-

¹⁰ См.: Curtis, G. L. Big Business and Political Influence, in: Modern Japanese Organization and Decision-Making, ed. By Vogel Ezra F. Tokyo, 1980, в которой автор ссылается на монографию японского исследователя Янага Титоси: Yanaga, Chitoshi, Big Business in Japanese Politics. New Haven. 1968, с.28-29.

ным вопросам принимает бюрократическая элита того или иного министерства во главе с заместителем министра, судьба и карьера которого не зависят от политических кругов.

В качестве высшего государственного чиновника он представляет государственные интересы, в то время как министр — интересы своей партии, которая пришла к власти и в результате выборов может ее лишиться. В этом смысле его значение и социальный статус очень высок и значительны.

Разница между политической и бюрократической элитой заключена в их функциях в рамках государства. Политики выражают и интерпретируют интересы общества и реализуют их через государственные механизмы. Бюрократическая элита стоит на страже интересов государства как такового, стремясь согласовать их с интересами общества. И в принципе она может противодействовать политикам, если приходит к выводу, что их линия серьезно нарушает интересы государства. Роль и высокий социальный статус бюрократии связан с традиционным культом государства в Японии.

Кроме того, политики вынуждены относиться с известным уважением к бюрократии, поскольку общественное мнение исходит из предпосылки, что бюрократия является профессиональной и наиболее компетентной по функциональным и практическим вопросам деятельности того или иного министерства. Важнейшей социальной функцией бюрократии является роль амортизатора между политической и экономическим компонентами общества. Автономность японской бюрократии в общей политической системе позволяет ей обеспечивать стабильное управление государством и обществом, экономикой при всех катаклизмах в политическом мире. Политическую структуру может лихорадить, кабинеты могут меняться один за другим, но все это в минимальной степени или вовсе не сказывается на состоянии дел в экономике, на выполнении социальных программ.

В рамках групп этнопсихологические особенности сказываются в первую очередь на процедуре и механизме принятия решений, в наличии негласных, неписанных законов, регулирующих этот процесс. Вторая особенность заключена в принципах и мотивах объединения в группы интересов, которые выступают в виде партий, фракций, объединений и др. Здесь чаще всего сказываются законы патернализма, группизма, коллективной ответственности и вертикальной структуры соподчинения. Вместе с тем, этнопсихологические особенности политической организации и процесса принятия решений не могут быть объяснены воздействием одного традиционного фактора, в частности, конфуцианства, на которое обычно ссылаются.

При анализе японской специфики следует иметь в виду, что она результат удивительного и весьма причудливого, но в то же время гармоничного синтеза разных традиционных идеологий, морали и систем ценностей — пантеистического мировоззрения отечественной религии синто, буддизма с его гибкой и достаточно глубокой этико-философской системой и конфуцианства с его строго структурированными и эффективными социальными механизмами.

В результате, демократические процедуры политического процесса проходят через фильтр ненормативных, неинституционализированных психологических структур, которые основаны на этнокультурной традиции.

Примером является избрание первого лица страны — премьер-министра. По политической традиции его представляет не обязательно самое влиятельное и тем более выдающееся по своим деловым и интеллектуальным показателям лицо. Чаще это тот, кто способен достичь компромисса между соперничающими группами, или тот, кого эти группы сами выдвигают в качестве компромисса. Его «ординарность» — залог того, что в своей деятельности он строго будет следовать написанным правилам политической игры, и что его можно будет при необходимости заменить на другого. Целая серия японских премьеров в 70-е и 80-е годы выступала в виде компромиссных фигур. Это Судзуки Дзэнко, Такэсита Нобору, Каифу Тосики, Миядзава Киити и даже Накасонэ Ясухиро в первый период своего премьерства.

Структурное деление на группы в политических партиях выступает в виде фракций. По выражению американского специалиста по политической системе Японии Ханса Борвалда, фракционность составляет «сердцевину» всего политического процесса¹¹. Известно, что против фракционной структуры либерально-демократической партии пытались бороться многие политики, но всякий раз безуспешно. Бывший премьер-министр Японии Мики Такэо, считавший фракции основным злом и источником коррупции в партии, пытался было их ликвидировать. Но они возродились довольно быстро. Причина «бессмертия» фракций — в традиционной системе самоорганизации японского общества в целом и его отдельных сегментов.

Фракционность Либерально-демократической партии позволяла в течение длительного периода времени обходиться без реальной многопартийной системы. В обществах с классической демократией динамика политического процесса поддерживается за счет соперничества нескольких партий, которые через систему всеобщих выборов приходят к власти и реализуют свои политические, социальные и экономические программы, а затем уступают место другим. В Японии фракции в ЛДП, их борьба и соперничество обеспечивали динамику политического процесса, а не конкурирующие партии, хотя они и существовали на политической арене. Благодаря этому достигались две важнейшие цели — обеспечивалась стабильность и преемственность курса и отсекались экстремистские силы, сам же партия играла при этом роль общенациональной¹².

¹¹ Vaerwald H. H.. Party Politics In Japan. Boston, 1986, с.16.

¹² Впрочем сила ЛДП как партии была не только в ее гибкой фракционной структуре, но и в том, что именно она и только она была наследницей традиций политических партий, начиная с 1873 г., когда в Японии появилось первое политическое объединение, похожее на партию — партии обеспечения благосостояния (*Кодзукандзэнся*). Муракава Итиро. Нихон хосюто сёси (Краткая история консервативных партий Японии). Токио, 1978, с.260-264.

Фракции формируются не по идейно-политическим признакам, а на основе элементарных интересов объединения в группы в борьбе за власть¹³. Как и в других групповых объединениях, политик вступает во фракцию, рассчитывая на помощь коллектива в защите его интересов. Во многом фракция — традиционная патерналистская структура, действующая по принципу «все за одного, один за всех».

Поражение на всеобщих выборах Либерально-демократической партии, в течение почти всего послевоенного периода монопольно правившей страной, было вызвано и кризисом фракционности как формы политической самоорганизации. Показательно, что роковой удар по партии был нанесен одной из самых влиятельных фракций, которая вышла из нее для того, чтобы создать вторую консервативную партию. Но это не стало концом фракционности. Сформировавшаяся в конечном счете новая консервативная партия — Партия новых рубежей — структурно тоже состоит из фракций. И нет никаких признаков того, что они начинают исчезать с политической арены.

Глубинные этнокультурные корни фракционности в Японии состоят в том, что группа (фракция) как ячейка пока наиболее управляема, адаптивна и восприимчива к внешнему влиянию. Она соответствует исторической традиции кланового структурирования. Групповая основа общества — не сугубо японское явление. То же самое можно наблюдать и в других странах дальневосточного культурного ареала. Однако групповые структуры в Японии в отличие, в частности, от корейского или китайского социума, организуются не по семейному признаку или признаку родства. Семейные группы — это наиболее примитивная, малоэффективная, подверженная внутреннему разложению система групповых объединений. Японское общество давно ушло от этой формы. Здесь группы объединяются чаще всего по признаку профессионального родства, принадлежности к одной и той же школе и др. Но главным объединительным началом служит коллектив, где японец трудится.

Конец эры однопартийного правления напрямую связан с общим кризисом политического процесса в 80-е годы, когда следовавшие один за другим скандалы с коррупцией политиков привели к быстрой и хаотической смене правительств, дестабилизировали политическую ситуацию в стране. Эти скандалы привели к падению популярности и доверия избирателей к политическим партиям. Однако они не привели к какой-то катастрофе или катастрофическому падению доверия избирателей к партиям. Оно традиционно всегда было на низком уровне, поскольку политическая деятельность всегда рассматривалась как разнovidный бизнес («сэбай»), а не как благородное служение абстрактным политическим идеалам. Следовательно, для достижения целей могут допускаться все возможные легальные и полуполегалыные методы. Те же, кто преступает черту дозволенного, должны быть наказаны. Но особой трагедии в этом нет.

13 Муракава Итиро. Дзиминто-но сэйсаку кэттэй систему (Система принятия решений в ЛДП). Токио, 1989, с.303.

Любопытный материал для анализа динамики изменения политического процесса дают последние события, в частности, образование коалиционных правительств. Немыслимое еще несколько лет назад явление теперь стало реальностью. При этом в последнюю правительственную коалицию вошли политические антиподы — Социал-демократическая партия и Либерально-демократическая, а премьер-министром до недавнего времени был социалист.

Объяснить это явление также можно традициями и отлаженностью механизмов фракционных структур, когда интересы борьбы за власть объединяют различные группы в едином политическом организме. При этом адаптивность групп настолько высока, что идеологические противоречия, как мы видим, не являются непреодолимыми.

Это суждение особенно справедливо, если учесть весь исторический опыт японского государства. Традиционно политическая система в Японии в минимальной мере структурировалась по идеологическому принципу.

В послевоенной Японии и благодаря радикальной демократизации государства и права, в стране возник целый ряд партий, сформированных по идеологическому и классовому принципу. Это Коммунистическая, Социалистическая партия и Партия демократического социализма. В какой-то мере к партии, созданной на идеологической платформе, можно отнести и Комэйто. Но именно они были обречены на неудачу и не могли прийти к власти, ни самостоятельно, ни в коалиции — идеологические противоречия между ними были подчас глубже чем в правящей партии. Находясь хронически в оппозиции, эти партии исчерпали свои возможности и дошли до пределов своего роста.

После поражения ЛДП в 1993 г., было сформировано фактически первое за послевоенную историю коалиционное правительство, в которое вошли семь политических партий и одно политическое объединение. Если бы идеологический принцип лежал в основе политической мотивации партии, этого никогда бы не произошло.

На втором этапе реструктурирования политического процесса сформировались новые коалиционные объединения, и вчерашние союзники стали противниками и наоборот. Социалисты и либералы в лице партии Сакигакаэ объединились с либерал-демократами. Партия демократического социализма и Комэйто почти полностью растворились в новом консервативном объединении — Партии новых рубежей, созданной диссидентами из ЛДП.

Лишь коммунисты остались в стороне от новых политических веяний и в значительной мере потому, что не отказались от ярко выраженной идеологической платформы, хотя идеология партии всегда уживалась с ее организационной структурой, основанной на традиционных принципах группизма.

Серьезные изменения произошли в Социалистической партии. Под воздействием новых тенденций социалисты резко снизили прежний идеологический накал и совершили крутой поворот в сторону социал-демократической платформы. Поледный съезд партии реор-

ганизовал ее в Социал-демократическую партию, и на этой основе вместе с либералами из Сакигакэ они пытаются сформировать новую партию, которая могла бы выступить в качестве конструктивной альтернативы консерваторам.

Если им это удастся, то тогда можно будет говорить о переходе японского общества к классической западной модели политического структурирования, когда политический спектр современного общества представлен двумя основными альтернативами — либерально-консервативной и социал-демократической. Различие между ними в этих обществах отражает логику социального прогресса за счет попеременного использования наиболее эффективных рычагов — рыночных механизмов, обеспечивающих наиболее эффективное развитие, и государственного регулирования для более полного обеспечения социальной справедливости и стабильности¹⁴.

Но специфика социальной организации японского общества, о которой шла речь, дает основание полагать, что вряд ли это осуществимо. Скорее речь может идти об образовании двух крупных либерально-консервативных партий, которые сами по себе и внутри себя в лице фракций будут отражать разные политические тенденции, философии развития и сменять друг друга у руля власти.

В политической традиции Японии широко использовался механизм, при котором власть была представлена двумя лицами — номинальным и фактическим правителем, неким дуализмом власти. При этой системе первые лица государства являются лишь ее фасадом или даже ширмой, за которыми скрываются реальные властители. Этот механизм, вообще, характерен для восточных обществ. Его следы можно найти, в частности, в современном Китае, где по крайней мере до последнего времени власть Ден Сяопина, не имевшего никаких официальных постов, над Политбюро КПК была полной.

В Японии исторически такой дуализм власти была представлен сосуществованием в течение многих столетий власти феодалных правителей — узурпаторов, обладавших реальной властью, и императоров. Характерно, что при всей символичности они оставались важнейшим элементом политического процесса. Как подчеркивает известный японовед Г. Сэнсом, особенно в эпоху *сёгуната* Токугава военные правители всячески подчеркивали уважение к императорской власти и никогда не претендовали на нее. Предоставив все высшие привилегии императорской семье, соблюдая формальный пиетет и подчеркивая всякий раз факт принадлежности высшей власти импе-

¹⁴ Интересно, что в политических кругах проблема многопартийности рассматривается в плане двух других возможных вариантов: система из трех и более партий и система двух больших партий, сменяющих друг друга, как в США и Англии. Начало дискуссии было положено выступлением бывшего премьер-министра Японии Морихиро Хосокава в августе 1993 г. в японском парламенте. После образования второй мощной консервативной партии в лице Партии новых рубежей симпатии консерваторов на стороне системы «двух больших партий», социал-демократов и либералов — многопартийной системы.

ратору, они заботились лишь о том, чтобы сохранить в своих руках реальные рычаги власти¹⁵.

В послевоенное время это явление получило свое воплощение в разных групповых структурах. В политических объединениях — в существовании номинальных и фактических руководителей отдельных фракций либерально-демократической партии и партии в целом. Особенно наглядно это проявилось в том, что, начиная с 1974 г. и вплоть до 1993 г., фактическими руководителями партии были лидеры фракции Танака Какуэй, которая, торгуясь с другими фракциями, решала, кому занять кресло премьер-министра.

В целом эту систему следует считать утрачивающей свое значение. В социальном плане и с точки зрения эффективности государства она себя явно изживает и в Японии. Все кризисные явления в японской политике 70-80-х годов были так или иначе связаны с наличием теневого кабинета в лице фракции Танака, потом — Такэсита и Канэмару¹⁶. Именно это обстоятельство привело в конечном счете к распаду той структуры политического процесса, которая установилась в Японии в 1955 г. с приходом Либерально-демократической партии к власти, и которая характеризовалась монопольным ее правлением.

Последние явления в ЛДП и Партии новых рубежей свидетельствуют о постепенном переходе к европейской традиции, когда на первых ролях находится действительно наиболее влиятельная фигура. Это приход к власти Хасимото Рютаро, являющегося несомненно самой сильной политической фигурой вместо символического лидера, премьера-социалиста Мураяма Томинги и драматический разрыв между двумя лидерами партии новых рубежей Одзава Итиро и Хата Цутому, в результате которого последний освободился от чрезмерной опеки первого, пытавшегося играть роль политического «кукловода».

Важнейшей чертой любой демократии является принцип разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной, которые, собственно, и являются тремя основными структурными органами государственной власти¹⁷. Принцип разделения властей полностью отсутствовал во всей предыдущей истории Японии и впервые появился в Конституции 1947 г. Это была одна из важнейших мер оккупационных войск по демократизации политической системы Японии.

¹⁵ Sansom G.B., *The Western World and Japan. A study in the Interaction of European and Asiatic Cultures.* Tokyo, 1977, с.180. Об этом свидетельствуют и документы периода первых российско-японских контактов и попыток русских установить официальные контакты с *бакуфу* (правительством сёгуна) и начать торговлю. Опасаясь реакции с российской стороны на прямой отказ, чиновники тянули время, заявляя, что для решения вопроса об установлении отношений необходимо помимо согласия сёгуна еще и «высшего японского правителя — императора».

¹⁶ Эйдзи Томиноори. Нихонгата минсююги-но кодзу (Структура демократии японского типа). Т., 1993, с.24.

¹⁷ См. структуру государственных органов в: Найкаку. Сорифу... цит. соч., с.13.

Из трех парламент обладает верховной государственной властью. Он состоит из двух палат, нижней и верхней, и избирается прямым тайным голосованием на основе закона о всеобщем избирательном праве. Законодательные и прочие права нижней палаты существенно выше верхней. Парламент простым большинством голосов избирает премьер-министра, которым становится кандидат от партии или коалиции партий, обладающих большинством мест в нижней палате парламента. Впрочем, специфическая черта стремления к сбалансированности и компромиссу сказывается и в том, что законом предусмотрено право верхней палаты выставить свою собственную кандидатуру на пост премьера и голосовать по ней. При избрании ею другого кандидата процедурой предусмотрено заседание согласительной комиссии обеих палат. В случае расхождения мнений нижняя палата имеет преимущество. Ее кандидат становится главой правительства.

В августе 1989 г. верхняя палата в качестве премьер-министра избрала Дои Такако, возглавлявшую в свое время Социалистической партии Японии, но в конечном счете кабинет возглавил либерал-демократ Каифу Тосики, назначенный нижней палатой.

Парламент не назначает министров, это prerogativa премьера. Премьер-министр в любой момент может быть подвергнут процедуре голосования резолюции о недоверии, и в случае ее одобрения уходит в отставку, назначив дату новых всеобщих выборов.

Премьер-министр и его кабинет утверждаются императором, функции которого абсолютно символичны. Закон не допускает никакого его вмешательства или участия в политическом процессе.

Законодательная ветвь властного триумvirата по своим функциям, правам и компетенции мало чем отличается от парламентов в других странах развитой демократии. Авторитет и власть парламента в Японии велики и абсолютны, они не оспариваются каким-либо другим политическим институтом ни при каких обстоятельствах¹⁸. Подчеркнуто уважительное отношение к парламенту (как институту власти, а не к партиям, его составляющим) отражает традицию пиетета к верховной власти.

Парламент формируется на основе избирательной системы, которая определяет право любого гражданина участвовать в прямых и всеобщих выборах, право на свободное ничем и никем не ограниченную свободу на изъяснение своей воли и т.д.

При всей демократичности избирательного права есть специфические черты в поведении и мотивациях избирателей. При голосовании они в меньшей степени ориентируются на те или иные политические или идеологические установки кандидатов, в большей — на их деловые качества и, главное, их близость к власти, следовательно, способность реально выполнять свои предвыборные обещания.

¹⁸ Baerwald Н. Н. Цит.соч., с.154.

В поведении электората сказывается групповое мышление и групповая солидарность. Электорат поэтому отличается значительно более высоким уровнем консерватизма. Его поведение достаточно прогнозируемо и обычно не сулит каких-то неожиданностей, тем более потрясений.

Однако эта черта поведения электората начинает подвергаться эрозии. Об этом свидетельствуют выборы губернатора Токио в 1995 г., которые совершенно неожиданно выиграл явный аутсайдер в политическом раскладе — популярный артист, обошедший всех политиков.

Его победу можно рассматривать и как протест электората против политической рутины и коррумпированности, и как свидетельство того, что и Японию захватила волна популизма. Наконец, это можно оценивать и как свидетельство укрепляющихся в национальном сознании неконформистских настроений.

До последнего времени в стране действовал избирательный закон, согласно которому население непропорционально было представлено в парламенте. Отдельные территориально-избирательные районы, а частности сельские, с малочисленным населением, получали преимущество: депутат от этих избирательных округов мог избираться в парламент меньшим числом голосов, чем его коллега, скажем, из крупного города.

Это обстоятельство обеспечивало в парламенте широкое представительство региональных элит, которые в значительной мере были связаны именно с либерал-демократами. Кроме того сельское население, благодаря умелой аграрной политике ЛДП, до последнего времени по традиции ей симпатизировало и отдавало свои голоса.

Ситуация в последние годы стала меняться. После распада системы монопольной власти ЛДП возникли объективные условия для принятия пакета законов по реформе политической системы. В конце 1994 г. был принят новый избирательный закон, по которому 500 мест в нижней палате распределяется на 300 одномандатных округов и 200 — для избрания по партийным спискам. Новое законодательство, включающее законы о строгой регламентации денежных пожертвований политическим партиям и ряд других, создает основу для заметных перемен в политическом процессе. Оно должно обеспечить более высокий уровень политической конкуренции, меньшее влияние финансового фактора на исход борьбы, более справедливое распределение депутатских мест по регионам.

Второй элемент государственной властной триады — исполнительная власть — структурно и функционально вполне соответствует требованиям демократического стандарта. Исполнительная власть — это сплав политического и бюрократического компонентов со всеми специфическими чертами этнокультурного и психо-психологического характера. Политический компонент исполнительной власти, состоящий из победившей на выборах партии или коалиции партий, сформировав кабинет министров, становится высшей исполнительной властью, задача которого — обеспечивать стабильное

и эффективное функционирование общества и государства в тесной кооперации с бюрократией и на основе прямого контакта с политическими структурами организованного бизнеса.

Однако поведение исполнительной власти несет на себе глубокий отпечаток традиционных этнокультурных норм. В этике поведения высшей исполнительной власти (кабинета министров) можно найти такие черты как явное предпочтение функций регулирования прямому вмешательству или непосредственному давлению на органы власти по вертикали. Свежий пример — продление аренды вооруженными силами США на о. Окинаве, когда губернатор острова под влиянием массового движения протеста в связи с изнасилованием американскими солдатами японской школьницы отказался подписать договор о продлении аренды. Премьер-министр предпочел жесткому давлению на непокорного губернатора разработку процедуры подписания самим премьером такого документа.

Взятие на себя всей полноты ответственности — одна из важнейших черт высшей исполнительной власти. Это связано не только с традиционными этико-моральными принципами, но и с тем, что уход в отставку того или иного премьера никогда не знаменует какого-то драматического поворота в политике. Более того, в японской политической истории бывали случаи сознательного самопожертвования, когда премьер шел на заведомо непопулярные шаги, брал на себя ответственность и уходил в отставку. Но дело, крайне важное для общества и государства, было сделано. Таким лидерам не ставили памятников, но их имена хорошо известны.

Преемственность курса и стабильность государства как раз и позволяют вышнему органу исполнительной власти брать на себя, когда это необходимо, риск по осуществлению необходимых, но непопулярных решений.

Третий компонент — суды — являются теперь реально независимой властью. В прошлом этого никогда не было. В мэйдзийской государственности они находилась в прямом ведении исполнительной власти. Прототип нынешнего Верховного суда Японии — Высшая судебная палата по конституции Мэйдзи была в прямом подчинении у министра юстиции¹⁸.

В силу этнокультурной специфики суды в Японии не имели серьезного социального значения как орган, регулирующий конфликтные ситуации и тем более как карающий орган. Здесь большую роль играли неписанные этические и морально-этические законы и процедуры. Общество предпочитало раздорам компромиссы, и добродетелью считалось способность не доводить конфликт до суда. Известный японский правовед Вагацума Саказэ, возглавлявший в 60-е годы временную комиссию по правовым вопросам при правительстве, в диалоге со знаменитым экономистом марксистской школы Оути Хёэ, жаловал-

¹⁸ Хомусё. Кэнсацутё, Бэнран (Министерство юстиции, Генеральная прокуратура, Справочник), ред. Кёикуся. Токио, 1979.

ся, что у судебной-исполнительной власти никогда, ни до, ни после войны, не было контакта с населением, а престиж юстиции был и остается на низком уровне²⁰.

Тем не менее, судебная власть играет возрастающую роль в обществе по мере усложнения и модернизации всей системы социальных отношений.

* * *

Приведенный анализ японской государственности — всего лишь краткий и фрагментарный очерк на эту тему. Вне поля зрения остался и анализ тенденций ее эволюции. Вступая в XXI век, как и в других развитых странах, она будет сталкиваться с новыми проблемами и неизбежно должна претерпеть заметные изменения. Среди этих проблем можно выделить следующие.

Первое. В перспективе по мере интернационализации всего комплекса международных отношений и связей нынешняя государственность может вступить в критическую фазу²¹. Показательна в этом отношении судьба стран Европейского союза, в котором национальные государства вынуждены уступать часть своих «святых» привилегий и функций наднациональным государственным структурам. В Восточной Азии, где расположена Япония, до этого пока далеко. Но и здесь идут бурные процессы интеграции и формирования восточноазиатского рынка, который может стать по европейской аналогии предтечей формирования наднациональных государственных структур.

Второе. Неизбежно ослабление функций и роли государства в отношении отдельных социальных компонентов, в частности экономики, в целях либерализации внутреннего рынка и дерегулирования. Этот процесс идет, но мучительно, и главная проблема — сможет ли японская экономика сохранить свои качества и темпы роста без традиционной государственной поддержки.

Третье. В серьезных реформах нуждаются целые государственные программы в области образования, социального обеспечения и др. Государство явно не спешит с этим, действуя осторожно. Но промедление с реформами может привести к острому кризису в социальных сферах, а общество — потерять свою динамику.

Наконец, важнейшей функцией государства была и остается внешняя политика и безопасность. С изменением всей структуры международных отношений после краха биполярного мира и появлением более пестрой картины международных отношений с резким обострением разных типов конфликтов, значительно дестабилизировавших мир, государственных, строившаяся на мирной конституции и военно-политическом союзе с США, она может подвергнуться серьезным испытаниям.

²⁰ Оути Хёэ, Вагацума Саказ. Нихон-но сайбан сэйдо (Судебная система Японии). Токио, 1965, с.16.

²¹ См. Синохара Хадзимэ. Посуто сангё сякай-но сэйдзи (политика в постиндустриальном обществе). Токио, 1982, с.65.

Со временем под воздействием общецивилизационных и глобальных процессов японская государственность и политический процесс будут все больше приобретать некие универсальные черты, присущие всем развитым демократиям. Демократический потенциал, сформированный послевоенными реформами, несомненно, будет раскручиваться как пружина. Все остатки несвободы, сохранившиеся за ширмой этнокультурных традиций, будут элиминироваться²².

Но здоровая и продуктивная национальная специфика, связанная с этнокультурными и социо-психологическими особенностями, сохранится еще надолго. Она будет играть важнейшую роль консолидации общества, придавать особую эффективность государству и всем его механизмам для того, чтобы в конкретно-исторических условиях в максимально возможной мере обеспечивать национальные интересы.

²² Мията Мицуо. Гэндай Нихон-но минсююги (Демократия в современной Японии.), Токио, 1969, с.113.

ЯПОНСКИЙ ТИП ЭКОНОМИКИ

Особенности механизма экономического развития

В современном мире Япония, как известно, занимает особое положение. Сохранившиеся в течение почти всего послевоенного периода высокие и стабильные темпы экономического роста, особый путь научно-технического развития, высокий уровень взаимодействия и взаимопонимания между государством и частнопредпринимательским сектором, специфические формы организации бизнеса и методы внутрифирменного управления, особые отношения между трудом и капиталом — все эти характеристики и ряд других заметно отличают ее от других развитых стран и формируют представление о ней как о своего рода феномене. И хотя совершенно очевидно, что социально-экономическое развитие страны в целом протекает в русле общих закономерностей развития современного капитализма, следует признать, что японский опыт дает весьма веские основания, чтобы говорить о его специфичности, а возможно и уникальности.

На наш взгляд, многие важные пружины механизма, обеспечивающего динамичное развитие японской экономики, следует искать в исторических традициях и социо-культурных характеристиках японского общества, формировавшихся на протяжении многих веков. Налагаясь на экономические и социально-политические факторы, они и предопределяют специфичность конкретных форм экономического развития страны.

С точки зрения основных принципов функционирования, японская экономика ничем не отличается от западной. В то же время среди специалистов весьма широко распространено мнение, что она не является чисто рыночным организмом, а представляет собой некую «смешанную», «планово-рыночную» или «рыночно-организационную» модель. Основанием для этого служит прежде всего особая роль государства в экономической жизни общества. Однако вопрос о характере японской модели экономического развития нельзя сводить лишь к особой роли государства. Для того, чтобы судить о том, в какой степени она является рыночной, необходимо оценить в целом соотношение между рыночными и нерыночными принципами ее функционирования.

Очевидно, что в любой капиталистической экономике вес нерыночных факторов определяется, в первую очередь, позициями государства. Под ними обычно имеют в виду долю государственной собственности в национальном богатстве, удельный вес налогов в национальном доходе и государственных расходов в совокупных обще-

ственных расходах и т.д., а также совокупность средств государственного регулирования и контроля за деятельностью отдельных отраслей или секторов. Что касается первой группы показателей, то совершенно очевидно, что государство в Японии занимает намного более слабые позиции, чем в других развитых странах¹. Большинство исследователей сходятся также во мнении, что регулирующая и контрольная функции японского государства введены в более жесткие юридические рамки, чем в других странах, прежде всего США².

Что же касается оценок реальных позиций и роли бюрократии в экономической жизни, то здесь существует весьма широкий разброс мнений. Одни исследователи полагают, что японское государство представляет собой сильную и могущественную, вездесущую и всепроникающую организацию, способную подчинить своей воле и направить в русло своих интересов действия любого из участников рынка. Другие, напротив, считают, что власть бюрократии в Японии весьма незначительна и ограничивается пределами, о которых она договаривается с другими участниками политического процесса (парламентом и ЛДП)³.

Важно, однако, подчеркнуть, что как те, так и другие признают, что реальная роль государства выходит за пределы как формальных показателей, по которым можно судить о его участии в создании и распределении национального богатства, так и юридических рамок, которые налагает на его функции законодательство. На что же в таком случае опирается эта «избыточная» власть японских бюрократов, в чем черпают они свою силу?

Ответ на этот вопрос, очевидно, следует искать в том особом положении, которое они занимают в обществе в силу исторических традиций — с одной стороны, и социо-культурных ориентиров — с другой.

Не вдаваясь в подробности, приведем лишь основные аргументы, свидетельствующие в пользу этого тезиса. Что касается социо-культурных ориентиров, то прежде всего нужно подчеркнуть влияние группизма и *ва* — гармонии.

Из этих основных социо-психологических установок японской нации вытекают следующие моменты, важные для понимания особых позиций государства в Японии.

Во-первых, выработанные в течение многих веков ощущение японцами себя как части целого, ориентация на достижение коллективных целей и готовность принести личные интересы в жертву интересам коллектива возводят бюрократию на высшую ступень общественной иерархии, поскольку общественным сознанием она традиционно воспринимается как носитель и гарант высших интересов — общенациональных.

¹ Конкретные данные см. Япония: смена модели экономического роста. М., 1990, с.236.

² Okimoto D. I. *Between MITI and Market*. Stanford, 1989.

³ См. Lodge G. G. *Comparative Business-government relations*, New-York, 1991; Jonson Ch. «MITI and the Japanese Miracle», N.Y. 1978; Freedman D. «The Misunderstood Miracle» и др.

Во-вторых, акцент на *ва* — гармонии — и стремление к выработке консенсуса в обществе, состоящем из изолированных конкурирующих групп, предполагает наличие посредника, который, с одной стороны, занимал бы нейтральное положение по отношению ко всем участвующим сторонам, а с другой — обладал бы необходимым для такой тонкой работы авторитетом. И совершенно естественно, что в японском обществе эту роль берет на себя государство с его опытом и необходимой организационной инфраструктурой. Как справедливо отмечает американский японовед Дэниэл Окимото, «последничеством в конфликтах между отдельными группами... является неистощимым источником мощи японского государства»⁴.

В-третьих, особое положение государства в обществе в целом связано с той значимостью, которая придается в Японии лидеру группы. Для объяснения феномена группизма профессор Хаяси Сюдзи использует два термина — *мура* (деревня) и *иэ* (семья), которые являются ключевыми для понимания роли лидера в группе. В обычных условиях, пишет профессор Хаяси, каждая японская группа действует по типу *мура*, т.е. замкнутого деревенского сообщества, главной заботой которого является взаимная выгода его членов. Пока извне ничто не угрожает *мура*, она не нуждается в могущественном лидере. Достаточно такого, который поддерживает гармонию внутри сообщества и действует как организатор и посредник, а также как хранитель его обычаев. Однако, когда возникает внешняя угроза, *мура* превращается в *иэ* — организацию более жесткую, требующую от всех членов безусловного подчинения. В этом случае лидер группы превращается в могущественного «правителя» авторитарного типа, действующего на основе жестких приказов, а не уговоров и увещаний⁵.

Очевидно, что поскольку за свою долгую историю Япония весьма часто оказывалась перед лицом национальных кризисов, когда государство превращалось в жесткого лидера, а функции его чрезвычайно ужесточались и расширялись, общественное сознание как бы закрепило за ним его особый статус и право действовать «на грани закона, если не за его пределами»⁶. Таким образом, основополагающие социо-культурные ориентиры японской нации — группизм и *ва* — как бы легитимизируют особое положение государства и его действия, выходящие за пределы его легальных полномочий.

Кроме того, сама история, отраженная в общественном сознании, способствовала возвышению бюрократии. В японской истории было два ярких периода, когда она действительно сыграла выдающуюся роль в развитии страны — периоды Токугава и Мэйдзи. В первом случае, благодаря разумной политике центральной власти и усилиям преданных своему долгу чиновников на местах были обеспечены условия для почти 200-летнего процветания нации в обстановке мира,

⁴ The Political economy of Japan Vol.2. Stanford, California, 1989, с.313.

⁵ Shuji Hayashi. Цит. соч., с.4.

⁶ The Trade crises: How will Japan respond. Seattle, 1987, с.6.

безопасности и социальной стабильности. Во втором случае в результате продуманных действий бюрократии были созданы предпосылки для быстрого преодоления странной технико-экономической отсталости и превращения ее в одну из ведущих империалистических держав.

Нынешние же бюрократы рассматривают себя — и также их рассматривает все общество — как прямых наследников и продолжателей дела военной бюрократии Токугава и бюрократической элиты Мэйдзи⁷.

По своему интеллектуальному потенциалу и моральным характеристикам японская бюрократия в целом вполне соответствует тому особому положению, которое отведено ей общественным сознанием. Ее часто называют элитой нации. По своему социальному происхождению и образовательному уровню она весьма однородна — большинство чиновников происходят из наиболее обеспеченных и образованных семей и имеют дипломы одного из наиболее престижных университетов (обычно Токийского государственного). Высокие требования конкурсных экзаменов, через которые необходимо пройти для поступления на государственную службу, служат эффективным инструментом отбора наиболее способных выпускников. Лучшие же из лучших, продвигаясь по все более сужающемуся коридору, оказываются на самой вершине пирамиды — на постах заместителей министров. (Пост министра по своему существу является политическим, поэтому заместитель министра — высший в должностной иерархии бюрократических ведомств.)

Особое положение государства, определенное выше указанными факторами, предопределило и особый тип государственного вмешательства в экономическое развитие. Прежде всего, это проявляется в особенностях политэкономического подхода чиновников к рынку как таковому. Они признают за рынком две функции колоссальной важности: во-первых, то, что он предопределяет структуру частных инициатив, основанных на рационально рассчитанных личных интересах, и, во-вторых, то, что он обеспечивает превосходный механизм обратной связи, который позволяет в случае необходимости осуществлять саморегулирование.

Однако в глазах чиновников «чистый» рынок имеет и целый ряд недостатков (таких, как несовершенство информации, преобладание узких, краткосрочных интересов, чрезмерная конкуренция, невнимание к общенациональным задачам и вольное толкование понятия «общественное благо»). Поэтому они полагают, что для получения желаемых результатов «невидимая» рука рынка должна работать вместе с «видимой» рукой правительства⁸. Очевидно, что переплетение этих рук можно обнаружить в любой из развитых стран, но Японию отличает то, что бюрократы, опираясь на свой особый статус, могут позволить себе раздвинуть рамки своего вмешательства

⁷ Там же, с.180.

⁸ Okimoto D.I. Цит. соч., с.12.

в экономику за счет более широкого толкования такого понятия как «провалы» рынка. В Японии последние трактуются шире, чем в других странах и включают не только уже «состоявшиеся» негативные последствия (например, загрязнение окружающей среды), но и вероятные неудачи и неприемлемые с точки зрения правительства результаты (т.е. не отвечающие общенациональным интересам). Д.Окимото называет этот подход превентивным (в отличие от принятого в других странах преимущественно реактивного) и проводит очень интересную аналогию между характером вмешательства бюрократии в экономику и японским искусством *икэбана* и *бонсай*. «Японцы предпочитают исключить как можно больше элементов неопределенности из рыночного процесса, что напоминает их практику использования веревок, проволок и шнурочков для связывания и изгибания стволов и веток деревьев с целью придания им форм, отвечающих их эстетическим ценностям».

Примечательно, что отношение к рынку японских бюрократов в целом разделяет и частный капитал. «Ни японское правительство, ни частный капитал никогда не доверяли рынку. По мнению и тех и других, государство должно быть всепроникающим... Оно должно обладать сильной властью в экономике, может и должно обеспечивать определенную степень защищенности общества от просчетов рынка...», — пишет американский ученый Р.Самуэлс⁹.

Наиболее ярко специфика государственного регулирования проявляется в промышленной политике, а среди ее инструментов в первую очередь привлекает внимание так называемая практика административного руководства (или неформального принуждения). В самом общем виде промышленную политику можно определить как совокупность мер государственного воздействия на экономику, направленных на формирование и перестройку ее отраслевой структуры с целью повышения эффективности использования факторов производства. Как справедливо отмечает российский экономист Е.Л.Леонтьева, если в других капиталистических странах экономическая политика государства сводится главным образом к регулированию цикла и денежного обращения, а отраслевая структура складывается преимущественно в итоге действий частного предпринимательства, то в Японии долгосрочное регулирование отраслевой структуры занимает важнейшее место в общем контексте государственных мер¹⁰.

Исторические корни промышленной политики легко просматриваются в периоде Мэйдзи. Стечение особых обстоятельств, о чем говорилось в гл. 1, поставило реформаторов того периода перед необходимостью определения такого отраслевого набора, который позволил бы стране в кратчайшие сроки догнать западные страны и выйти в число мировых лидеров. Правда, поскольку рынка как такового в те годы не существовало, задача становления и развития этих отраслей практически целиком легла на плечи государства.

⁹ Там же, с.11, 12.

¹⁰ Samuels R.J. The Business of Japanese state. Atlanta, London, 1987, p.261-262.

¹¹ Государственно-монополистическое регулирование в Японии. М., 1985. с.138.

В послевоенный период, как известно, Япония оказалась в аналогичном положении. Однако выработанная веками в народе «психология выживания» способствовала тому, что довольно быстро ощущение катастрофы в связи с поражением в войне трансформировалось в осознание всей нацией новой исторической задачи — догнать западные страны по уровню экономического и технического развития. Широкий консенсус в отношении этой исторической миссии легитимизировал руководящую роль японской бюрократии, а заодно и ее особый подход к рынку. Отдавая ему должное, но понимая, что он не может обеспечить адекватную реализацию общенациональных интересов, чиновники с первых же послевоенных лет приступили к последовательному «структурированию» экономического роста, т.е. к осуществлению промышленной политики.

«Структурирование» экономического роста начинается с определения желаемых направлений развития, которые отражаются в подготавливаемых каждые пять лет среднесрочных планах, а также в периодически публикуемых долгосрочных прогнозах изменения производственной структуры. Они дают лишь общую схему развития и носят чисто индикативный характер. И хотя из-за значительного превышения реальных темпов роста над планируемыми промышленная структура развивалась с определенными перекосами, огромным успехом политики можно считать тот факт, что основные направления отраслевых сдвигов в целом были выдержаны. К концу 60-х годов были решены такие задачи, как ликвидация отставания от стран Запада по уровню промышленного развития, достижение равновесия платежного баланса, значительное повышение уровня жизни населения, обеспечение занятости для избыточной рабочей силы. А к концу 80-х годов на основе программы интеллектуализации производственной структуры были значительно снижены энерго- и материалоемкость производства, улучшены показатели состояния окружающей среды, «облагорожена» структура производства и экспорта, обеспечен устойчивый рост доходов и уровня жизни населения, а также сохранены высокие показатели занятости и в целом обеспечена социально-политическая стабильность в обществе.

Безусловно, все это отнюдь не означает, что экономическая бюрократия, вырабатывающая и осуществляющая промышленную политику, всегда действует безупречно и безошибочно. Было немало примеров и промахов и неудач. Наиболее масштабные из них — крайне неравномерное распределение производственного потенциала на территории страны, приведшее в конце 60-х годов к резкому обострению проблемы загрязнения окружающей среды и значительному росту цен на землю в районах промышленного строительства: экономический кризис середины 70-х годов, обнаживший всю глубину накопившихся структурных диспропорций. Сюда же можно отнести и последнюю затянувшуюся депрессию — прямой результат механизма развития второй половины 80-х годов, получившего название «экономики мыльного пузыря».

Однако, отмечая эти промахи, в определенной степени неизбежные и вполне объяснимые, стоит подчеркнуть, что особый подход японских бюрократов к рынку и, прежде всего, их неустанные попытки «структурировать» экономический рост в целом придают развитию экономики Японии более устойчивый и целенаправленный, чем в других развитых странах, характер.

Возникает естественный вопрос: каким же образом правительству удастся направить действия частных предприятий в русло развития, определяемое промышленной политикой? В самом общем виде ответ состоит в том, что в течение многих десятилетий в Японии традиционно существует и поддерживается высокая степень взаимодействия и взаимопонимания между бизнесом и бюрократией.

Как отмечалось выше, индустриализация Японии, начавшаяся сразу после реставрации Мэйдзи, на первом этапе осуществлялась практически целиком за счет средств государства. Однако, к концу 1880-х годов правительство решило уйти из большей части базовых отраслей и передать их частному сектору, что было чрезвычайно выгодно для последнего. Эта сделка явилась наградой знатным семьям, которые поддержали правительство в первые годы реставрации Мэйдзи. В то же время она породила тесные личные связи между правительственными чиновниками и лидерами большого бизнеса и привела к углублению взаимопонимания и сотрудничества между ними. В течение всех последующих лет правительство оказывало крупнейшим монополиям преимущественную поддержку, а большой бизнес всегда демонстрировал готовность принять руководство, осуществляемое бюрократией¹².

Эти отношения просматриваются и в современной Японии. Они лежат в основе типично японской модели принятия решений, основанной на переговорах и компромиссах как средстве достижения консенсуса. Способность правительства убедить, по словам Д.Окимото, и составляет секрет эффективности государственного регулирования в Японии¹³. Поэтому и мощь японской бюрократии состоит не в том, что она принуждает частный сектор к определенным действиям, а в том, что она умеет с ним договариваться. При этом и частный сектор, естественно, прилагает усилия к тому, чтобы принять во внимание как общенациональные интересы, так и интересы других групп.

В связи с этим становится очевидным, что при оценке позиций и роли японского государства нельзя применять чисто западные мерки и понимание могущества и силы, поскольку историко-культурные традиции и социо-психологические ориентиры японской нации придают этим категориям несколько отличное звучание.

И действительно, в арсенале методов государственного регулирования практически никогда не было средств принуждения (за исключением военного периода, когда действовал так называемый

¹² Lodge G. G. Цит. соч., гл.2.

¹³ The Political economy of Japan. Vol. 2, с.314.

Закон об административном принуждении), а в основном — средства убеждения и побуждения. К ним относятся различные инструменты налоговой и кредитно-финансовой политики. Исходя из изначально присущей японцам ориентации на консенсус и *ва*, резонно предположить, что объем и структура легальных методов государственного регулирования (начиная с размеров государственной собственности и кончая налоговой и кредитно-финансовой политикой) также в значительной степени являются результатом переговоров и компромиссов между бизнесом и правительством. Некоторые авторы даже полагают, что и административное руководство также является их продуктом. «Административное руководство, — пишет Микаэл Янг, — является эффективным только тогда и в той степени, когда и насколько регулируемые объекты участвуют в определении режима регулирования», хотя, по-видимому, более прав Филлис Гентер, полагающий, что правила административного руководства лишь отчасти выработаны на основе консенсуса между бизнесом и правительством, а отчасти введены последним силой¹⁵.

Акцентируя внимание на переговорах и компромиссах как основе взаимоотношений между бизнесом и бюрократией, некоторые авторы делают из этого однозначный вывод о слабости позиций последней. Например, Ричард Самуэлс, пытаясь показать, что позиции бюрократии как бы «растворяются» в таком процессе принятия решений, характеризует взаимоотношения между сторонами метафорой «паутина без паука»¹⁶. Карел ван Волферен в своей известной книге «Загадка японской мощи» утверждает, что в стране по существу нет центрального руководящего органа как такового, государственная власть иллюзорна, а все управляется всесильными сетями¹⁷.

Все такого рода точки зрения вызывают серьезные возражения. Во-первых, органы государственной власти далеко не иллюзорны, а представлены весьма мощными институтами со своими функциями, интересами, традициями, хотя они и неравнозначны по силе и степени независимости в принятии решений. Во-вторых, отношения между бизнесом и правительством действительно представляют собой «паутину», но «паук» в ней есть — это бюрократия, роль которой — как раз «плести паутину», т.е. определять состав участников переговоров и организовывать работу по достижению консенсуса¹⁸. И, наконец, в-третьих, наряду с этой организационной ролью бюрократии играет еще более важную функциональную роль — они содействуют социализации или распределению риска и издержек экономического роста. Эта роль зиждется на групповом сознании японцев и их стрем-

¹⁴ Цит. по: Samuels R. Цит. соч., с.287.

¹⁵ Genter Ph.A. The History of Japan government-business relationship. Standford, 1989, с.204.

¹⁶ Samuels R. Цит. соч., с.288.

¹⁷ См. Van Wolferen K. Цит. соч., с.2.

¹⁸ The promotion and regulation of industry in Japan. Oxford, 1989, с.67.

лении к консенсусу. Но поскольку последний формируется далеко не автоматически, сложную работу по его формированию берет на себя государство и использует для этого самый тонкий из инструментов государственного регулирования — административное руководство.

Последнее можно определить как не предусмотренные законодательством действия ведомств или государственных чиновников, направленные на то, чтобы побудить частные лица или частные предприятия предпринять или, наоборот, воздержаться от определенных действий в соответствии с мнением бюрократии. Подобная практика время от времени используется и в других странах, но Японию отличают масштабы и интенсивность ее применения и причина этого кроется в упомянутых социо-культурных особенностях японцев. Как замечает Филлис Гентер, «... хотя и не культура создала административное руководство, она усиливает готовность бизнеса принять его, когда правительство к нему прибегает»¹⁹.

Поскольку административное руководство — весьма деликатное средство регулирования, японская бюрократия подходит к его применению весьма взвешенно и осторожно. По мнению Дэниэла Окимото — одного из наиболее тонких и глубоких исследователей особенностей государственного регулирования в Японии — основным фактором при принятии решения о его использовании является учет конкретной ситуации. Как правило, бюрократия и, прежде всего МВТП, использует административное руководство в ситуациях, дающих негативный результат (особенно, когда речь идет о распределении издержек). Использование же этого средства «в конкурентной среде, — пишет Д.Окимото, — с позитивными результатами могло бы несколько нарушить рамки инициатив, на которых покоится рыночная конкуренция»²⁰.

Не умаляя значения этого принципиально важного положения, напомним лишь, что в период высоких темпов роста административное руководство весьма успешно применялось и в ситуациях с явно позитивными результатами. Наиболее яркий пример — регулирование объемов и отраслевой структуры инвестиций в промышленности на основе так называемого механизма *мадогучи сидо* (указание через окошко), который обеспечил целенаправленное предоставление коммерческими банками кредитов наиболее конкурентоспособным фирмам приоритетных отраслей промышленности.

Впечатляющим примером применения административного руководства в ситуациях с негативными результатами служат «добровольные экспортные ограничения», которые в 60-70-х годах вынуждены были принять на себя компании текстильной, сталелитейной, автомобильной и электронной промышленности, а также осуществляемая во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов программа широкомасштабного скрапирования мощностей в так называемых

¹⁹ Genther Ph. Цит. соч., с.204.

²⁰ The Political economy of Japan, с.338-339.

структурно-больных отраслях, определявшая не только объемы, сроки и объекты скрапирования, но и механизм социализации (распределения) издержек этой крайне болезненной акции.

Весьма часто административное руководство используется бюрократией и для борьбы с таким очевидным «провалом» рынка, как чрезмерная конкуренция. Хотя антитрестовское законодательство в 50-60-х годах неоднократно пересматривалось в сторону смягчения ограничений на создание картелей, тем не менее и прежде и сейчас при посредничестве государственных чиновников создавалось и создается множество полулегальных и нелегальных «антидепресссионных картелей». Их основное назначение — достичь согласия между фирмами-участниками об определенном уровне инвестирования. Одновременно МВТП неоднократно содействовало и созданию так называемых «картелей по рационализации» с тем, чтобы усилить конкурентные позиции японских производителей на внешних рынках.

Однозначно ответить на вопрос, в какой степени административное руководство является продуктом компромиссов и переговоров, а в какой — основывается на силовом воздействии бюрократии на частный сектор, практически невозможно, поскольку баланс между этими составляющими меняется и зависит от комбинации множества факторов. Но в целом можно предположить, что в ситуации с негативными результатами государство в большей степени может опираться на силовые приемы, чем в ситуации с позитивными, когда возможности выбора у частного сектора шире.

Таким образом, особенность государственного вмешательства в экономику Японии состоит, прежде всего, в опоре на неформальные методы руководства и контроля при относительно незначительных объемах легальных средств регулирования. В частности, с этой особенностью связаны и крайне незначительные (и даже сократившиеся в последние годы) размеры государственной собственности. Очевидно, что опора на неформальные методы регулирования (переговоры, компромиссы и административное руководство), требует организации непрерывного и интенсивного обмена мнениями между бизнесом и правительством.

Следует заметить, что процесс принятия решений значительно облегчается высокой степенью «обустроенности» взаимодействия между бизнесом и бюрократией, существующей еще с довоенных времен. Определенная часть этого взаимодействия осуществляется через сеть организаций, основное назначение которых — посредничество между государством и частными предприятиями. К этой категории относятся общественные корпорации, особые юридические лица, смешанные частно-государственные компании, отраслевые промышленные ассоциации, многочисленные консультативные советы при правительстве, специальные группы изучения государственной политики. Эта сеть связывает чиновников с банковской и промышленной элитой, а также с представителями средств массовой информации, науки, профсоюзов и создает инфраструктуру для постоянного обмена информацией, организации дискуссий и консультаций.

Однако наряду с институционализированным взаимодействием огромную роль в принятии решений играют неформальные связи между бизнесом и бюрократией. Об их значении в целом в обществе уже говорилось в гл. II. Налагаясь друг на друга, формализованные и неформальные связи между бизнесом и бюрократией образуют комплекс взаимосвязей или так называемые сети, в рамках которых и происходит принятие решений. Причем, среди различных факторов, определяющих успех или неудачу политики в той или иной области, решающее значение имеет качество сети, т.е. степень ее организованности и прочности. При том, что сеть функционирует на принципах взаимных обязательств и вознаграждений между бизнесом и бюрократией (правительство обеспечивает определенные выгоды для частного сектора в ответ на поддержку им его экономической политики), лидирующее (в японском понимании этого слова) положение в процессе принятия решений в рамках сети занимает, как правило, бюрократия.

В то же время следует иметь в виду, что японская бюрократия далеко не монолитна и представлена институтами, далеко не равнозначными по своей мощи, влиянию и независимости. При этом обычно позиции бюрократии того или иного ведомства зависят, прежде всего, от степени его политизации, т.е. от того, насколько оно чувствительно к политическому давлению со стороны парламента и политических партий, прежде всего ЛДП. По мнению Дэниэла Окимото, степень свободы бюрократов от политического давления в значительной степени зависит от природы взаимоотношений между ЛДП и группами бизнесменов, находящимися под юрисдикцией того или иного министерства. Специфика этих взаимоотношений, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на степень мотивации или готовность членов парламента от этой партии оказывать нажим на бюрократов. Выделяя нескольких типов взаимоотношений между ЛДП и бизнесом, Д.Окимото дает следующую классификацию министерств с точки зрения степени их политизированности. 1) Значительно политизированы: Министерство строительства, Министерство сельского, лесного хозяйства и рыболовства; 2) Существенно политизированы: Министерство транспорта, Министерство почт и телекоммуникаций, Министерство здравоохранения и социального обеспечения, Управление национальной обороны; 3) Относительно политизированы: Министерство местных автономий, Министерство финансов; 4) Относительно неполитизированы: Министерство внешней торговли и промышленности. Министерство иностранных дел, Управление экономического планирования²¹.

Из всего изложенного хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, то, что государственное вмешательство в экономику основано не только и не столько на легальных или формальных, сколько на неформальных методах регулирования. И, во-вторых, то, что

²¹ The Political economy of Japan, с.318-319.

лидирующие позиции в процессе переговоров занимает, как правило, бюрократия. В терминах «рынок» и «организация» это означает, что в процессе выработки и осуществления экономической политики «организация» существенно теснит «рынок». В то же время, имея в виду интенсивные контакты между бизнесом и бюрократией, постоянный обмен мнениями и информацией между ними, можно предположить, что в Японии достигается весьма близкое к оптимальному сочетание «рынка» и «организации», или, другими словами, близкий к оптимальному баланс между решениями, основанными на рыночных сигналах, и решениями, учитывающими более широкий контекст (интересы экономической безопасности, социально-политической стабильности, сохранения окружающей среды и т.д.).

Важно, однако, подчеркнуть, что ограничение стихии рынка за счет ввода элементов «организации» происходит не только вследствие государственного вмешательства в экономику, но и, как будет показано ниже, в результате того, что в силу ряда своих особенностей сам японский бизнес способен к вводу в процесс принятия решений «организационных факторов».

В результате в целом в японской экономике удельный вес решений и сделок, базирующихся на рыночных принципах и ставящих во главу угла достижение рыночной или экономической эффективности, оказывается существенно ниже, чем в других развитых странах. Весьма часто на всех уровнях при принятии решений предпочтение отдается не экономической, а социально-экономической эффективности, которая далеко не всегда и лишь отчасти совпадает с первой (теоретически они могут совпасть, по-видимому, лишь в долгосрочной перспективе).

Что же касается механизмов, существующих на всех уровнях экономической структуры и позволяющих вводить в процесс принятия решений элементы «организации», то их действие основано на глубоко укоренившихся в национальном сознании социо-культурных ценностях (группизме и *ва*, стремлении к достижению консенсуса, эгалитарном сознании, предпочтении долговременных связей и т.д.).

Группирование и специфика деловых отношений

Ничто, пожалуй, не отличает так сильно японскую экономику от других развитых рыночных хозяйств как группирование, пронизывающее всю систему деловых отношений. Практика группирования настолько широко распространена здесь, что среди специалистов получил хождение термин «трехслойная структура японской экономики». Под ним имеется в виду, что в отличие от «двухслойных» структур западных стран, состоящих из рынка и предприятий, в Японии имеется три «слоя» — рынок, группы предприятий и собственно предприятия²³.

²³ Сакамото Кэнйти. Гидзюцу какусин то кигё кодзо. (Научно-технический прогресс и структура предприятий). Токио, 1986, с.215.

В целом различают два уровня группирования — *кигё сюдан* и *кигё гурупу* или *кэйрэцу*. Первый представлен шестью финансово-промышленными группами, в том числе выросшими из довоенных *дзайбацу* «Мицуи», «Мицубиси», «Фуё», («Ясуда») и «Сумитомо», а также «Дайити кангё» и «Санва», сформировавшимися вокруг банков с теми же названиями уже в послевоенный период. Второй уровень представляет собой объединения крупных фирм со средними и мелкими предприятиями, пронизанные различными видами связей (производственными, технологическими, по линии обмена персоналом, акционерства и т.д.), отличающимися высокой устойчивостью и долговременным характером.

В основе обоих видов лежит, прежде всего, стремление компаний разделить с другими участниками группы риск, связанный с ведением бизнеса в такой «жесткой» среде, какой является рынок, и хотя бы отчасти снизить степень его непредсказуемости и неопределенности.

Достаточно очевидно, что практика группирования основана на все тех же свойственных японцам эгалитарном сознании и ориентации на группу. В то же время следует иметь в виду, что оно не получило бы столь широкого распространения, если бы не содержало в себе целого ряда чисто рационалистических элементов.

Что касается *кигё сюдан*, то по форме они напоминают один из видов монополистических союзов — тресты, довольно широко распространенных и на Западе. Однако, это лишь внешнее сходство, ибо, как будет показано ниже, целый ряд моментов в их деятельности придает им весьма специфический характер. Каждый из них представляет собой федерацию могущественных независимых компаний, группирующихся вокруг соответствующего банка и универсальной торговой компании (*сого сёся*). Помимо городского банка и *сого сёся* в каждой группе можно обнаружить траст-банк, одну-две страховые компании и от одной до трех-четырех крупнейших промышленных фирм, представляющих все важнейшие отрасли промышленности. Кроме того, как правило, в нее входят одна-две компании, занятые строительством и операциями с недвижимостью, а также одна-две транспортные фирмы. Некоторые группы — «Мицуи», «Санва», «Дайити-Кангё» также имеют свои собственные универмаги (соответственно «Мицукоси», «Такасимая», «Сэйбу»).

Эти компании (в среднем их число составляет 20-25) формируют ядро группы, а их главы — элитные Президентские клубы. Наряду с крупнейшими фирмами в *кигё сюдан* входят крупные и средние, в которых группе принадлежит свыше 50% капитала (их количество достигает в среднем 800-1000), и компании, в которых она владеет от 10 до 50% капитала (соответственно 1000-1300).

Совокупная мощь шести финансово-промышленных групп весьма велика: на конец 80-х годов на них приходилось свыше 1/4 объема продаж, около 1/3 акционерного капитала и около 27% общих активов всех японских компаний²⁴.

²⁴ Japan quarterly, 1992, April-June, с.190.

В *кигё сюдан* основная цель группирования — разделение риска и снижение степени неопределенности в развитии внешней среды — достигается путем использования системы перекрестного акцидирования и внутригрупповых поставок товаров и услуг. Хотя антимонопольное законодательство запрещает создание холдинговых компаний, чей «основной бизнес состоит в контроле за предпринимательской деятельностью другой корпорации», оно в то же время разрешает нефинансовым корпорациям владеть акциями других компаний, «если это не ограничивает конкуренцию».

Начало развитию системы перекрестного владения акциями было положено в 1954 г., когда в обмен на поддержку решения о воссоздании торговой компании группы «Мицубиси» (путем поглощения ею трех других торговых фирм) члены Президентского клуба получили солидные пакеты акций этой вновь возрожденной *сого сёся*. Сильный толчок к развитию эта система получила в середине 60-х годов, когда был либерализован импорт капитала. Опасаясь скупки своих акций иностранными инвесторами, многие корпорации в то время построили системы перекрестного акцидирования, используя, прежде всего, свои связи в рамках старых *дзайбацу*. В других случаях системы перекрестного акцидирования строились при содействии банков, выступавших в качестве посредников между своими клиентами.

В своем нынешнем виде эта система имеет форму матрицы, когда каждая из входящих в *кигё сюдан* корпораций связана отношениями перекрестного владения акциями одновременно с несколькими компаниями²⁵. При этом, если отдельная фирма по закону может владеть не более 5% акций другой, то группе в целом может принадлежать весьма значительный пакет. Так, группа «Мицуй» в среднем имеет 17,5% акций группированных фирм, «Мицубиси» — соответственно 26,4%, «Сумитомо» — 23,8%, «Фуё» — 15,3%, «Санва» — 16,2% и «Дайити кангё» — 12,0%²⁶.

Каков же экономический смысл системы перекрестного владения акциями в *кигё сюдан*? Тот факт, что группа владеет весьма значительным пакетом акций входящих в нее компаний означает, что она имеет возможность оказывать определенное влияние на поведение каждой из них и контролировать ее действия. Однако, осознание того, что в этих условиях на месте контролируемой фирмы может оказаться любая из группированных компаний, ведет в конечном счете к углублению их взаимозависимости и усилению взаимной заинтересованности в благополучии друг друга. С экономической точки зрения этот своего рода «взаимный фаворитизм» дает всем участникам по крайней мере два очевидных преимущества.

Во-первых, создает основу для неконкурентного или нерыночного поведения фирм при осуществлении сделок с компаниями группы. В результате, путем отхода от норм конкуренции и принятия определен-

²⁵ Окумура Хироси. Корпоративный капитализм в Японии. М., 1986, гл.2, §1.
²⁶ Japan quarterly, 1992, April-June, с.192.

ных правил игры (установления внутригрупповых цен и заключения неформальных долгосрочных соглашений) члены группы получают возможность снизить степень риска, связанного с ведением дел в неопределенной рыночной среде. Поскольку на внутренние сделки приходится в среднем 20-30% общего объема продаж членов группы, можно предположить, что примерно в такой же пропорции стабильны и гарантированы от существенных потрясений их бизнес.

Во-вторых, он делает предсказуемым и управляемым поведение участников группы как акционеро-держателей. Юридические лица вообще являются более надежными в этом отношении, чем физические, поскольку в отличие от последних приобретают акции не для игры на повышение курсов, а для поддержания межфирменных связей. Поскольку в *киге сюдан* эти юридические лица связаны системой перекрестного акционерства, то возникает полное взаимопонимание между ними в отношении политики дивидендов и поддержания курсов акций партнеров.

По взаимному соглашению участники группы отказываются от какого-либо нажима друг на друга с целью увеличения размеров выплачиваемых дивидендов, что позволяет им направлять дополнительную часть прибыли на развитие производства или на выплату бонусов для поддержания благоприятного социально-психологического климата в компаниях.

Суть практики поддержания курсов акций партнеров состоит в следующем. В обычных условиях для корпорации существует лишь один способ повысить курс акций — улучшить результаты хозяйственной деятельности. Однако, спрос на акции той или иной компании может быть организован и искусственно, если на это согласятся ее партнеры. Очевидно, что перекрестное владение акциями и взаимный фаворитизм создают все необходимые предпосылки для совместных действий по поддержанию курсов акций путем организации искусственного спроса на них. Особенно усилилась эта практика с начала 70-х годов, когда компании стали переходить к выпуску акций не по номинальной стоимости, а по рыночным ценам. Однако, как замечает японский ученый Окумура Хироси, рыночными эти цены можно назвать лишь условно, поскольку их фактически определяет выпускающая акции компания, а поддерживать на высоком уровне помогает искусственно организованный спрос со стороны партнеров²⁷. Хотя этот механизм явился одним из основных элементов «экономики мыльного пузыря», крах которой в начале 90-х годов свергнул экономику в глубокий и продолжительный кризис, в 70-80-х годах благодаря ему крупнейшие компании смогли привлечь огромные дополнительные средства, которые были направлены на техническое перевооружение производства, освоение высокотехнологичной продукции, развитие НИОКР и т.д.

27 Подробно см. Окумура Хироси. Цит. соч., гл.2.

Наряду с перекрестным акционерством специфику *кигё сюдан* составляют и особые отношения между банками и промышленными компаниями. При этом обе стороны, основываясь на все том же принципе «взаимного фаворитизма», оказывают друг другу различные услуги, в том числе и такие, которые возможны только при полном доверии и долговременных связях между партнерами.

По-видимому, самым уникальным моментом в таких отношениях является система так называемых компенсационных балансов. При предоставлении кредита банк и компания-заемщик договариваются в том, что определенную его часть компания поместит в банк в форме депозита. При этом, когда условия кредита ужесточаются, размеры компенсационных балансов уменьшаются и наоборот. По некоторым оценкам, на депозиты банков возвращается от 20 до 30% кредитов²⁸. Министерство финансов не поощряет эту практику, поэтому очевидно, что она возможна только между партнерами, абсолютно доверяющими друг другу и связанными глубокими взаимными интересами.

В ответ на «понимание» со стороны компаний банки не только предоставляют им кредиты в первую очередь, но и идут на не слишком выгодные для себя меры и избегают шагов, которые могут нанести ущерб финансовому положению клиентов. В частности, ни один банк никогда не применял в отношении последних «штрафных» процентов, хотя в соглашениях о намерениях предусматривается такая возможность. И наоборот, обычной практикой стало продление банками краткосрочных кредитов компаниям и превращение их таким образом в долгосрочные (наиболее дефицитные), которые могут быть использованы для инвестиций в оборудование. Об особых отношениях между банками и компаниями в *кигё сюдан*, говорит и следующий факт. В последние годы, когда из-за снижения интенсивности инвестиционного процесса в промышленности общая потребность компаний в кредитах снизилась, по просьбе банков они продолжали прибегать к заимствованиям, чтобы поддержать активные операции «своих» банков на необходимом уровне. Вряд ли подобное возможно в Европе или Америке.

Специфическое положение в *кигё сюдан* занимают универсальные торговые компании. Через них осуществляется не только внутригрупповая торговля, но и значительная часть торговых операций членов группы с аутсайдерами (в том числе и экспортно-импортные). Кроме того, аккумулируя и обрабатывая огромные потоки информации, *сого сёся* играют роль информационных центров, а также весьма часто выступают в качестве координаторов при разработке крупномасштабных групповых проектов.

Таким образом, если такие базовые элементы японской культуры, как группизм и эгалитарное сознание создают социо-культурную основу для группирования компаний по типу *кигё сюдан*, то перекрестное владение акциями, внутригрупповые производственно-торговые связи и особые функции банков и *сого сёся* формируют рационалистическую основу группирования.

²⁸ Bullon R., Tomita I. The financial behaviour of Japanese corporations. Tokyo, 1988, с. 93.

Приоритет внутригрупповых интересов и солидарность членов группы подчас проявляют себя весьма специфическим образом. Так, работники группированных компаний и члены их семей побуждаются приобретать товары, производимые только членами группы (в том числе и путем организации специальных распродаж). Например, работники компаний группы «Фуё» покупают пиво «Саппоро» и автомобили «Ниссан», а группы «Мицубиси» — пиво «Кирин» и автомобили «Мицубиси»²⁹.

С точки зрения общих принципов функционирования *кигё сюдан* напоминают уже упоминавшиеся *мура*. Так, в повседневных делах сплоченность группы проявляется не слишком сильно (в т.ч. постепенно ослабевает ориентация на закупки продукции преимущественно внутри группы, расширяются самостоятельные торговые операции компаний на внутреннем и внешнем рынках), однако она дает о себе знать в полной мере, когда речь идет, например, о проникновении в новую сферу бизнеса или об оказании помощи кому-либо из членов группы в случае финансовых затруднений³⁰. Возрастает при этом и роль Президентского клуба — неформального лидера *кигё сюдан*.

Согласно устоявшейся практике члены этих клубов встречаются раз в неделю для обсуждения текущих дел. Президентские клубы выступают как посредники в улаживании внутренних разногласий, а также решают кадровые вопросы, рассматривают кандидатуры на посты президентов компаний, одобряют или отклоняют предложения о совмещении высших должностей и т.д.).

Однако, основной задачей президентских клубов является определение общей стратегии развития группы и схемы действий по отношению к аутсайдерам. Именно им принадлежит решающая роль при принятии решений о целесообразности внедрения группы в новую сферу бизнеса, об отношениях с деловым сообществом и правительством. Они же вырабатывают схему действий и выступают в качестве координаторов при оказании помощи членам группы, попавшим в затруднительное положение. При этом несмотря на неформальный статус клубов, их решения обязательны для всех группированных компаний.

Внутригрупповая солидарность и неконкурентное поведение при внутренних сделках сосуществуют с ожесточенной межгрупповой конкуренцией, а также конкуренцией между компаниями группы и независимыми аутсайдерами. Наиболее ожесточенный характер межгрупповая конкурентная борьба носила в период быстрых темпов роста, когда каждая группа стремилась захватить как можно большую долю рынков новых и новейших отраслей и производств. К началу 70-х годов сферы контроля и влияния каждой из них были уже четко определены, и в последующем борьба между ними шла уже в основном за удержание завоеванных позиций. При этом центр тяжести конкурен-

²⁹ Japan quarterly, 1992, April-June, с.198.

³⁰ Tokyo business today, September, 1990, с.27.

тной борьбы все более смещался в область НИОКР, так как стало очевидно, что от успехов именно в этой области зависят возможности опережения конкурентов и завоевания новых рынков.

Интересно отметить, что НИОКР стали не только ареной ожесточенной конкуренции но и сферой сотрудничества между группами. Так, в начале 70-х годов были созданы три межгрупповых объединения для разработки компьютеров, способных достойно ответить на вызов американской «ИВМ»: «Фудзицу» («Дайити кангё») — «Хитати» (независимая); «НЕС» («Сумитомо») — «Тосиба» («Мицуи»), «Мицубиси дэнки» («Мицубиси») — «Оки дэнки» («Фуё»). Для упрочения этих объединений была использована система перекрестного акционерства, а финансовую поддержку обеспечивали банки соответствующих групп. В последующие годы аналогичные проекты были созданы в ряде отраслей высокой технологии и атомной энергетике³¹.

Именно подобные формы сотрудничества имеют в виду западные специалисты, называя Японию «Japan Incorporated». Между тем очевидно, что это всего лишь одно из проявлений присущего японцам чувства национальной солидарности, которое перед лицом внешней угрозы заставляет вчерашних врагов забыть о разногласиях и объединиться для совместных действий.

Среди других примеров сотрудничества конкурирующих компаний и групп наиболее известными являются уже упоминавшиеся «добровольные экспортные ограничения» и широкомасштабные программы скрапирования мощностей, потребовавшие от каждой из сторон принесения в жертву определенной части своих личных интересов во имя достижения соответствующих общенациональных целей. Напомним, что в обоих случаях посредником в организации сотрудничества выступило государство.

Перейдем теперь к другому уровню группирования — *кэйрэцу*. Подобие их можно встретить и в других странах (например, в автомобильной промышленности ФРГ или Италии), однако уникальность японской практики состоит в том, что в силу долговременного характера и высокой устойчивости связей между головной фирмой и субподрядными предприятиями *кэйрэцу* функционирует как целостная, органически взаимосвязанная предпринимательская структура или единая организационная единица.

С точки зрения характера обслуживания производственных нужд головной фирмы группированные предприятия можно подразделить на следующие виды:

— располагающиеся «над» или «под» материнской фирмой с точки зрения организации производственного процесса. При этом, как правило, в материалопроизводящих отраслях они находятся «над» материнской фирмой, а в отраслях конечной обработки и сборки — «под» ней;

³¹ Japan quarterly, 1992, April-June, с.198.

— располагающиеся «по горизонтали», т.е. действующие в той же области производства, что и головная фирма, и использующиеся для расширения доли на рынке;

— созданные для сбыта продукции материнской компании. Наибольшее распространение это форма *кэйрэцу* нашла в автомобилестроении и электромашиностроении;

— организованные (или присоединенные) материнской компанией с целью проникновения в новые области производства на основе стратегии диверсификации;

— созданные для проникновения на зарубежные рынки. Их могут представлять компании самого различного профиля — торговые, финансовые, производственные и др.³²

Однако наряду с производственными группу «пронизывают» и другие виды связей, дополняющие и скрепляющие первые. Среди них можно назвать такие, как участие головной фирмы в капитале субподрядчиков, направление в директораты последних ее представителей, предоставление головной фирмой финансов, технологии и консультационных услуг. При этом, как правило, чем значительнее производственные взаимосвязи между головной и субподрядными фирмами, тем полнее она использует и другие формы зависимости. В результате каждая *кэйрэцу* представляет собой многослойную, крайне неоднородную и при этом весьма подвижную и гибкую структуру с набором связей от крайне жестких до весьма слабых.

Наиболее распространенной формой *кэйрэцу* в обрабатывающей промышленности являются вертикальные *кэйрэцу* в сборочных производствах, в которых материнская фирма выступает в качестве вершины пирамиды, а зависимые компании располагаются на различных ее «этажах». По типу вертикальных *кэйрэцу* организована по существу вся система субподрядных работ в промышленности, которой охвачено более 2/3 мелких и средних предприятий.

Классическим примером, иллюстрирующим принципы субподрядных отношений в рамках *кэйрэцу*, является автомобилестроение. Согласно результатам обследования МВТП, в среднем на одну крупную автомобилестроительную фирму приходится около 170 субподрядчиков первого уровня, 4700 — второго уровня и около 32 тысяч — третьего³³. Субподрядчики первого уровня могут быть довольно крупными фирмами, в то время как субподрядчики второго уровня — в основном мелкие, а третьего — мельчайшие предприятия.

Особенно высока степень зависимости от поставок головной фирме у субподрядчиков первого уровня, хотя некоторые из них превращаются со временем в крупные независимые фирмы, работающие на несколько компаний или на свободный рынок. Чисто производственные связи, как правило, дополняются здесь и другими видами зависимости — участием головной фирмы в капитале субпод-

³² The Anatomy of Japanese Business, London, 1984, с.173-174.

³³ Masu Uekusa. Industrial Organization: the 1970' to the Present. Т., 1987. с.45.

рядчиков, направлением в них в качестве высших менеджеров своих представителей, предоставлением им технологической и финансовой помощи и т.д. Значительно реже подобные отношения связывают головную фирму с субподрядчиками второго уровня, не говоря уже о третьем. В то же время между субподрядчиками первого и второго уровней и второго и третьего уровней могут существовать весьма тесные производственно-технологические связи, хотя на этих этажах пирамиды они обычно не дополняются такими формами, как участие в капитале или командирование управленческих кадров, дающими право непосредственного контроля за деятельностью зависимой фирмы.

Также «многослойны» *кэйрэцу* и с точки зрения структуры акционерства. Например, компания «Мицубиси дзюкогё» имеет около 300 группированных фирм, которые подразделяются на три категории. В категорию А включены компании, где материнской фирме принадлежит более 50% акционерного капитала. Таких насчитывается 40, и они включаются в систему консолидированных финансовых отчетов «Мицубиси дзюкогё»³⁴. К категории В относятся компании, в которых доля «Мицубиси дзюкогё» составляет от 10 до 50% капитала. Эта категория в свою очередь подразделяется на три: В₁, в которой она определяет и контролирует политику управления, включая операции с капиталом, торговые сделки, кадровые перестановки; В₂, в которую входят зависимые фирмы, где «Мицубиси дзюкогё» имеет долю в акциях наряду с другими компаниями и не может контролировать их непосредственно; В₃, представленную компаниями, в которые она инвестирует капитал с целью использования их в основном для организации сбыта продукции. Наконец, в категорию С входят компании, где более 50% капитала принадлежит членам группы А и которые являются субподрядчиками второго уровня по отношению к «Мицубиси дзюкогё» и дочерними компаниями ее субподрядчиков первого уровня. Очевидно, что через свои дочерние фирмы — компании группы А — «Мицубиси дзюкогё» имеет возможность контролировать положение дел даже в третьем слое — группе С — вплоть до выдвижения определенных критериев рентабельности и контроля за назначением высших управленцев³⁵.

Система акционерства безусловно является основой для осуществления контроля со стороны головной фирмы за группированными предприятиями. Однако, обычно, чем ниже к основанию пирамиды *кэйрэцу*, тем реже можно встретить такую форму связей, как участие фирмы-заказчика в капитале зависимой фирмы. На нижних этажах право контроля, как правило, основывается на других принципах и, прежде всего, на зависимости подрядчика от технологии и заказов

³⁴ Система консолидированных финансов была введена в 1977 г. Она обязывает компании, зарегистрированные на бирже, отражать в своих ежегодных публикуемых финансовых отчетах положение дел и в дочерних компаниях, в которых им принадлежит более 50% капитала.

³⁵ The Anatomy of Japanese Business, с.67-169.

головной фирмы. Многие фирмы, располагающиеся у основания пирамиды *кэйрэцу*, пытаются ослабить эту зависимость, организовав работу сразу на нескольких заказчиков. Но это удается далеко не всем, так как большинство таких предприятий являются мельчайшими (нередко семейными) фирмами.

Весьма часто крупные промышленные компании имеют одновременно несколько *кэйрэцу*, при этом наиболее часто сочетаются производственные и распределительные. Последние также представляют собой вертикальные многослойные структуры и охватывают весь процесс обращения продукции — от дверей заводов до торговых прилавков магазинов розничной сети. При этом система взаимных обязательств между розничными магазинами и головной фирмой состоит в следующем: первые предоставляют торговые площади для ее товаров и поддерживают возможно более высокие цены на них; вторая обеспечивает их финансовыми ресурсами и консультациями по вопросам управления, а также поощряет их за поддержание высоких цен, используя субсидии и различные виды скидок к цене товара.

В отличие от горизонтальных групп типа *кигёсюдан*, где отношения между компаниями носят равноправный характер и где каждый имеет примерно одинаковые преимущества, в вертикальных *кэйрэцу*, напоминающих квазисемейную организацию, позиции сторон, а также извлекаемые ими преимущества выглядят по-разному. Основные преимущества, получаемые головными фирмами благодаря участию в *кэйрэцу*, по мнению японских специалистов, заключаются в следующем.

Во-первых, система пожизненного найма, применяемая практически во всех крупных японских компаниях и связанная со значительным объемом материальных и моральных обязательств фирм перед своими работниками, побуждает менеджеров в возможно большей степени сужать слой работников, на которых она распространяется. Вынос значительной части производственного процесса за пределы головной фирмы, т.е. в субподрядные предприятия, позволяет ей, с одной стороны, сократить текущие расходы на рабочую силу (так как зарплата на них на 30-40% ниже), а с другой — защитить от воздействия конъюнктурных колебаний саму систему пожизненного найма, передавая мелким и средним фирмам функцию «абсорбентов потрясений»³⁵. (При этом, как отмечает известный японский ученый Аоки Масахико, страхуеться, прежде всего, сам статус постоянных работников, и уже во вторую очередь — условия труда, т.е. продолжительность рабочего дня, размер заработной платы и т.д.)

Во-вторых, головные фирмы используют *кэйрэцу* для решения ряда вопросов, связанных с организацией и управлением производством. Как известно, по мере роста предприятия и усложнения его производственных связей происходит неизбежное увеличение бремени бюрократизации и снижение эффективности управления. Эти

³⁵ The Anatomy of Japanese Business, с.67-169.

³⁶ The economic analysis of Japanese Firm. N.H., 1984, с.26.

негативные моменты могут быть устранены на путях децентрализации путем отпочкования отделений с приданием им права хозяйственной самостоятельности. Однако, когда и этой меры оказывается недостаточно, компании идут еще дальше — превращают их в дочерние или зависимые фирмы, которые становятся единицей децентрализованного управления³⁷. Одновременно головная компания решает и очень важный для себя кадровый вопрос: на созданное там определенное количество высших управленческих постов она направляет своих менеджеров преклонного возраста, а освободившиеся должности предоставляет молодым перспективным менеджерам, тем самым подерживая их трудовую мотивацию и лояльность фирме.

В-третьих, группирование дает головным компаниям ряд очевидных преимуществ с точки зрения экономии на издержках. Выше уже говорилось об экономии на издержках на труд. Кроме того, как отмечают американские специалисты, благодаря долговременным деловым отношениям происходит снижение транзакционных издержек. Имеется в виду прежде всего сокращение времени на ведение переговоров и доступ к закрытым технологиям, вообще невозможный вне рамок тесных и длительных партнерских отношений³⁸. Здесь следует также упомянуть и о выгодах, которые получает головная фирма в связи с синхронизацией производственного процесса в рамках группы и координацией действий ее членов на основе краткосрочного и среднесрочного планирования.

В-четвертых, с точки зрения адаптации к изменениям во внешней среде *кэйрэцу* предоставляют головным фирмам намного более широкие возможности, чем, например, вертикальные интегрированные корпорации, распространенные в США. Последние — жестко детерминированные структуры, а *кэйрэцу* — это совокупность жестких и слабых взаимосвязей, центростремительных и центробежных тенденций, и потому они могут легко и гибко приспособливаться к требованиям, выдвигаемым внешней средой³⁹.

И, наконец, в-пятых, значительные конкурентные преимущества приносит головным фирмам сам специфический характер сделок в рамках группы, который в целом можно определить как «нерыночный». Имеется в виду, прежде всего, практика довольно сильного нажима со стороны головной компании в отношении уровня издержек производства и цен на продукцию субподрядных фирм. При этом обычно головная фирма не соглашается с повышением цен, если оно связано с увеличением издержек на труд или энергию, требуя перекрыть его ростом производительности труда. Но в то же время большинство головных компаний берет на себя обязательство одобрить повышение цен, если оно связано с улучшением качества продукции.

³⁷ Сакамото Кэнъити. Цит. соч., с.204.

³⁸ «Economic Eye», Autumn, 1990, с.17.

³⁹ Там же.

Хотя характер сделок в рамках *кэйрэцу* ставит субподрядчиков в весьма жесткие условия, нельзя не видеть того, что и они извлекают определенные выгоды из членства в группе. Решающее значение для мелких и средних фирм имеет то обстоятельство, что они получают возможность работать на известный рынок и рассчитывать на долговременную перспективу. В соответствии с традициями *кэйрэцу* даже в случае, когда аутсайдеры предлагают головной фирме продукцию по более низким ценам, она не спешит передавать им заказы, а терпеливо работает со своими поставщиками с целью доведения издержек производства и цен до уровня, предлагаемого их конкурентами⁴⁰. Кроме того, в периоды экономических потрясений, идя на определенное снижение своих доходов, головная фирма берет на себя функции гаранта по отношению к своим субподрядчикам, обеспечивая их заказами и другими видами поддержки и помогая им выжить в сложных условиях (в обмен на монополистические доходы, которые она извлекает из нерыночного характера сделок в периоды процветания)⁴¹.

Таким образом, *кэйрэцу* можно охарактеризовать как систему взаимных обязательств сторон, при которой каждая идет на некоторое ущемление своих интересов в одних областях в обмен на получение значительных преимуществ в других. В этом и состоит рационалистическая сторона группирования по типу *кэйрэцу*.

Подчеркивая выгоду участия в *кэйрэцу* для обеих сторон, известный японский специалист по проблемам мелких и средних предприятий, профессор университета Хосэй Киёнари Тадао определяет сделки в рамках *кэйрэцу* как «феномен двусторонней монополии, возникающей на специфическом рынке и основанной на стабильных долговременных отношениях»⁴².

По своему характеру подобные сделки занимают промежуточное положение между рыночными и внутрифирменными. Т.е., с одной стороны, они лишены такого недостатка рыночных сделок, как нестабильность и неопределенность, а в другой — избавлены от такого минуса внутрифирменных сделок, как низкая эффективность, являющаяся следствием утраты элементов конкуренции. Как замечает Киёнари Тадао, при сделках в рамках *кэйрэцу* рыночный механизм или внутрифирменную организацию заменяют автоматически или механически применяемые правила, выработанные в ходе долговременных, стабильных и доверительных отношений между партнерами⁴³.

Хотя, как отмечалось выше, преимущества от членства в *кэйрэцу* извлекают обе стороны, следует признать, что до последнего времени большие выгоды имели головные фирмы. Оценивая перспективность своих поставщиков с точки зрения цены и качества поставляемой продукции, головная фирма могла время от времени принимать решение об изменении их состава, что, с одной стороны, усиливало

⁴⁰ Tokyo business today, September, 1990, с.36.

⁴¹ The economic analysis of the Japanese Firm, с.28.

⁴² Гэндай-но кэйрэцу (Кэйрэцу в настоящее время). Токио, 1992, с.41.

⁴³ Там же, с.40.

конкуренцию между ними, а с другой — служило дополнительным каналом психологического давления на них в отношении условий поставок продукции.

Однако в последние годы позиции головных и субподрядных фирм в рамках *кэйрэцу* все более выравниваются. Усиливается роль последних вследствие серьезного роста их технического уровня (некоторые даже стали партнерами крупных фирм в проведении НИОКР). Кроме того, возрастает цена, которую должна была бы заплатить головная фирма за разрыв связей со своими подрядчиками из-за ее значительных вложений в НИОКР, технологию, подготовку кадров на субподрядных предприятиях. И, наконец, в последнее время значительно возросло число субподрядных фирм, работающих одновременно на нескольких заказчиков, что снижает их зависимость от головной компании. Согласно одному из недавних обследований, у 36,2% мелких и средних фирм насчитывается 6 и более заказчиков, у 26,4% — соответственно от 3 до 5, и только 17,3% имели одного заказчика⁴⁴.

Очевидно, что усиление позиций субподрядных фирм означает определенное ослабление центростремительных сил в группе. В последние годы многие крупные компании приступили к реорганизации своих *кэйрэцу* с целью сохранения их целостности и нахождения такого баланса между самостоятельностью группированных фирм и контролем головной компании, который позволил бы, с одной стороны, сохранить единство группы, а с другой — усилить бы ее гибкость и адаптивность. В частности, в последние годы во многих *кэйрэцу* были созданы специализированные дочерние финансовые компании для повышения эффективности финансовых операций группы (сбалансирование избытка и нехватки средств, обеспечение группы необходимыми ресурсами под возможно более низкие проценты, повышение мобильности в использовании свободных средств, подключение к сфере финансовой технологии и т.д.).

Итак, рассмотренные выше две формы группирования — *кигэ сюдан* и *кэйрэцу* — показывают, что при всех различиях деловые связи между компаниями в обоих случаях носят преимущественно нерыночный характер, что вытекает из особенностей взаимоотношений между членами группы. Иными словами, они закрыты для проникновения аутсайдеров, даже если на стороне последних имеются несомненные конкурентные преимущества.

Неудивительно поэтому, что группы стали объектом ожесточенной критики западных партнеров Японии, указывающих на то, что их существование — это и основной признак закрытости японского рынка, и главное препятствие для проникновения на него иностранных компаний. Причем масштабы этой критики нарастали по мере увеличения положительного сальдо платежного баланса Японии и достигли своего пика к началу 90-х годов.

⁴⁴ Гэндай-но кэйрэцу, с.116.

В конечном итоге японская сторона вынуждена была признать справедливость значительной части обвинений в адрес групп и заявить о своей готовности предпринять определенные шаги с целью снятия этих «неформальных барьеров», препятствующих интернационализации ее рынка. Об этом было заявлено, в частности, на заседании межправительственной рабочей группы по японо-американским структурным противоречиям, состоявшемся в апреле 1990 г. При этом японское правительство обязалось усилить контроль Комиссии по справедливым и честным сделкам за операциями между членами групп с целью выявления тех случаев, «когда они препятствуют развитию честной конкуренции», повысить требования к своим компаниям адекватно отражать положение дел в консолидированных финансовых отчетах и отчетах о внутригрупповых сделках; пересмотреть Закон о компаниях с целью облегчения процедур поглощений и слияний⁴⁵.

Хотя вполне вероятно, что вследствие ужесточения антимонопольного законодательства и более строгого мониторинга за внутригрупповыми сделками со стороны Комиссии по справедливым и честным сделкам границы некоторых групп станут более прозрачными, а сами группы более открытыми, в целом вряд ли можно ожидать, что положение вещей в этой области изменится существенным образом. Группирование — слишком японское по духу явление, чтобы измениться в соответствии с какими-либо предписаниями, от кого бы они ни исходили. В частности, почти невозможно представить членами группы иностранные фирмы (если только не в качестве «украшения»).

Кигё судан и кэйрэцу (куда входит значительная часть компаний) представляют собой оформленную или организованную часть японского бизнеса, действующего в соответствии с определенными внутригрупповыми правилами, что накладывает существенный отпечаток на функционирование рыночного механизма в Японии. Но с большой долей уверенности можно утверждать, что значительная часть неорганизованных компаний также ведет свои дела по правилам, несколько отличающимся от чисто рыночных принципов. Как отмечают авторы книги «Что такое японская модель?», в Японии «на индивидуалистические по своему типу деловые отношения довольно сильный отпечаток накладывает то, что они развиваются в рамках общества, где огромное значение придается взаимоотношениям между людьми»⁴⁶.

В самом деле, по существу каждая компания или банк строят свои деловые отношения, строго дифференцируя партнеров по степени близости и продолжительности деловых связей. При этом между компаниями, связанными наиболее долговременным партнерством,

⁴⁵ Interim Report by the Japanese Delegation to the Japan/US Working Group on Structural Impediments Initiatives. April 5, 1990, с.26-28.

⁴⁶ Нихон-гата модэру ва нани ка (Что такое японская модель?). Токио, 1993, с.372.

возникают отношения взаимного доверия, что делает возможным отход от чисто рыночных условий сделок и переход к использованию неформальных или нерыночных принципов. В связи с этим следует заметить, что не только существование *кигё сюдан* или *кэйрэцу*, но и сами традиции деловых отношений служат серьезным препятствием для проникновения на японский рынок иностранных компаний.

Разумеется, за отход от использования чисто рыночных принципов в деловых отношениях японский бизнес платит определенную цену. В частности, это проявляется в том, что уровень текущей прибыли у крупных японских корпораций, как правило, ниже чем, например, у американских (при этом, у компаний — членов *кигё сюдан* он обычно ниже, чем у независимых⁴⁷, действующих в тех же областях).

Если учесть, что в основе действия рыночного механизма лежит принцип «высокий риск — высокий доход», то более низкую прибыльность японских компаний можно рассматривать как плату за снижение риска, которое дает им членство в группе или особые отношения между партнерами, поддерживающими близкие и долговременные деловые связи. Очевидно, что этот момент придает довольно сильное своеобразие как механизму конкуренции в Японии, так и рыночному механизму в целом.

Отличительные черты управленческой системы японских компаний

Обычно влияние культуры и традиций на организацию и управление производством в японских компаниях связывают с пожизненным наймом, системой оплаты труда по старшинству и пофирменной организацией профсоюзов. Однако, на наш взгляд, сфера этого влияния отнюдь не ограничивается лишь этими тремя элементами, а захватывает намного более широкий круг фундаментальных характеристик компаний.

Вследствие значительных различий в социо-культурных ориентирах на Западе и в Японии сложились довольно отличные представления о том, что такое компания. Причем, как замечает Аоки Масахико, отличия эти столь существенны, что японские студенты, изучающие теорию фирмы в ее неоклассическом варианте, разработанном в основном американскими учеными, испытывают весьма противоречивые чувства в отношении многих ее положений⁴⁸.

Согласно неоклассическому подходу, компания — это некая организационная единица с определенным набором производственных функций, которая осуществляет превращение рыночных факторов производства в конкурентоспособную продукцию. В

⁴⁷ The economic analysis of the Japanese Firm. с.24-25.

⁴⁸ Там же, с.3.

краткосрочном плане она стремится к получению максимальной прибыли, а в долгосрочной перспективе — к повышению рыночной стоимости фирмы в глазах акционеров. Владельцами компании являются акционеры, которые, вкладывая в нее свои средства, с одной стороны, принимают на себя ответственность за результаты ее деятельности, а, с другой — получают право направлять и контролировать ее. Менеджеры и другие работники нанимаются по контрактам (которые можно расторгнуть в случае неудовлетворенности условиями работы) и получают фиксированное жалование. На этих исходных положениях покоится теория и практика менеджмента в Западной Европе и США.

Принципиально иные взгляды сложились в Японии. При этом ключевым пунктом расхождений является вопрос о том, кто является собственником компании или кому она принадлежит.

Если в западных странах собственником считаются акционеры, то, по мнению японцев, компания принадлежит также менеджерам и работникам. Они рассматриваются как три составные ее части или три субъекта ее деятельности. Более того, 2/3 представителей японских компаний на вопрос «Кому принадлежит ваша фирма?» ответили: «менеджерам, работниками и акционерам», т.е. в большинстве японских компаний работники (не говоря уже о менеджерах) — это не только составная их часть, но и часть более важная, чем акционеры⁴⁹.

Как отмечают авторы книги «Что такое японская модель?» подобные взгляды сложились еще во времена Эдо, когда начали возникать первые предприятия капиталистического типа. При этом, наряду с другими социо-психологическими характеристиками японцев, на такое восприятие работников оказало влияние высокое положение труда в системе ценностей японцев⁵⁰ (подробнее см. гл. I).

Еще более упрочились эти представления в послевоенный период, когда в системе социальных связей произошло некоторое ослабление родственных и земляческих уз, и, напротив, все большее значение стали приобретать отношения, складывающиеся между людьми в процессе их трудовой деятельности. Причем вследствие углубившегося отрыва капитала — функции от капитала — собственности позиции менеджеров и работников в рамках компании еще более упрочились, в то время как роль акционеров относительно уменьшилась.

Из расхождений в вопросе о собственниках компании проистекает ряд других принципиальных различий между японской и западной моделью управления, начиная со статуса и задач высшего менеджмента и кончая особыми отношениями между менеджерами и рядовыми работниками.

Поскольку основной задачей высших менеджеров в западных компаниях является обеспечение интересов акционеров, все их усилия

⁴⁹ The Annals of the school of Business Administration. Kobe University, 1990, № 34, с. 27-28.
⁵⁰ Нихон-ката модэру ва нани ка, с. 372.

направлены на получение максимальной прибыли на капитал, чтобы, с одной стороны, иметь возможность выплатить соответствующие дивиденды, а, с другой — создать основу для повышения рыночного курса акций в перспективе. А поскольку дивиденды выплачиваются поквартально или дважды в год, они вынуждены делать все возможное, чтобы обеспечить высокий уровень прибыльности даже на квартальном уровне, что значительно ограничивает их возможности и в оперативном управлении и в стратегическом планировании.

В японских же компаниях центр тяжести усилий высшего менеджмента перенесен с обеспечения интересов акционеров на создание условий для стабильного развития компании в целом. Будучи избавлены от повседневного гнета забот об обеспечении максимальной прибыли, менеджеры здесь обладают намного большей свободой действий, чем их западные коллеги, и сосредоточены на решении задач более широкого плана — удержания, а по возможности и увеличения доли на рынке.

При этом, если в западных компаниях (прежде всего, американских) высшие менеджеры — это нанимаемые «со стороны» профессионалы, которые в любой момент могут быть уволены по решению собрания акционеров или представляющего их органа, то в японских они — почти исключительно «люди компании», т.е. те, кто прошел в ней весь путь от рядового служащего до высшего управленца и пользуется безусловным доверием и авторитетом. В японских компаниях именно президент и совет директоров принимают все ключевые решения, в то время как собрание акционеров играет в основном формальную роль.

При этом японский высший менеджмент более свободен не только в оперативном управлении, но и в выработке стратегии развития, что благоприятно сказывается на адаптационных возможностях компаний. Так, большинство из них не колеблясь отходят от запланированных прежде целей, если того требует изменение среды развития, причем даже радикальное изменение курса не приводит к смене руководства (в то время как в американских компаниях перемена стратегии развития, как правило, сопровождается отставкой высшего менеджмента)⁵¹.

• Другой отличительной чертой японских компаний являются «ущербные» позиции их акционеров. Понятно, что для достижения стратегической цели фирм — сохранения, а по возможности и увеличения их доли на рынке, необходимо поддержание высоких темпов развития производства и продаж, что требует адекватного обеспечения финансовыми ресурсами. Поэтому их финансовая политика всегда характеризовалась упором на обеспечение средств для непрерывного роста в ущерб интересам получения прибыли, а следовательно — и интересам акционеров, довольствующихся мизерными дивидендами. По этому поводу американские исследова-

⁵¹ Hasegawa Keitaro. Japanese-Style Management. Tokyo, 1986, с.57.

тели Дж. Аберглен и Дж. Сток замечают: «В финансовой политике японских корпораций — агрессивных ценах и низкой прибыльности, высокой степени удержания прибыли в компании, свободном использовании внешних средств для расширения фондов, особых отношениях между компаниями и банками — обращают на себя внимание бессильные позиции японских акционеров, что не перестанет изумлять западных специалистов»³².

Если на Западе дивиденды рассматриваются как часть прибыли, на которую рассчитывают акционеры, и одна из основных целей менеджмента состоит в их увеличении, то японские компании, тесно увязывая политику дивидендов с возможностями финансирования, осуществляют их выплату по «остаточному принципу». В то же время, чтобы показать акционерам, что компания здорова, дивиденды выплачиваются ежегодно. Обычно их величина составляет 10% от номинальной стоимости акций и не меняется с изменением прибыли (в западных корпорациях размер дивидендов тесно увязан с уровнем прибыли). Примечательно, что даже в случае финансовых затруднений компании стараются аккуратно выплачивать дивиденды и даже закупают для этого деньги или продают часть активов, поскольку их невыплата может нанести урон престижу фирм в глазах партнеров.

Характерно, что подобная политика не кажется нечестной даже акционерам, не говоря уже о менеджерах или рядовых работниках. Помимо отмеченных выше особых представлений японцев о собственности и субъектах деятельности компании, проведению этой политики способствовали и происшедшие в послевоенный период изменения в структуре акционерства. Если в начале 50-х годов на долю индивидуальных инвесторов приходилось более 60% акций корпораций, то к середине 80-х годов их доля уменьшилась до 1/4, а остальная часть находилась в руках институциональных акционеров³³. Как отмечалось выше, значительная часть последних связана системой перекрестного владения акциями, что означает взаимный отказ от какого-либо давления друг на друга с целью увеличения дивидендов.

Что же касается индивидуальных акционеров, то они довольствуются столь незначительными дивидендами не только потому, что в любой крупной компании значительно уступают по мощи юридическим лицам и не могут оказывать какого-либо существенного влияния на ее политику, но и потому, что в условиях роста курсов акций (продолжавшегося вплоть до начала 90-х годов) их основные доходы от владения акциями складывались не из дивидендов, а из доходов, получаемых от операций с ценными бумагами (т.е. от игры на повышение курсов).

С ущербными позициями акционеров довольно сильно контрастирует то особое положение, которое отводится японским менедж-

³² Aberglen J., Stalk G. Kaisha. The Japanese corporations. Tokyo, 1987, с. 168.

³³ Ballon R., I. Tomita. The financial behaviour of Japanese corporations. Tokyo, 1988, с. 108.

ментом рядовым работникам. Для поддержания их высокой трудовой мотивации и преданности компании используется чрезвычайно тонко разработанная и постоянно совершенствуемая система управления трудом, отличающаяся значительной национальной спецификой. Поскольку анализу этой проблемы посвящен следующий параграф, упомянем лишь два момента, иллюстрирующие это особое положение.

Прежде всего, для японских менеджеров выплата бонусов представляется намного более важным делом, чем выплата дивидендов. И если последняя осуществляется по «остаточному принципу», то выплата бонусов придается первостепенное значение⁵⁴. Кроме того, здесь существует такой специфический вид резервов, как резервы для компенсации выплат работникам в случае увольнений. Согласно законодательству в них фирма может укрывать до 40% от общей суммы, которая потребовалась бы ей в случае, если бы в конце расчетного периода все работники были уволены (средства, превышающие эту величину, становятся объектом налогообложения). При этом от всех прочих видов резервов данный отличается тем, что в случае какой-либо реорганизации компании (ликвидации, поглощения, слияния и т.д.) компенсации выплачиваются в первую очередь.

Следует подчеркнуть и еще один важный момент. Привязанная к пожизненному найму система оплаты по старшинству предполагает, что в обмен на более высокую зарплату в зрелом возрасте молодые работники получают заниженную по сравнению с рыночной стоимостью их рабочей силы зарплату. Это означает, что они как бы авансируют компанию или являются ее «невидимыми инвесторами», что безусловно придает дополнительный вес их положению.

Весьма отличаются от принятых на Западе норм также и функции и положение в японских компаниях менеджеров среднего уровня. Это главным образом начальники или управляющие отделениями, на которых возложены функции оперативного руководства. Как известно, во многих японских компаниях отделения функционируют как «центры прибыли». Это означает, что их менеджерам предоставлена свобода действий в принятии оперативных решений, но в то же время они несут ответственность за обеспечение должного уровня рентабельности производства. В этом плане функции японских управленцев среднего звена мало чем отличаются от тех, что возлагаются на их западных коллег. Однако одновременно японские менеджеры решают еще одну чрезвычайно важную задачу — обеспечение благоприятного социально-психологического климата, достижение гармонии и согласия. Вот почему для того, чтобы стать менеджером среднего звена в японской компании, нужно обладать не только соответствующим образованием и профессиональными знаниями, но и чертами характера, вызывающими доверие и уважение коллег и подчиненных⁵⁵.

⁵⁴ The economic analysis of Japanese Firm, с.7.

⁵⁵ Hasegawa Keitaro. Цит. соч., с.44.

Так же как и высшие менеджеры управленцы среднего уровня — это в основном «люди компании». Это значительно облегчает их задачу по гармонизации отношений в коллективе, так как продвигаясь по служебной лестнице, они усваивают те самые неформальные или негласные нормы и правила, в соответствии с которыми и строятся взаимоотношения между людьми в японских фирмах. Разумеется, для обеспечения гармонии в компании с этими нормами и правилами должны быть знакомы не только менеджеры, но и рядовые работники, что достигается путем организации различных форм обучения персонала, а также использованием ротации.

Поскольку в японском обществе с его эгалитарным сознанием не поощряются слишком явные отличия в положении отдельных лиц в группе, для достижения взаимопонимания с подчиненными менеджеры всячески избегают демонстрации своего особого положения и, напротив, подчеркивают близость к рядовым работникам. Для них не существует отдельных столовых, их кабинеты ничем не отличаются от других служебных помещений, фирменная одежда проста и скромна. Напротив, в западноевропейских и особенно американских компаниях широко используются такие атрибуты власти, как отдельные столовые для менеджеров, богатый интерьер их кабинетов, дорогие служебные автомобили и т.д.

Далее, материальное благосостояние японских управленцев немалого отличается от положения рядовых работников. И если средняя заработная плата японских рабочих вполне сопоставима с доходами американских рабочих, то жалованье японских менеджеров намного ниже, чем их американских коллег⁵⁶. Наглядной иллюстрацией особенностей японской идеологии управления может служить следующий пример. Когда японская корпорация вследствие каких-либо финансовых затруднений вынуждена прибегнуть к снижению заработной платы, то высший менеджмент начинает с сокращения жалованья себе и среднему управленческому составу и только после этого приступает к переговорам с профсоюзом. В американских же компаниях в таких случаях, прежде всего, выделяется кто-либо из высших управленцев для переговоров с профсоюзными лидерами о сокращении зарплаты, и если ему удастся добиться успеха, он награждается солидной премией⁵⁷.

Подобная политика японского менеджмента рождает в ответ готовность рядовых работников разделить с ним бремя риска и ответственности. Это проявляется, в частности, в том, что ни один профсоюз не выдвигает требований о повышении зарплаты в трудные для компании времена. (В ответ на это понимание менеджмент обычно идет на существенное повышение зарплаты работникам по выходе из сложной ситуации)⁵⁸.

⁵⁶ Abegglen J., Stalk G. Цит. соч., с.192.

⁵⁷ Там же, с.198.

⁵⁸ The economic analysis of Japanese Firm, с.23.

Еще одной особенностью японских методов управления является специфика разделения сфер ответственности в компаниях и процесса принятия решений.

Общеизвестно, что в отличие от западных компаний, где сферы личной ответственности, вменяемой работникам (или их служебные обязанности), четко определены, в японских рабочих места разделены нечетко, сферы личной ответственности определены неясно, и обычно она возлагается не на отдельного работника, а на группу. Достаточно очевидно, что в этом плане современная компания унаследовала черты *мура*.

Однако, как отмечает профессор университета Кобэ Т. Кагоно, сферы прав и ответственности в компаниях кажутся неопределенными только аутсайдерам. Сами же работники прекрасно понимают место каждого в организации благодаря негласным правилам, существующим в каждой компании и усваиваемым ими в ходе обучения, перемещения на другие рабочие места или продвижения по службе. Это приводит к возникновению между работниками своего рода понимания без слов, что вместе с нечеткостью формального разграничения сфер прав и ответственности, по мнению Т. Кагоно, значительно облегчает фирмам приспособление к изменяющейся внешней среде, делает их более гибкими и подвижными по сравнению с западными, обремененными четко фиксированными правами и обязанностями.

С «иллюзорностью» организационного устройства японских компаний тесно связаны особенности процесса принятия решений. Следует отметить, что японскую модель принятия решений отличают три главные характеристики: их выработка идет по линии «снизу-вверх»; она основана на принципе разделения риска и ставит своей целью достижение консенсуса между всеми заинтересованными сторонами путем многочисленных переговоров и консультаций. В этом плане ее можно назвать демократичной (в отличие от авторитарных систем западных компаний, где власть концентрируется в руках высшего руководства и решения спускаются сверху в соответствии с четко определенной иерархией).

На принципах разделения риска и достижения консенсуса основана работа широко известных кружков контроля качества, малых групп, групп бездефектного производства и т.д. Обычно рядовые рабочие — их участники, обсудив тот или иной вопрос и достигнув соглашения, подготавливают соответствующее предложение, которое затем проходит через контролеров, начальников секторов и отделов до управляющих отделением (а иногда и выше), на уровне которых принимаются окончательные решения, затем спускающиеся вниз для исполнения. Понятно, что подобная система способствует существенному повышению трудовой мотивации персонала.

⁵⁹ The Annals of the School of Business Administration, с.32-33.

Наиболее ярким примером японской модели принятия решений является система *ринги*. Так же называется и письменный документ с предложениями по тому или иному вопросу, подготовленный менеджером в одном из низовых звеньев и направляемый по цепочке снизу-вверх. *Ринги* должен получить одобрение ответственного лица на каждом уровне управленческой иерархии. Это подтверждается представлением на нем подписей или печатей соответствующих менеджеров. Если ответственные лица на каком-либо уровне обнаруживают в *ринги* недостатки, то возвращают его исполнителю с соответствующими замечаниями. Последний должен либо убедительно отклонить эти возражения, либо переписать *ринги* заново.

Исполнители готовят *ринги* очень тщательно. Обычно, прежде чем он составляется, проводятся многочисленные неофициальные обсуждения рассматриваемого вопроса со всеми заинтересованными лицами, получившие название *нэмаваси* (буквально «пересаживание корней»). Например, если отделение НИОКР вносит предложение о выходе на рынок с новым продуктом, то вначале его управляющий должен согласовать это предложение с главами ряда смежных отделений. Отделение продаж при этом должно представить информацию о деятельности других компаний на этом рынке и определить тенденции потребительского спроса, производственное — возможные объемы производства и поставщиков деталей, обеспечить расчет издержек и т.д. После согласования все эти вопросы излагаются в *ринги* по определенной схеме и упорядочиваются для удобства чтения и восприятия.

При этом огромную роль в процессе принятия решений играют межличностные отношения. Каким бы замечательным ни было то или другое предложение, оно будет проигнорировано, если подготовивший его менеджер не установил хороших дружеских отношений со своими коллегами. Поэтому весьма часто для успешного продвижения *ринги* большее значение имеет то, кто подал это предложение, чем его действительная ценность⁶⁰. Таким образом, *ринги* представляет собой заключение, достигнутое на основе тщательного изучения вопроса и согласования позиций представителей всех заинтересованных отделений. Если оно получает одобрение в штаб-квартире, то заложенные в нем идеи уже в форме решений высшего менеджмента по обратной цепочке сверху-вниз доводятся до низовых звеньев. При этом, если процедура прохождения *ринги* занимает довольно много времени, то принятые по нему решения выполняются очень быстро, так как каждый исполнитель заранее определяет для себя круг своих задач.

Очевидно, что выработка решений на основе консенсуса имеет своим неизбежным следствием распыление ответственности за результаты принятых решений. Понятно, что в случае положительных результатов того или иного решения это не имеет столь важного значения, как в случае его негативных последствий. Теоретически

60 Hasegawa Kaitaro. Цит. соч., с.38.

ответственность за неудачу должен нести инициатор предложения (хотя бы за то, что недостаточно тщательно провел процедуру *намаваси*), но поскольку окончательный вариант — это результат консенсуса, она распределяется между всеми его участниками (причем мера ответственности каждого отдельного лица никогда не устанавливается).

С точки зрения западных управленцев, японская система принятия решений и установления ответственности за их исполнение представляется неэффективной и нерациональной. Однако, с точки зрения самих японцев, она, хотя и имеет некоторые недостатки (такие, например, как ориентация на инициативу низшего слоя управленцев или рядовых работников при относительной пассивности служащих более высоких рангов), обладает и несомненными достоинствами. Она обеспечивает достижение гармонии в коллективе, так как в случае положительных результатов позволяет всем приобщиться к плодам сотрудничества, а в случае отрицательных — никому не дает «потерять лица»⁶¹.

Следует подчеркнуть, что японская система организации и управления производством эффективна не только потому, что основана на принципах, как нельзя более отвечающих национальному менталитету и национальной культуре, но и потому, что она рациональна и с чисто экономической точки зрения. Прежде всего в этой связи следует отметить, что она предполагает широкое использование различных форм конкуренции в целях стимулирования жизнедеятельности компании. При этом гармония и конкуренция не подрывают друг друга, а сосуществуют, каждая выполняя свою функцию (см. подробно гл. I).

Принципы конкуренции встроены в саму систему пожизненного найма. Поскольку доходы работников зависят от того, как далеко они продвинутся по служебной лестнице, буквально с первых же дней пребывания в компании между ними начинается конкуренция. Конкуренция внутри компаний существует и между бригадами, кружками контроля качества, отделами, отделениями и т.д., поскольку лучшие, чем у других, показатели дают шанс как руководителям этих групп, так и их работникам на более быстрое продвижение по службе.

Ярким примером может служить конкуренция между отделениями, а также их управляющими. Она начинается еще на стадии выработки планов развития отделений, поскольку от того, насколько хорошо обоснован план и насколько он соответствует стратегии развития компании, будет зависеть объем ресурсов, которые штаб-квартира предоставит отделению. Причем, если раньше обычной была практика, когда ресурсы компаний распределялись равномерно, то теперь большинство из них использует метод PPM (Product Portfolio Management), в соответствии с которым по единой методике оценивается перспективность всех заявленных отделениями проектов и определяется стоимость каждого из них⁶².

⁶¹ Подробнее см.: Hasegawa Keitaro. Цит. соч., гл. 3.

⁶² Подробно см.: Лебедева И.П. Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995, гл. I, §2.

Как отмечалось выше, в большинстве японских компаний отделения функционируют как «центры прибыли» и должны обеспечивать определенный уровень рентабельности, который одинаков для однопипных отделений. Например, в компании «Мацусита дэнки» для всех производственных отделений норматив прибыли составляет 10% (к объему продаж), для коммерческих — 5%, при смешанном варианте — 7,5%.

Поскольку известно, что показатели рентабельности отделений служат решающим критерием при оценке штаб-квартирой уровня профессионализма их менеджеров, между ними развивается довольно сильная конкуренция за достижение наилучших показателей. Например, на той же «Мацусита дэнки» определены четыре уровня рентабельности для производственных отделений (или четыре уровня оценок компетентности их управляющих): уровень А — не менее 9%, В — 6%, С — 4%, уровень Д — менее 4%⁶³. Если в каком-либо отделении в течение двух лет уровень прибыльности соответствует категории Д, то его управляющий может быть даже отстранен от работы.

Функционируя как «центры прибыли», отделения помимо всего прочего наделены правом приобретения продукции вне компании в случае, если цены на нее в смежных отделениях выше рыночных. Это — один из каналов прямого давления рынка на уровень издержек производства в отделениях, поставляющих продукцию для нужд компании. Другой канал — это те ограничения, которые налагает штаб-квартира на ценообразование в отделениях, реализующих свою продукцию вне компании, а именно, установление продажных цен на их продукцию не на основе калькуляции ее себестоимости или самими, а на базе расчетов центральных коммерческих служб, учитывающих прежде всего интересы обеспечения ценовой конкурентоспособности продукции компании.

До того, как коммерческое управление определит продажные цены, все отделения обязаны представить ему примерные оценки уровня издержек. Но они, как правило, всего лишь «принимаются к сведению» центральными коммерческими службами.

Получив из центральных коммерческих служб одобренные высшим менеджментом цены на свою продукцию, отделения обязаны немедленно приступить к разработке мер по снижению издержек производства с тем, чтобы довести их до уровня, который позволил бы обеспечить и требуемый уровень рентабельности⁶⁴.

В результате, японские менеджеры отделений оказываются как бы под двойным контролем: со стороны штаб-квартиры — за текущей рентабельностью, и со стороны рынка — за издержками производства. Эти жесткие условия и предопределяют высокие эффективность и отдачу их действий в рамках делегированной им свободы в опе-

⁶³ Innovation in Management. The Japanese Corporations. Atlanta, 1985, гл. IV, с.52.

⁶⁴ Hasegawa Keitaro. Цит. соч., с.59.

ративном управлении. Постоянно ощущая давление внутрифирменной и рыночной конкуренции, они направляют усилия на рационализацию производства, развитие НИОКР, разработку новых продуктов, совершенствование дизайна, поиск новых рынков, т.е. на развитие тех сфер, без которых в настоящее время невозможно не только процветание, но даже просто выживание любой компании.

Разумеется, широким использованием элементов конкуренции рациональность японской системы организации и управления производством не исчерпывается.

Выше говорилось о том, какие очевидные преимущества дает японским компаниям группирование: упоминалось и о чисто рациональной стороне такого элемента организации компаний, как «ущербные» позиции акционеров. К этому можно добавить и «особые» отношения между промышленными компаниями и банками. Как известно, вплоть до начала 80-х годов в условиях интенсивного инвестирования в структуре источников финансирования промышленных фирм резко преобладали заемные средства, в первую очередь банковские кредиты и займы: (в период 60-70-х годов их доля достигала 80-90%). Хотя в 80-х годах она заметно понизилась, опора на внешние источники и сейчас остается основной чертой их структуры финансирования.

С точки зрения западных менеджеров, вынужденных ограничивать объем заимствований для поддержания финансового риска на определенном уровне, подобная политика японских компаний представляется по меньшей мере иррациональной. Более того, многие из них полагают, что имея такие колоссальные размеры внешнего долга, вообще нельзя называться компанией, т.е. быть независимым юридическим лицом⁶⁵. Однако, достаточно даже краткого перечисления преимуществ, которые принесла и приносит японским компаниям эта политика, чтобы понять, насколько рациональной она является.

Во-первых, благодаря банковским кредитам и займам они смогли осуществить крупномасштабные инвестиции в расширение производственных мощностей и резко увеличить объемы производства, что привело к существенному снижению себестоимости продукции и повышению ее конкурентоспособности и оказало решающее воздействие на ход конкурентной борьбы между японскими и западными фирмами⁶⁶.

Во-вторых, опора на банковские кредиты и займы как нельзя более отвечала и отвечает основной задаче финансового менеджмента японских фирм — обеспечению их ресурсами для роста при возможно более низких издержках или цене капитала. В самом общем виде последнюю можно определить по уровню учетной ставки процента.

⁶⁵ Abegglen J., Stalk G. Цит. соч., с.161.

⁶⁶ Подсчитано, что увеличение объемов производства в 2 раза при той же технологии приводит к снижению себестоимости примерно на 1/3.

Между тем, как известно, в 60-70-х годах уровень официальной учетной ставки процента в США был почти вдвое выше, чем в Японии, а в 80-х — начале 90-х годов — соответственно в 1,5-1,7 раза⁶⁷. С учетом этого обстоятельства упор японских компаний на привлечение заемных средств представляется столь же рациональным, сколь и опора американских на собственные источники финансирования.

И, в-третьих, в пользу вполне рационального характера финансового менеджмента свидетельствует тот факт, что с точки зрения налогообложения привлечение средств в форме банковских кредитов более выгодно, чем через выпуск акций, так как проценты по кредитам могут быть исключены из суммы прибыли и проведены через графу «расходы»⁶⁸. Наконец, весьма рациональными представляются и система премирования работников и создание в компаниях «резервов на случай увольнений». Как известно, лишь незначительная часть бонусов (10-20%) используется работниками на цели текущего потребления, а основная часть помещается в форме депозитов в банки или направляется в инвестиционные фонды, которые затем предоставляют эти средства промышленным компаниям для инвестирования. При этом, поскольку общий объем кредитных ресурсов увеличивается, условия кредитования становятся для компаний более выгодными. Что же касается «резервов на случай увольнений», то они непосредственно аккумулируются в компании и могут быть использованы по усмотрению высшего менеджмента на цели текущего финансирования. Следовательно, как бонусы, так и «резервы на случай увольнений» помимо выполнения своей основной функции — поддержания трудовой мотивации работников и их преданности фирме — приносят компаниям и дополнительные выгоды, расширяя базу капиталонакопления и содействуя смягчению условий кредитования.

Своеобразие системы мотивационного управления персоналом

Специфика японской модели управления, как уже говорилось, прослеживается на всех уровнях руководства фирмой, начиная с организационных структур и кончая контролем над персоналом. Именно здесь она проявляется наиболее ярко.

Нельзя не согласиться с мнением подавляющей части исследователей в том, что среди структур и механизмов наиболее отличительной чертой японской системы управления является так называемая практика пожизненного найма. Ее необычность длительное время фиксировала внимание западных специалистов исключительно на механизме обеспечения персоналу гарантий пребывания в фирме и ставила под сомнение вопрос о рациональности всей управленческой системы, основанной на подобном феномене. Закономерно высказы-

⁶⁷ Japan. An International Comparison. 1992, p.75.

⁶⁸ Hasegawa Kaitaro. Цит. соч., с.141-142.

вались опасения по поводу эффективности и гибкости системы, лишенной такого источника жизнеспособности, как подвижность рабочей силы. Вся японская модель управления рассматривалась чуть ли не как исторический казус. Однако чем больше японская экономика демонстрировала высокие показатели, тем слышнее становились голоса в защиту самобытной системы пожизненного найма, с которой связывались эти успехи, тем настойчивее делались попытки понять причины уникального явления.

Первые попытки объяснить пожизненный найм в прямой связи с границами его распространенности и со структурой рынка труда в Японии лишь отчасти помогли понять истоки эффективности системы управления. Вместе с тем, такой подход расширил понимание самого «пожизненного найма» и вплотную подвел к возможности увидеть движущие силы управленческой системы и роль человека в ней.

Как известно, границы этой практики весьма расплывчаты. Статус постоянного работника, который предусмотрен Законом о труде, не вносит ясности в этот вопрос. В соответствии с законом каждый, кто проработал на одном месте более двух месяцев, считается постоянно занятым. Таких в Японии на конец 1991 г. насчитывалось 89,9% от всего числа лиц наемного труда⁶⁹. Не говоря о том, что это не может свидетельствовать о фактическом постоянстве занятости работника, закон не обеспечивает юридических гарантий стабильности его положения в фирме. Отсутствует база для оформления соответствующих отношений с работниками и у самих фирм.

Права персонала на пожизненный найм не являются, таким образом, ни результатом их юридической оформленности в рамках трудового законодательства, ни следствием нормотворческой деятельности менеджмента, но определяются исключительно традициями сложившейся практики взаимоотношений между работниками и фирмой.

О традициях японского бизнеса можно говорить как об относительно новом явлении, возникновение которого связывается с периодом реставрации Мэйдзи, а расцвет — с послевоенным переустройством страны. Несомненно, что эти новые традиции смогли пустить прочные корни лишь на хорошо освоенной исторической почве и только потому, что ассоциировались в сознании нации с теми не утраченными ценностями конфуцианства, на которых держалась прежняя система из. Все это в настоящее время позволяет фирмам вполне по своему усмотрению и без особых возражений пользоваться тем обстоятельством, что оно в области труда поделено на «своих» и «чужих» (что вообще свойственно японскому обществу, о чем уже подробно говорилось в главе I) и не опасаться неожиданных протестов.

В различных фирмах охват персонала пожизненным наймом имеет свои особенности: в крупных компаниях к числу постоянных относится подавляющая часть кадров, в более мелких она может быть

⁶⁹ Родо токэй тэса гэнпо, 1991, № 11, с.31.

сведена до управленческого состава. В зависимости от того, какие факторы влияют на размеры границ распространенности этой практики, учитываемая доля лиц наемного труда, охваченная пожизненным наймом, в оценках разных авторов колеблется от 17% до 55%⁷⁰. Для понимания механизма пожизненного найма, как мотивационной управленческой системы, наличие этих границ, однако, гораздо более важно, чем точность их определения.

Итак, в Японии существуют разделенные между собой закрытый и открытый рынки труда, в пределах которого рабочая сила поставлена в различные условия с точки зрения стабильности найма. Это разделение обеспечивает привилегированность положения той части рабочей силы, которая попадает на закрытый рынок и которая, таким образом, однозначно привержена ценностям исторической традиции, развиваемым менеджментом. Закрытый рынок обуславливает существование вертикального типа структурирования японского социума с ориентацией на иерархию старшинства и группизм в рамках крупных компаний. Открытый рынок представляет собой своеобразный анклав относительно второсортной рабочей силы, он создает базу для потенциального расслоения общества на страты, соподчиненность которых между собой не объединяет структуру, а скорее расчленяет ее на отдельные части. Картина этого расслоения очень сложна, прежде всего потому, что оно связано с вовлечением мелкого бизнеса, составляющего японский открытый рынок, в сферу влияния крупного. Расслоение открытого рынка приводит к вычленению категорий рабочей силы, представляющих ценность и для крупных компаний. Поэтому разделенность рынков не исключает их взаимодействия. Более того, оно жизненно необходимо для существования закрытой вертикальной структуры крупной компании, поскольку открытый рынок представляет для нее первый резерв подвижности труда и всей организации в целом.

Таким образом, если и приходится говорить о пожизненном найме как об отличительной черте японской управленческой системы, то только при осознании того факта, что он существует лишь в сочетании с развитым институтом негарантированной занятости. По мнению профессора Н.Цуцуми из университета Рицумэйкан, японский стиль управления невозможно рассматривать исключительно в приложении к какой-либо одной группе, скажем, постоянных работников. Это — система управления кадрами, сложившаяся в современной практике предприятия в результате взаимодействия различных частей рынка труда⁷¹.

⁷⁰ Более подробно по этому вопросу см.: Япония: смена модели экономического роста, с.102-103.

⁷¹ Гэндай нихон-но сикай кодзо. Дайникай ниссо гакудзюцу симподзиуму (Современная японская структура управления. Второй японско-советский научный симпозиум). Ленинград-Токио, 1982, с.84-85.

Механизм управления на основах пожизненного найма запускается не только в сфере его непосредственного действия, но и в области открытого рынка рабочей силы. Весьма важно и то обстоятельство, что традиции подобных взаимоотношений менеджмента с персоналом, сколь разнообразными они ни были в конкретных случаях, представляют собой явление общенациональное, сформировавшееся на социально-культурной исторической базе всего социума. Субъекты открытого рынка в этом отношении не являются исключением. Сама по себе потенциальная возможность включения в структуру крупных компаний предполагает их готовность к восприятию ценностей закрытого иерархического группизма и служит одним из факторов, препятствующих угасанию исторической традиции.

Рассмотренная в сочетании с открытым рынком труда практика пожизненного найма, сколь специфической и исторически обусловленной она ни была, уже не выглядит столь иррациональной, как это кажется на первый взгляд. Но для понимания истоков жизнеспособности пожизненного найма недостаточно видеть, что находится за пределами сферы его непосредственного применения. Эффективность этой практики значительно зависит и от степени распространенности. Недаром компании используют не только в той мере, в какой им позволяют их возможности. Масштабы ее применения несомненно обусловлены экономической целесообразностью.

Внутренний смысл пожизненного найма кроется в соединении механизма закрепления кадров со средствами, компенсирующими его недостатки и активизирующими достоинства. Таких средств в компаниях очень много, причем каждая из них стремится выработать свои собственные и, модернизируя, поддерживать их в состоянии, адекватном производственно-экономическим условиям. Они группируются обычно в комплексы мер по отбору кадров, их обучению и материальному стимулированию, образу соответствующих структуры, с помощью которых осуществляется мотивационное управление персоналом.

Несколько слов о самом понятии «пожизненный найм». Если рассматривать его как средство по обеспечению стабильного положения работников в фирме, то понимание этого явления сводится к механизму локального воздействия на персонал, лишь гарантирующее ему занятость. Но лучше взглянуть на него как на фактор системообразующего характера, увязывающий между собой разнообразные элементы управления человеком. Многие исследователи подчеркивают, что неизменным следствием пожизненного найма является вовлечение в управление целого комплекса институтов, с которым он бывает тесно связан и для которых служит необходимой базой. Так, например, Р.Дор пишет: «Частое переобучение работников, превратившееся в японских фирмах в необходимый элемент системы служебного продвижения, является прямым следствием «презумпции» пожизненного найма»⁷². Поэтому в настоящее время японская систе-

⁷² Dore R. P., Sako Marl. How the Japanese Learn to Work. Routledge—London—New-York, 1989, с.114.

ма управления трудом в целом все чаще отождествляется с самим пожизненным наймом, который уже не рассматривается лишь в качестве одного из ее элементов.

Японская фирма встает перед необходимостью компенсировать издержки, возникающие в результате долговременных отношений с персоналом. Гарантия найма не просто накладывает отпечаток на весь комплекс взаимоотношений в компании, но и определяет их характер. Она приводит к необходимости организации особо жесткой системы отбора, планирования внутрифирменного обучения, создания специфических способов возмещения трудовых затрат персонала. Закономерность возникновения соответствующих структур лежит на поверхности. Важно понять механизм их эффективности.

То, что пожизненный наем распространяется далеко не на весь персонал фирмы, связано с действием механизма, с одной стороны, ограничивающего допуск рабочей силы, а, с другой стороны, — помогающего от нее избавиться. Он основывается прежде всего на возрастных критериях. Известно, что на условия пожизненного найма в фирме может претендовать лишь молодежь, только что закончившая учебу и нигде до сих пор не работавшая. Увольняется персонал так же в строго определенном возрасте, предельном для данной фирмы. Преследуя по существу те же цели, что и на Западе, — не ошибиться в определении качества своих будущих кадров — японская фирма иначе понимает само качество рабочей силы, связывая его, прежде всего, с возрастом.

Для японского менеджмента уровень профессиональных знаний и навыков еще не адекватен квалификации кадров и тем более их качеству, как это принято на Западе. Помимо самой профессии, в японский вариант квалификации включается отношение работника к труду, и к своей компании. Считается также, что качество рабочей силы — это квалификация, накопленная опытом. Очевидно, уже здесь Запад уступает Японии многие конкурентные позиции с точки зрения мотивации труда. Правда, зарубежные фирмы при оценке персонала в определенной мере учитывают производственный стаж. Но это отнюдь не является результатом соответствующей организации заработной платы и лишено своего стимулирующего значения.

Различия в понимании квалификации и качества рабочей силы в Японии и на Западе проливают свет на механизм управления, основанной на пожизненном найме вообще, и в момент отбора рабочей силы в частности. Нетрудно представить, с какими трудностями во время найма сталкивается японская компания, чтобы избежать ошибок долговременного действия. Сложность, тщательность и жесткость процесса отбора, состоящего из ряда туров, занимающего несколько месяцев и вовлекающего в работу огромный персонал, во много раз превосходит подобную процедуру на Западе. Примечательно, что основной акцент японские фирмы в момент отбора претендентов делают не на квалификации.

Действительно, профессия претендентов на место в фирме традиционно мало увеличивает их шансы быть принятым на условиях

пожизненной занятости. Решающее значение имеет уровень социальной адаптированности личности, степень принятия ей таких традиционных ценностей, как трудолюбие, уважение к иерархии старшинства, желание подчинить себя служению общей цели — словом, в сферу внимания руководства попадает весь тот комплекс качеств личности, который может составить в будущем основу для направленного воздействия на ее мотивационный потенциал. Значение этих качеств в глазах японских менеджеров, видимо, очень велико, если для их выявления они прибегают даже к такому средству, как частный сыск. В то же время иногда решение о найме принимается только на основании рекомендаций, имеющих у кандидатов со стороны лиц, заслуживающих доверие фирмы. Вполне логично, что молодежь является наиболее перспективным объектом воздействия.

При такой системе найма одной из логически обусловленных ее частей является внутрифирменная подготовка кадров, что безусловно необходимо для их долговременной занятости. Японская фирма, как ни одна на Западе, имеет возможность удержать квалифицированных специалистов и вправе рассчитывать на полное использование тех, кого она подготовила собственными силами.

Формы внутрифирменного обучения персонала весьма разнообразны. Исключительно широк размах организации начального профессионального обучения, поскольку, как уже говорилось, нанимается профессионально неподготовленная молодежь. При всей растущей значимости академических форм фирмы не собираются, видимо, отказываться от таких традиционных средств обучения кадров, как ученичество, осуществляемое без отрыва от производства. И дело здесь не только и не столько в экономической целесообразности, сколько в уверенности в том, что оно не позволит молодежи надолго оторваться от фирмы, уберет ее от искушения нарушить лояльность.

Однако истинный смысл пожизненного найма как системы мотивационного управления раскрывается при рассмотрении организации непрерывного процесса обучения, один из способов которого основывается на взаимодействии служебного продвижения по старшинству и ротации кадров. Под последней подразумевается периодическая смена рабочих мест, которая применяется здесь как метод расширения профессионального профиля работников любых категорий. Кроме того, она является средством устранения таких нежелательных явлений как инертность мышления, использование устаревших способов принятия решений, эксплуатация налаженных связей с коллегами во вред делу. Через механизм ротации молодежь может обрести свое место в социально-производственной системе. Для рабочих она служит средством смягчения рутинности и монотонности труда, которые могут привести к технологическому отчуждению от производства. В каждом отдельном случае ротация сопряжена с обучением кадров, повышением уровня их квалификации и расширением профессионального профиля. Общим моментом здесь является стремление менеджмента повысить уровень рационального использования

кадров на основе комплексного подхода к ним и укрепления мотивационного механизма их трудовой деятельности в условиях закрытой системы управления. Ведь если работников нельзя уволить, то им необходимо найти другое, более подходящее применение.

На Западе ротация кадров осуществляется в весьма ограниченных масштабах, ее функции и значение не столь велики, как в Японии. Там она применяется главным образом с целью снятия усталости работников и не требует их переобучения.

Особенно интересна как способ мотивации ротация служащих. С одной стороны, — своей классической принадлежностью системе пожизненного найма, поскольку в этом качестве не имеет аналогов в практике управления кадрами в других странах. А, с другой, потому что с ее помощью выявляются ограничения, присущие этой системе. Вопрос о пределах возможностей этой системы управления является в отечественном и зарубежном японоведении наименее исследованной областью, приоткрывая которую, мы получаем возможность восстановить объективную картину японского феномена.

Ротация служащих в японских фирмах совмещается с системой их служебного продвижения по старшинству и непрерывного обучения. На практике это выглядит следующим образом. Каждый новый работник, после прохождения обязательного начального обучения определяется на свое первое рабочее место. Здесь он проходит профессиональную подготовку без отрыва от производства и достигает необходимого уровня компетентности. Те, кто демонстрировал повышенную заинтересованность в труде, переводятся на новые места работы. И там повторяется все сначала, чтобы завершиться очередной переменной.

Определенный период такой последовательной смены рабочих мест необходим для отбора наиболее перспективных работников на управленческие посты. Подобная система более характерна для ИТР и служащих административных подразделений компаний. По некоторым данным, работники, занимающие управленческие должности, бывают охвачены процессом ротации полностью, в то время как рабочие — лишь на 17%⁷³.

В большинстве фирм иерархия управленческих функций соответствует иерархии звеньев служебной лестницы. Продвижение вверх по этой лестнице влечет за собой не только смену функций, но часто и смену подразделений. Хорошо зарекомендовавшие себя работники целенаправленно и последовательно перемещаются по основным подразделениям фирмы с тем, чтобы они могли овладеть всем диапазоном знаний о ее деятельности, необходимым для руководителя. Перемещениям соответствуют и определенные этапы обучения. Обучение на рабочих местах без отрыва от производства на ранних стадиях ротации дополняется курсовым не ее более поздних этапах, когда работник готовится занять или занимает управленческий пост.

⁷³ Kyoto University Review, 1983, v. 3, № 1-2, с.25-50.

Наличие ясных перспектив изменения служебного положения (по словам классиков современной теории мотивационного управления Дж.Марча и Г.Саймона, — «осознанной возможности продвинуться») включает в действие механизм трудовой мотивации, т.е. стремления работника к таким изменениям, достижение которых обеспечит ему удовлетворенность трудом и гармонизирует систему «субъект-объект». Если уровень его мотивированности достаточен, то ему необходима профессиональная переподготовка.

Дж.Марч и Г.Саймон исследовали проблему удовлетворенности трудом в связи с текучестью кадров в компаниях, действующих в условиях открытого рынка труда, когда «осознанное желание» индивида продвинуться не соответствует его «осознанной возможности» сделать это. Наличие системы продвижения по службе при отсутствии реальных средств повышения уровня компетентности кадров лишь потенциально провоцирует нестабильность ситуации. Претензии работников занять более высокое (или более высокооплачиваемое) положение в конце концов превышают возможности компании удовлетворить их, приводя к росту текучести.

Таким образом, открытая система на определенном этапе гасит в персонале мотивацию эффективного производственного поведения. Для компании закрытого типа свойственна другая опасность — отсутствие или недостаточность эффективного обмена трудом, который за исключением своего крайнего проявления в форме стихийной и чрезмерной текучести, является необходимым условием обновления организации.

Средством планомерного достижения баланса между обменом трудом и поддержанием мотивации персонала на должном уровне и является в японских фирмах ротация кадров. Соединенная с системой их служебного продвижения, она превратилась в японской фирме в систему непрерывной подготовки, которая неизменно воспроизводит на новом уровне мотивацию персонала и направляет ее на развитие организации. В этом качестве ротация удачно заменила собой механизм стихийного перелива рабочей силы, существующий на открытом рынке труда, и включилась в сложный процесс формирования системы непрерывного образования.

Механизм ротации, с одной стороны, призван решать задачи производственного характера, обеспечивая постоянное соответствие субъекта производства его материально-технической основе и препятствуя моральному износу квалификации. С другой — он обслуживает и потребности личности, включенной в производственный процесс, поддерживая баланс между его представлениями о собственной роли в этом процессе и реальным местом в нем. Фактически речь идет о достижении удовлетворенности работника своим трудом.

Обе стороны находятся в неразрывном единстве, ибо соответствие качеств субъекта материально-техническим характеристикам производства влечет за собой удовлетворенность трудом, а в стремлении личности согласовать предполагаемую роль со своим реальным положением по существу заложены начала активизации человеческо-

го фактора в системе «субъект-объект» производства. В основу механизма ротации положена, таким образом, идея саморазвития этой системы.

В самом деле, если осознанная возможность продвигнуться в фирме постоянно поддерживается систематическим служебным ростом, то осознанное желание (или мотивация) сделать это постоянно подкрепляется систематическим повышением квалификации.

Однако синтез ротации и служебного продвижения по старшинству с непрерывной подготовкой кадров в целом ряде случаев лишь потенциален. Имеются в виду неспособные к управленческой карьере работники. Если это распознается на ранних стадиях ротации, то у компании имеются средства сдержать их продвижение. В противном случае они представляют для фирмы большую проблему, ибо в японских компаниях, действующих в условиях закрытого рынка, трудно избавиться от некомпетентных претендентов на более высокие должности. И в результате ошибки в определении мотивационного потенциала работников, совершенные на ранних стадиях отбора на управленческие должности, в дальнейшем оборачиваются необходимостью нести все большие затраты на них.

Это противоречие японской системы, имеющее органический характер, по-видимому, кардинально разрешить невозможно. Отчасти в настоящее время оно снимается сугубо паллиативным образом, когда компания сбрасывает «балласт» в менее важные подразделения или филиалы фирмы, устраивает чисто декоративные или представительские должности, перепоручая реальные функции ее исполнения другому, чаще всего подчиненному лицу.

Учет потребностей человека и переводение их в сферу мотивации его поведения носит в японской фирме комплексный характер, что отражается в системном подходе и к разработке мер материального стимулирования, и к использованию средств социально-психологического воздействия. Яркими примерами в области материального стимулирования является организация повозрастной оплаты труда и социально-бытовая деятельность фирм с выраженной ориентацией этих мер на их воспроизводственную функцию и потребности человека.

Согласно концепции Д.Марча и Т.Саймона, степень идентификации индивида с организацией тем больше, чем выше уровень осознания им общности своих целей с целями последней и чем больше его потребности удовлетворяются в пределах этой организации⁷⁴. Задача долговременной ориентации работника на одно и то же место работы, полной интеграции в фирму решается с помощью системы материального стимулирования, которая на протяжении всей его трудовой жизни удовлетворяла его разнообразные и меняющиеся во времени потребности.

Система материального стимулирования в Японии, взяв за основу воспроизводственную функцию, отличается от соответствующих

⁷⁴ March S.G., Simon H.A. Organization. Sydney, 1958, с.68.

систем на Западе тем, что экономическое побуждение работника к труду осуществляется не путем прямой увязки уровня оплаты с его результатами, а опосредованно через удовлетворение его жизненных потребностей. Об этом уже не раз писали японские и отечественные экономисты. Известный специалист по проблемам труда Фудзимото Такэси, например, отмечал, что японская система заработной платы связывает уровень вознаграждения не с выработкой, а со стоимостью жизни работника⁷⁵. Советский экономист С.Игнатушенко констатировал более очевидную, чем в других странах, связь заработной платы в Японии со стоимостью рабочей силы, обращая внимание на то, что здесь делаются попытки определения размеров заработка на основе концепции так называемого «жизненного цикла воспроизводства рабочей силы», т.е. исходя из уровня потребностей работника в различные периоды его жизни.

Показательна уже сама структура заработной платы, ориентированная на определение уровня потребления в пределах различных сроков жизни работника — краткого (месячная заработная плата), среднего (кроме месячного заработка включает выплачиваемые дважды в год бонусы и обеспечивает годовой уровень потребления) и длительного (вся «пожизненная заработная плата», включая выходные пособия, выплачиваемая работнику, увольняемому с предприятия в связи с наступлением предельного возраста пребывания в фирме).

Кроме того, компании предоставляют своим работникам социально-бытовые льготы и услуги в дополнение к установленным государственной системой социального обеспечения. Это — наиболее яркое, очевидное и последовательное проявление идеологии патернализма, способствующего развитию в персонале чувства общности с фирмой. Но необходимо подчеркнуть, что патернализм является элементом, органически встроенным во всю японскую систему мотивации, и если рассматривать ее с этой точки зрения, то и повозрастная заработная плата оказывает не меньшее психологическое воздействие на работников, чем дополнительные льготы и выплаты.

Таким образом, мотивационное управление в своем японском варианте преследует цель достижения не просто экономической эффективности, к чему преимущественно стремятся рационалистические системы, основанные на оптимизации технико-организационной структуры, но эффективности социально-экономической. Среди других моделей управления мотивационного типа японская система занимает особое место благодаря тому, что получила свое развитие в условиях сочетания открытого и закрытого рынков труда и связанного с последним практикой пожизненного найма. Закрытость вертикальных структур и обусловленная ею философия предпочтения «своих» позволила логически развить идею ориентации на человека до возве-

⁷⁵ Фудзимото Такэси. Тингин дзитэн (Справочник по заработной плате). Токио, 1967, с.179.

дения этого принципа в абсолют. В результате из объекта воздействия работник превращается в субъект действия и в этом качестве призывается чуть ли не наравне с менеджментом участвовать в развитии компании. Если в концепциях управления на Западе все еще преобладает как бы «корыстный» мотив внимания к человеку с расчетом сугубо на активизацию его трудовой функции, то «альтруизм» японской системы уже взывает к гораздо более широкому спектру его возможностей, многие из которых остаются в тени западной управленческой технологии.

Иначе говоря, в японской фирме стимулируется не просто трудовая функция, но весь творческий потенциал индивида, взятый, так сказать, в целом. С этой точки зрения их менеджеры ближе, чем западные конкуренты, подошли к решению проблемы полного использования человека в качестве фактора развития производства, в том числе с помощью средств его материального стимулирования.

Таким образом, как было показано выше, на всех уровнях японской экономической системы можно обнаружить черты, придающие ей весьма значительное своеобразие. Разумеется, с течением времени многое в ней меняется, но остается неизменным главное — опора на социо-культурные характеристики и исторические корни нации. Благодаря этому система в целом воспринимается ее субъектами как целесообразная и разумная, что чрезвычайно важно для ее эффективного функционирования.

Для того, чтобы та или иная модель управления успешно работала необходимо прежде всего, чтобы она воспринималась самими работниками компании как целесообразная и разумная. Особенно важно это обстоятельство для японской модели управления, ориентированной прежде всего на управление трудом. Благодаря широкому использованию элементов, сформировавшихся под влиянием национальной культуры, она в целом удовлетворяет этому условию. Иными словами, применяемые менеджментом средства и методы управления и организации в целом отвечают представлениям работников в том, что такое компания и как она должна управляться. В то же время поскольку японская модель управления — это в высшей степени рациональная система, обладающая рядом очевидных конкурентных преимуществ перед западными, она приводит как к усилению позиций японских компаний, так и к улучшению материального положения их работников, что еще более укрепляет представления последних о ее разумности и целесообразности. Таким образом, именно сочетание или взаимоналожение двух начал — рациональности и национальной специфичности — закладывает основы для успешного функционирования японской системы управления и организации производства.

ЯПОНСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

Постановка проблемы и периодизация истории культуры

Высокую степень специфичности и феноменальность исторического пути Японии в значительной степени можно объяснить особым влиянием культурного и национально-психологического компонентов в японской социальной модели.

Соотношение культуры и бытия, духовного и материального — старая философская проблема. Извечная проблема — что первично, а что вторично. Как свидетельствует, в частности, японский опыт, фактор сознания оказывает нередко решающее воздействие или определяет бытие не в меньшей мере, чем наоборот, т.е. между ними существует глубокая взаимосвязь. Сознание, особенно его культурно-эстетическое начало, имеет столь могучее влияние на формирование материальных реалий, что фраза Достоевского о «красоте, которая спасет мир», воспринимаемая часто как литературный эвфемизм, имеет более чем серьезные основания.

Значение культуры в развитии любого общества трудно переоценить. Без нее и присущей ей свободы даже самое совершенное общество — не что иное как джунгли, подчеркивал Альбер Камю. В связи с этой идеей Камю приходят на память исследования «ревизионистов» (так их прозвали за то, что они стремятся «пересмотреть» или «ревизовать» традиционный взгляд на Японию и японцев, доказывая, что они всего лишь «талантливые имитаторы»). Признавая за Японией выдающиеся достижения в области экономики и технологии, они нередко отказывают ей в высокой культуре или в наличии, по крайней мере в настоящее время, таких достижений в этой сфере, которые бы обогатили мир. «Расцвет торговли и промышленности не сопровождается сколько-нибудь серьезным расцветом искусств.., наподобие того, как свидетельствует история, это бывало во времена великих экономических расцветов», — пишет один из них в отношении сегодняшней Японии.

Спорность этого тезиса, хотя автор имеет в виду не всю культуру, а только «искусство», достаточно очевидна. Однако сама идея соотношения культуры и экономики представляется не только теоретически интересной, но и, видимо, практически важной сейчас. После краха социалистической модели экономики, пытавшейся утвердить гуманистические или социально-ориентированные принципы эко-

¹ Van Wolferen К. Цит. соч., с.3.

номической деятельности через плановое начало и огосударствление всех средств производства и собственности, мы становимся свидетелями вновь разгорающегося спора о том, является ли нынешняя рыночная модель оптимальной с точки зрения ее цивилизационно-культурной начинки.

До конца XVIII века, до появления «Богатства народов» Адама Смита все экономические теории представляли собой смесь экономических воззрений, этики и морали. Экономическая деятельность рассматривалась в них как нечто, органично связанное с культурой. Адаму Смиту первому удалось создать чисто экономическую теорию, которая легла в основу английской классической школы. В конце XIX века эта теория испытала на себе влияние других, и возникла так называемая неоклассическая экономическая школа, которая доминирует до сих пор в виде теории рынка и свободного предпринимательства. Ее главный пафос — утверждение, что и капиталист, и управляющий, и рабочий, и потребитель есть «гомо экономикус», которые находятся в постоянном поиске удовлетворения своих интересов. Главным объектом изучения неоклассиков является рынок и его механизмы. По их мнению, экономические законы и механизмы вне-национальны и, хотя и испытывают на себе влияние культурных и социо-психологических факторов, однако им не подчиняются².

Японский феномен — это свидетельство эффективности модели, явно отличающейся от неоклассического капитализма. И не случайно, что японцы часто выступают его критиками, доказывая, что со временем он должен быть видоизменен, соединив в себе такие элементы, как сосуществование экономик разных культурных типов и отказ от принципа главенства прибыли в целях защиты и сохранения быстро истощающихся природных ресурсов и деградирующей природы³. Такой подход диктует важность рассмотрения вопросов культуры.

Прежде всего необходимо условиться, что следует понимать под культурой. Существуют разные представления о содержании этого понятия — узкое и широкое. Узкое — то, что в рамках государства подпадает под компетенцию министерств и ведомств культуры (литература, искусство, памятники культуры и пр.). Широкое включает более обширный круг явлений и ближе к понятию цивилизации, хотя ему и не адекватно. Цивилизацию можно было бы скорее назвать «социальной историей, оплодотворенной культурой».

Автор не претендует на выбор точной дефиниции и ставит задачу исследовать лишь некоторую часть огромной культурной системы Японии, ряда духовно-эстетических факторов, которые «одухотворяют» материальную, физическую жизнь общества. В наш компьютерный век, если воспользоваться его терминологией и все социальное бытие поделить на «software» и «hardware», то культура — это software

² Ozaki R. *Humann Capitalism. The Japanese Enterprise System as World Model*. Tokyo, 1991, с.86-87.

³ См.: Eisuke Sakakibara. *The End of Progressivism A Search for New Coals*. «Foreign Affairs», September/October 1995, с.8-14.

общества, духовная начинка материальных факторов — hardware. В конечном счете это то, что, собственно, и делает человеческое общество именно человеческим. В понятие культуры можно включить все, что относится к духовному «климату» любой человеческой цивилизации на любом уровне, как об этом писал американский публицист Уолтер Липпман.

Исследование влияния культурного фактора на феноменальные по результатам успехи в социальной и экономической сфере не имеет в виду ни восхваления Японии и японцев, ни попытки обосновать особую «уникальность» их культуры. Очевидно, что все народы и всякая культура уникальны по-своему. И конечная цель такого исследования иная — доказать, что японский феномен отнюдь не от «бога», а вполне реальное и моделируемое явление в рамках человеческих возможностей. Оно основано на человеческом потенциале и имеет «уникальное значение», как писал Дои Такэо, автор оригинальных исследований по японскому национальному характеру⁴.

Это видно уже из того, что многие из национальных черт японцев или культурно-психологические особенности нации не являются сугубо японскими, а принадлежат всему восточноазиатскому культурному ареалу, странам, в которых, подобно Японии, были распространены буддизм и конфуцианство. В последнее время, в частности, корейские ученые начинают эспаригать первенство или уникальность целого ряда черт японского национального характера, утверждая, что они же принадлежат и корейцам.

Специфика японской культуры в целом определялась следующим:

— островное положение страны, приведшее не столько к изолированности, сколько дистанцированности от остальных очагов культуры; но эта дистанция служила своеобразным «фильтром», через который проходило внешнее влияние, и породила способность национального самосознания впитывать и отторгать то, что для японской культуры было не органично и губительно;

— молодость народа-нации, рождение которой пришлось на период, когда существовавшие по соседству очаги цивилизации уже находились в полном расцвете и поэтому могли служить благодатным источником для заимствований; при этом приведенный выше фактор в известной мере снимал опасность для отечественной культуры быть поглощенной или поработенной;

— этническая однородность населения с уникальным самосознанием общей культурной идентичности, что, в частности, выразилось в сохранении института монархии на протяжении всей истории, прежде всего как идейно-культурного фактора, объединяющего нацию; в результате формально вся история Японии и делится на периоды правления того или иного императора;

— жесткие географико-геологические условия, определившие комплекс естественных причин, побуждавших японцев к поискам

⁴ Takeo Doi. The Anatomy of Self: The Individual versus Society. Tokyo, 1986, с.12.

наиболее эффективных способов общежития, социальных форм, позволявших выживать и развиваться.

Этот набор факторов, явно не полный, но они все же главные и основополагающие.

Развитие японской культуры происходило в конкретных исторических условиях. Поэтому целесообразно принять какую-то версию этапов исторического развития страны. Сделать это непросто, как и определить понятие культура. Существуют три основные версии периодизации японской истории: собственно японская, западная и марксистская.

Собственно японская достаточно формальна, но конкретна. Она исходит, как правило, из таких признаков как смена императоров, переезд столицы или ставки фактического правителя — *сёгуна* из одного города в другой. Лишь с завершением эпохи Эдо в 1868 г. этот принцип перестает действовать — столица остается на одном месте. Эдо переименовывается в Токио, и сюда из Киото переезжает императорский двор. С этого момента начинается качественно новый этап японской истории.

В настоящей работе отдано предпочтение этой версии в силу двух причин: она более наглядна и формализована в большей мере как раз по признакам изменения культурно-исторических эпох. В этом смысле она удобнее, чем более стройная и мотивированная марксистская периодизация, в которой однако нередко стадийные критерии становятся прокрустовым ложем для всего, что не укладывается в эту логику. Чаще всего конфликтует с историческим материализмом как раз культура.

Согласно японской периодизации культуры, она начинается с эпохи палеолита (30-40 тыс. лет тому назад — несколько тысячелетий до н.э.). Однако говорить в строгом смысле о палеолитической культуре сложно, ибо археологических данных этого периода слишком мало. Некоторые находки на островах Окинава и Хоккайдо свидетельствуют о том, что палеолитические протояпонцы имели связи с материком, в частности, на Хоккайдо найдены предметы, сделанные в Сибири⁵.

Культура эпохи Дзёмон (неолита — несколько тысячелетий до н.э. — 3 век до н.э.) создана протояпонскими племенами, образовавшимися за счет смешения пришельцев со стороны южных морей и из северной части Азии. Эта эпоха в японской историографии выделена в особую категорию по чисто формальному признаку — рисункам в виде сетей (*нава-дзё*) на гончарных изделиях. В целом неолитический уровень японской культуры более примитивен, чем аналогичные в других регионах. Тем не менее в произведениях мастеров Дзёмон можно найти прекрасные образцы гончарного искусства. Многие из них уже несли в себе самую отличительную черту национальной культуры — умение в совершенстве овладевать техникой, заимствованной из-за рубежа, и, вместе с тем, вносить в нее свои собственные неповторимые черты.

⁵ Нихон дзэнси. Джапан куроникку (История Японии. Японские хроники). Токио, 1991, с. 22.

В период Яёи (бронзовый и железный века, 3 век до н.э. — 4 в. н.э.; термин Яёи происходит от названия улицы в Токио, где впервые были найдены керамические изделия этого времени) особого внимания заслуживают отлитые из бронзы храмовые колокола — *дотаку*. Технология их литья скорее всего была заимствована из Китая, но форма и эстетика изделий явно японского происхождения — подобное не встречается нигде на Дальнем Востоке⁶.

В этот период влияние Китая в материальной культуре Японии ощущается особенно остро. В погребальных холмах найдено большое число предметов культуры, привезенных из Китая, в частности, знаменитые бронзовые зеркала китайской династии Хань. Многие из них были изготовлены в самой Японии по китайским образцам. Но можно обнаружить и такие, которые отходят от чисто китайской традиции и представляют собой образцы японской культуры. Это так называемые зеркала с колокольчиками (по краю — шесть маленьких колокольчиков). Довольно оригинальна и творчески осмысленной японцами предстает и пропорция олова и меди, использовавшаяся для изготовления этих зеркал⁷.

Этот период плавно переходит в культуру Кофун (курганов, 5-6 вв.), которую можно рассматривать как предвестницу более развитой материальной культуры. Она создала особый вид погребальной скульптуры — *ханива* (маленьких глиняных фигурок). *Ханива* вошли в сокровищницу мировой культуры. В этот же период происходит консолидация племён и формирование государства Ямато — протогосударства сегодняшней Японии.

Следующие три периода тесно связаны с проникновением и становлением буддизма, ставшего впоследствии одним из центральных элементов национальной культуры. Это — эпоха Асука (названа по месту нахождения императорского двора, 593-645 гг.), которую можно рассматривать как начало формирования синтетической культуры на основе весьма плодотворного соединения внутреннего (эзотерического) и внешнего (экзотерического) начал. Затем — эпоха Хакухо (названа по годам правления, 645-710 гг.) — период укрепления государственности на основе реформ Тайка, принятия первого свода законов Тайхо рицурё, чеканки монет, введения системы переписи населения, первых дворянских рангов, появления императорских рескриптов, написанных по-японски, а также сооружения буддийских и синтоистских храмов. И, наконец, эпоха Нара (по названию первой столицы, 710-794 гг.), когда по императорскому указу были составлены «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (Летописи Японии, 720 г.). Анализ этих памятников позволяет судить о существенных особенностях японской мировоззренческой культуры, специфике социальной психологии, формирующейся на японской основе, эстетических и этических норм. Они подвели итог длительному по времени процессу

⁶ Noritake Tsuda. Handbook of Japanese Art. Tokyo, 1981, с. 18.

⁷ Там же, с. 19.

возникновения японской нации как культурного феномена. Они свидетельствуют о возникновении особой культуры, отличной от Европы и даже близкого Китая, с особым мировоззренческим и ценностным характером. Все, что происходило позднее, внешнее культурное влияние ложилось на эту почву и на ней давало свои плоды и тем самым усиливало изначальную специфичность. Активная законотворческая деятельность императорского двора предписывала создание официальных буддийских монастырей в каждой провинции. Шло бурное строительство новых храмов: Синьякусидзи, Сайдайдзи, Энрякудзи, Тодзи и Сайдзи; в храме Тодайдзи в Нара была установлена громадная скульптура Будды.

Особую страницу в истории японской культуры составляет эпоха Хэйан (город, затем переименован в Киото — официальная столица Японии до 1868 г.) — грандиозная и по протяженности и по значению. Она длилась почти четыре века — с 794 по 1192 год, и именно поэтому японская историография предпочитает делить ее на два периода — ранний (794-931 гг.) и поздний (931-1192 гг.), связанный с правлением дома Фудзивара. Первый отмечен появлением ряда новых буддийских сект, в частности Тэндай и Сингон; созданием антологий китайской поэзии и официальных хроник; в политической сфере — ослаблением института императорской власти и введением института «канцлеров» — *кампаку*. Второй — золотой период японской классической литературы. Он связан с такими национальными шедеврами как «Дневник из Тоса» Ки-но Цураюки, «Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон, «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, «Собрание старых и новых песен Ямато», «Повесть о Такэтори», «Повесть о дуплистом дереве» и другие.

Несколько следующих эпох отражают культуру самурайства. Эпоха Камакура (по названию неофициальной столицы того времени, 1192-1336 гг.) — период полного и окончательного оформления *сёгуната* как института реальной власти *сёгунов* при сохранении номинальной императоров. Наиболее яркая личность эпохи — *сёгун* Минамото Ёритомо, образ которого или его легенда вдохновили на создание шедевров литературы. В это время отмечается расцвет искусств, особенно поэзии, составляются официальные поэтические антологии, в частности Синкокинсю (новая «Антология старых и новых стихов»), продолжается бурное строительство буддийских храмов.

Эпоха Муромати (названа по кварталу в Киото, где был основан сёгунат Асикага, 1336-1568 гг.) связана с началом формирования сильной централизованной власти, объединением страны, активной деятельностью первого японского «объединителя» Ода Нобунага. Продолжается расцвет поэзии, строительство буддийских храмов, в частности, главного храма секты Дзэн — Сёкокудзи; составляется первая военная хроника — Тайхэйки (хроника средневековой Японии) и сборник Отоги-дзоси (Книга сказок). Почти в конце эпохи появляются первые иностранцы — португальцы на о. Танэгасима; начинается миссионерская деятельность католических монахов. Первый миссионер ордена иезуитов Фрэнсис Ксавье, пробывший в Японии с 1549 по 1551 год, писал в одном из своих отчетов: «люди здесь лучшие

из тех, с кем мне доводилось встречаться. И, как мне кажется, среди нехристиан вряд ли найдутся такие, которые могли бы их превзойти»⁸. Факт появления иностранцев трудно переоценить — культурное влияние европейской цивилизации было ошеломляющим, особенно потому, что японцы впервые поняли и ощутили свое отставание в целом ряде цивилизационных признаков.

Эта эпоха включает в себя и период великой смуты с конца 15 по конец 16 века. Война шла не только и не столько между крупными воинскими частями феодалов, но и между многочисленными бандами, что самым тяжелым образом отразилось на состоянии культуры: пострадали, были сожжены не только великолепные образцы архитектуры, но погибли бесценные рукописи. Несмотря на то, что техника книгопечатания в Японии получила распространение с 8 века, большинство произведений японской литературы сохранялось в виде рукописей. Сожжение библиотек поэтому явилось не только актом вандализма, но и вело к безвозвратной потере бесценных атрибутов культуры.

Эпоха Момояма (место, где находилась резиденция правителя страны, 1568-1603 гг.) — самый короткий, но значительный период в японской истории, когда процесс формирования централизованного государства вошел в конечную фазу, когда после грандиозной объединительной работы Ода Нобунага эстафету принял Тоётоми Хидэёси. Это время явного оживления культуры и одновременно гонения на христиан.

В эпоху Эдо (1603-1868 гг.), или эпоху власти феодального клана Токугава сложились такие черты национальной культуры и ее социальные функции, которые после определенной модификации во многом сохранились до сих пор. Страна оказалась закрытой от внешнего мира и его влияния, и развитие культуры происходило на национальной основе. Именно в этот период происходит сублимация тех социальных черт национальной культуры, которые придают ей особую специфику, доводятся до совершенства ее институты.

Грандиозная эпоха открытия Японии — эпоха Мэйдзи (названа, как и все последующие за ней, по девизу правления императора, 1868-1911 гг.). Она характеризуется массивным культурным влиянием Запада, активным и даже жадным впитыванием японской культурой элементов европейской. Одновременно усиливается национализм, питающийся идеями культурной исключительности; в политике он вылился в агрессию против Китая и войну с Россией. Победа в русско-японской войне была первой для азиатской страны над европейской. Это само по себе привело к усилению «культурного национализма».

⁸ Цит. по: Sansom G. B. *The Western World and Japan. A Study in the Interaction of European and Asiatic Cultures.* Tokyo, 1977, с.115

⁹ Keene D. *Appreciations of Japanese Culture.* Tokyo, 1981, с.40.

Эпоха Тайсё (1912-1925 гг.), период в японской культуре, отмеченный ростом либеральных идей, появлением новой политической культуры. Но в целом она продолжила и несколько углубила тенденции, возникшие после революции Мэйдзи. Западная культура стала менять облик японских городов, появились здания, построенные в готическом и романском стилях, ренессансная архитектура.

Эпоха Сёва (1925-1988 гг.) вместила в себя две противоположные культурно-цивилизационные тенденции: разрушение либерализма и становление тоталитарной идеологии с ее культурными ценностями в виде прославления собственного, национального; ростом шовинизма и идей паназиатизма, а после крушения всего этого в результате поражения в войне и первой за всю историю страны оккупацию иностранной державой — развитие комплекса вины и неполноценности, осмысления допущенных ошибок и их причин, развитие демократических институтов на макроуровне с сохранением целого ряда психологических традиционных институтов социальных отношений на микроуровне, затем вновь рост «культурного национализма», по определению Ёсино Косаку, в результате феноменальных успехов в экономической и социальной сфере после середины пятидесятых годов¹⁰.

Синтетичность культуры и открытость к восприятию внешнего влияния

Спецификой японской культуры является прежде всего отсутствие в ней, за некоторым исключением, воинствующей ксенофобии. Она не утверждала себя как самодостаточную. Когда же это случалось, то приводило к катастрофе, как было во вторую мировую войну.

Из теорий о характере японской культуры и цивилизации в широком смысле наиболее привлекательной является метафорическая концепция «мембранного» характера. Мембрана как механизм обладает огромной гибкостью, а как образ — способностью к изменению способов действия. Она выпукла и вогнута. Выпуклость — это ее воздействие вовне и недопущение внешнего влияния на внутреннюю среду. А вогнутость — наоборот: активное восприятие и впитывание в себя внешнего влияния. Это некий социальный и культурный клапан. Режим его работы строго соответствует потребностям самого культурного организма.

Сила японской культуры — в ее многосторонности и синтетичности, благодаря тому, что она формировалась и складывалась под духовно-эстетическим влиянием разных религий. Основой японской религиозно-этической системы является синтоизм, чье влияние на японскую культуру, наравне с пришедшими позже буддизмом, даосизмом и конфуцианством — огромно.

¹⁰ Kosaku Yoshino. *Cultural Nationalism in Contemporary Japan, a sociological enquiry.* New-York, London, 1992.

Основой синтоизма явилось обожествление окружающей среды, вера не в одного, а в множество богов, т.е. пантеизм. В его мировоззренческой традиции всеобщее (*дзэн*), то есть природа, является комплексом единичных элементов (*ко*). Человек в природе — один из таких элементов, ее составная часть. Именно поэтому для него бессмысленно и даже преступно бросать ей вызов. Кроме того, как бы человек ни пытался отдалиться от природы, он в конечном счете к ней и возвращается и «растворяется» в «богах» или в «космосе»¹¹.

Следовательно, с точки зрения японской культурной традиции природу (в широком смысле как *дзэн* или универсум) бесполезно переделывать. Это невозможно и вредно. И именно поэтому наивысшей эффективности, в том числе и социальной, можно достичь путем поисков гармонии с ней.

В японских мифах существенно более высокий уровень обожествления природы, окружающей среды, отличающий их от антропоцентричности континентальной китайской мифологии, не говоря уже о греческой или римской. Связано это не с примитивностью или неразработанностью концептуального мышления древних японцев. Обожествление природы и географии (ландшафта) японских островов, которое обнаруживается в мифах, отражает само отношение японцев к среде своего обитания, как к самоценности, их стремление обрести согласие с природой, суровой, скупой на щедрости, опасной стихийными бедствиями¹².

В этих произведениях мы впервые обнаруживаем, что вся мифология, космогонические героини и прочие концептуальные структуры выступают не столько как философско-мировоззренческие, сколько как культурно-мировоззренческие концепции. И в этом качестве они обнаруживают целый ряд особенностей, отличающих их от китайской и западной традиции. Прежде всего большая «эластичность» культуры. Духовно-этические нормы в ней характеризуются большей гибкостью, отсутствием четких и резких граней между полюсными понятиями и категориями — положительным и отрицательным, добром и злом, светлым и темным, красивым и уродливым, чистым и грязным, счастливым и несчастным, богатством и бедностью и т.п.

Позднее с проникновением зарубежных культурно-религиозных систем эластичность японского менталитета, его способность непредвзято и с прагматических позиций воспринимать привнесенную идеологию, этику и эстетику получили особое развитие. Подобные учения, попадавшие на японскую почву из-за рубежа, сами вынуждены были адаптироваться к местным условиям для того, чтобы выжить и самоутвердиться.

Родившиеся в Индии или Китае, и на протяжении многих и многих веков испытывавшие свой расцвет и упадок, в Японию они попали приблизительно в одну короткую историческую эпоху, как бы спрес-

¹¹ Аидзава Сидзуюо. *Нихон бунка то сэйсин кодзо* (Японская культура и психология). Токио, 1975, с. 201

¹² С. Pelzer J. *Human Nature in Japanese Myths*, in: *Japanese Culture and Behavior. Selected Readings*. Honolulu, 1974, с. 20.

сованные во времени. Это предопределило их синкретизм, ибо здесь они оказались в одном «котле», где благополучно переварились, соединились с национальной религией и создали уникальную сублимированную форму японской культуры, сочетающую различные черты и принципы в синтетическом и диалектическом единстве¹³.

Готовность воспринимать внешнее культурное влияние было осознанным и целенаправленным. Оно не носило хаотического характера. Сформировавшийся на основе собственной культуры, социум в Японии был не только восприимчивым к внешнему влиянию, он был крепким и стойким сам по себе. Абсорбция внешней культуры шла по двум направлениям. Воспринималось то, что японскому социуму было функционально необходимо или полезно, ненужное отвергалось. Новое не оставалось чужеродным, оно перемалывалось жерновками собственной культуры и становилось в результате органично своим, национальным, «...осуществляемые заимствования объяснялись чисто внутренними потребностями государства и ни в малейшей степени не были навязаны извне... В этом смысле Япония представляет собой идеальный «полигон» для исследования межкультурных контактов, не сопровождавшихся насилием»¹⁴.

Более того, японцы способны не только воспринимать чужое, но и доводить его до совершенства. Это качество было присуще им всегда. Специалист по японской литературе Дональд Кин, в частности, приводит слова одного католического миссионера, писавшего, что купленный им в Эдо хлеб, который японцы до этого никогда не пекли, оказался самым вкусным, который ему доводилось пробовать до сих пор¹⁵. В 17 веке японцы смогли не только скопировать изобретенное в Европе огнестрельное оружие, но и наладить его массовое производство. В это они добились таких феноменальных результатов, что к концу столетия в стране ружей было больше, чем во всей Европе.

Это качество культуры островной страны, которая в силу ограниченности своих ресурсов вынуждена ввозить «сырье» и, обработав его и придав насколько возможно совершенную форму и свойства, экспортирует за рубеж уже в виде готовой продукции.

Островной характер страны, ее географическая удаленность от большинства центров мировой цивилизации, исторически привели к тому, что японская культура лишь аккумулировала информацию извне, не передавая ее дальше. В этом смысле она — «аккумуляторного типа». Но для того, чтобы не образовались культурные завалы, нация, во-первых, выработала феноменальную способность переваривать их, а, во-вторых, — умение перекрывать клапан поступления инокультурной информации.

¹³ В этом смысле вряд ли рационально говорить только о «синтоистско-буддическом синкретизме». См.: Мещеряков А.Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987. с.4.

¹⁴ Мещеряков А.Н. Цит. соч., с.34.

¹⁵ Кееле D. Цит. соч., с.41.

Способность японцев воспринимать все полезное извне послужило основанием присвоить им ярлык «имитаторов», неспособных на собственные изобретения. Подобная точка зрения получила свое развитие особенно в послевоенное время. Ее в изобилии можно найти в книгах и статьях уже упоминавшихся «ревизионистов».

Сам процесс широкого заимствования извне выработал паразитическую способность японцев к восприимчивости чужого без какой-либо предубежденности. По мнению российского исследователя А. Н. Мещерякова, это обстоятельство разительно отличает Японию от другого островного государства — Англии¹⁶.

Огромное и ни с чем не сравнимое влияние на формирование японской культуры оказал Китай, который был центром азиатской цивилизации. Здесь пересекались мощные торговые и культурные потоки — из Индии, Ирана и Европы. «Китай был чрезвычайно богатым и сильным, а его столица — центром всех мировых цивилизаций и культур. И, поэтому, персы, армяне, индийцы — все везли сюда свои религии, произведения искусства, свои бесчисленные товары», — пишет японский ученый Цуда Норитакэ, подчеркивая огромную разницу между Японией и Китаем, которая сама по себе предопределила сильное культурное воздействие последнего. Это был эффект, называемый в физике законом сообщающихся сосудов¹⁷.

Духовные отношения между этими странами ряд исследователей склонен сравнивать с отношениями Северной Европы со Средиземноморьем. Япония наследовала классическую культуру Китая подобно тому, как Англия и Германия — классическую культуру Рима¹⁸. Или же, как пишет японский ученый Цуда Норитакэ, «Китай был для Японии тем же, чем Афины для Рима»¹⁹. Из Китая в Японию попали мощные, с огромным цивилизационным потенциалом, уже упоминавшиеся культурно-мировоззренческие системы.

Основы японской ментальности и мировосприятия заложены религиозно-этическими учениями. При этом религии воспринимаются японцами больше как некие этико-эстетические категории, чем философско-мировоззренческие концепции. Это определяет отсутствие у японцев религиозного фанатизма, а сама религия не становилась инструментом государственного управления массами. Единственным исключением составляет период реакции накануне и во время второй мировой войны, когда синтоизм был возведен в ранг государственной религии. Но и этот эпизод в японской истории был культурно-психологической аномалией или искусственной структурой, которой правящая элита воспользовалась для идеологического обслуживания тоталитарного государства. Не случайно, что часть синтоистских сект и школ встали в резкую оппозицию этому.

¹⁶ Мещеряков А. Н. Цит. соч., с. 3.

¹⁷ Noritake Tsuda. Цит. соч., с. 37.

¹⁸ Gerstel C. A. The Concept of Tragedy in Japanese Drama. Japan Review, 1990, № 1, с. 51.

¹⁹ Noritake Tsuda. Цит. соч., с. 27.

Подобным отношением к религии можно объяснить ту легкость, с которой разные религиозно-этические учения в Японии не только мирно сосуществовали, а вполне органично дополняли друг друга в национальном сознании. При этом их взаимное проникновение происходило не на идейной, а духовно-эстетической основе. Западный исследователь Сэнсом отмечает, в частности, что *дзэн* заимствовал у конфуцианства не столько его идеи, сколько риторику и цветистость, то есть эстетическую выразительность²⁰.

Не случайно религиозные учения воплощались в литературной форме, в которой эстетическое, художественное начало преобладало над религиозно-философским в большей мере, чем в европейских религиозных памятниках. Пример — Кодзики — первый памятник японской художественности, по выражению академика Н.И. Конрада²¹.

Культуролог Като Сюити, отмечая огромную роль литературы и изобразительного искусства в японской культуре, подчеркивает: «Во все времена своей истории японцы предпочитали выражать свои мысли не столько в абстрактных философских системах, сколько в конкретных литературных произведениях». При этом он эмоционально добавляет, что в знаменитой антологии стихов Мангёсю идеи и мировоззрение японцев периода Нара получили более четкое отражение чем во всех трудах буддийских ученых того же периода вместе взятых. В утонченной литературе хэйанской эпохи, золотого периода японской культуры, нельзя найти какой-то глубокой (философской) системы. Во всей японской истории, продолжает он, можно заметить только два исключения: буддизм периода Камакура и конфуцианство эпохи Токугава. В частности, он называет имена буддийских мыслителей периода Камакура — Хонэн и Догэн, чьи работы были достаточно оригинальными, а также конфуцианистов Ито Дзинсай и Огю Сорай в период Эдо. Но при этом эти философские достижения не были подхвачены другими учеными и не получили своего дальнейшего развития²².

При этом Като Сюити категорично заявляет, что «очевидной особенностью японской культуры было чуждение логики, абстракций и систематизаций и предпочтение чувствам, конкретике и бессистемности». Этим он, в частности, объясняет то, что в японской культуре наибольшее развитие получили литература, живопись, скульптура и народное ремесло, а не музыка, например, которая, по его мнению, является абстрактным искусством. Разумеется, и в музыке у японцев были свои достижения: к театру Но в эпоху Муромати и к драмам Дзёрури в период Эдо. Однако они никогда не достигали тех вершин, которые были в живописи²³.

Эти рассуждения достаточно любопытны и показательны. Однако они, как кажется, нуждаются в уточнении. Речь очевидно идет не о

²⁰ Там же, с. 43-44.

²¹ Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1977, с. 429.

²² Shuichi Kato. A History of Japanese Literature. Tokyo, 1981, c. 1, 2.

²³ Там же.

неспособности японцев мыслить абстрактно или системно (вся их социальная организация в разные эпохи, инженерный склад ума говорят об обратном). Та же живопись при всей ее конкретности, в том числе в упомянутые периоды, носила оттенок условности. Здесь видно явное внешнее противоречие между пристрастием к конкретике (чисто логическому) и эмоциональным восприятием мира. Для японцев ощущение или эмоциональная реакция на тот или иной объект или явление чаще важнее ценности их рациональных объяснений. Логика, лишенная чувственной эмоциональной окраски, может вызвать у них любопытство, но не страсть.

Наверное, именно импрессионистичностью японской гравюры можно объяснить ее влияние в конце прошлого века на отцов европейского импрессионизма. Известен их огромный интерес к ней, в частности Ван Гога, страстного любителя и коллекционера японской живописи. По мнению одного русского критика конца прошлого века, «по силе импульса влияние японского искусства на современный стиль можно сравнить только с тем направлением, которое возникло в искусстве эпохи возрождения благодаря влиянию древнегреческого искусства»²⁴.

Способность японской культуры воспринимать рациональное или доктринальное через эстетику или в неразрывной связи с ней подчеркивал в несколько афористической манере Рабиндранат Тагор. Как свидетельствует российский японовед Т.П. Григорьева, он удивлялся тому, как японцы «развили такое свойство зрения, когда Истину видят в Красоте, а Красоту в Истине»²⁵.

Художественное эстетическое начало религиозности определило, вероятно, и высокую степень веротерпимости японцев, а также существенную дистанцию между религией и государством. Для многих в Европе и США до сих пор остается загадкой, как премьер-министрами Японии становились лица, исповедавшие христианство. «Христианскими» премьер-министрами были Катаяма Тэцу (1947 г.), Охира Масаёси (1978-1980) и Кайфу Тосики (1990-1992). Их христианство не вызывало никаких политических и моральных проблем. Никогда это не воспринималось как кризис национальной и культурной самобытности.

Решающее воздействие на формирование японской культуры оказал буддизм. Его влияние и на современных японцев глубоко и органично. Первое проникновение в Японию буддизма из Китая через Корею ученые относят к середине VI века. Как утверждает большинство источников, это произошло в 552 году, когда правитель корейского царства Пэкчэ (по-японски Кudara) прислал японскому императору предметы буддийского культа.

²⁴ Цит. по: Воронова Беата. Предисловие к каталогу выставки «Японская гравюра укиёэ в свете творчества Ван Гога». Москва, 1995.

²⁵ Григорьева Т. Красотой Японии рожденной. М., 1993, с.16.

Внедрение новой религии было не вполне мирным, но все же в духе компромисса, который по сути стал основным методом решения всех культурно-исторических коллизий. Император Киммэй после первого знакомства с буддистской доктриной стал склоняться в пользу ее принятия. Но процесс был заторможен возникшим противоречием между двумя ведущими кланами — Сога и Мононобэ. Первый выступил энергично в пользу буддизма. Второй возражал, опасаясь, что внедрение учения с новой системой ценностей может разрушить всю прежнюю духовно-культурную основу, на которой покоилось государство.

В чисто японском духе император Киммэй принял компромиссное решение, разрешив клану Сога персонально исполнять буддийские культовые обряды. Это был социальный эксперимент, правильность которого доказало время. Именно оно выявило силу и социальную эффективность буддизма. Клан Мононобэ потерпел поражение, его глава был убит, а вместе с ним исчез и очаг активного антибуддийского сопротивления. Однако внедрение этой религии не шло по пути насильственной индокринизации. Выбран был другой путь — активного приспособления к традиционному мышлению и системе ценностей, основанных на пантеистических верованиях японцев. Эту великую задачу решил принц Сётоку, выдающийся деятель древней Японии.

Проникновению буддизма в решающей степени помог исключительно высокий и развитый культурный компонент этого учения и его социальная прогрессивность. Это подтверждает крупный знаток дзэн-буддизма Д.Судзуки, считающий, что внедрение буддизма японской политической элитой в VI веке было связано с ее стремлением «создать институт, который способствовал бы культурному развитию и политической консолидации»²⁶.

Не следует забывать, что это учение было своеобразным посредником, «медиумом» в проникновении в Японию культурных и цивилизационных элементов из значительно более развитого Китая. Главной средой, в которой происходил «импорт» китайской цивилизации, были культура в широком смысле и искусство, в частности.

Влияние буддизма было обусловлено не только и даже не столько его мировоззренческой философией, сколько эстетикой. Благодаря ему особому расцвету получила живопись, скульптура и архитектура. Это был гигантский шаг вперед по сравнению с прошлым. Культурно-цивилизационное значение буддизма заключалось и в том, что он был ориентирован на широкие массы. Его социальная направленность была очевидной и весьма ценной для политической элиты Японии того периода.

Но японцы были бы не японцами, если бы лишь как примерные ученики усвоили бы новую культуру. Их восприятие этой религии было активным по своей сути, отношение к ней — пытливым и проникновенным. В результате, они оказались более восприимчивы, в

²⁶ D.Suzuki. Zen and Japanese Culture. Tokyo, 1991, с.217.

частности, к дзэн-буддизму, к его эстетике, чем китайцы. Д. Судзуки пишет о том, что монахи буддийской секты Дзэн в эпоху Камакура в XIII веке, часто путешествовавшие между Японией и Китаем привозили шедевры живописи из южных провинций империи Сун. Она нашла своих горячих поклонников, ряд ее произведений и ныне входит в разряд национальных сокровищ страны, в то время как в Китае ее образцы сегодня трудно найти и идентифицировать²⁷.

Вместе с тем дзэн-буддизм испытал огромное влияние собственно японской культурной традиции, приобретя более законченные формы и социальную направленность. Примером могут служить такие эстетические категории как *ваби* и *саби*. Они сыграли большую роль в формировании социально-психологического комплекса японцев, их системы ценностей. Категория *ваби* как принцип эстетики скромности и умения довольствоваться малым несомненно оказала влияние на поведенческие нормы японцев.

Эстетика «бедности» возникла и утвердилась в Японии в силу объективных условий, в которых находилась страна и нация. Скудость природных ресурсов диктовала необходимость формирования таких норм, которые не только бы примиряли с бедностью, но и придавали ей некое очарование и привлекательность. Это в корне отличало японскую эстетическую систему от западной, где богатство форм и роскошь, буйство фантазии, многоцветие, пышность и яркость были и в значительной мере остаются ее позитивными элементами.

Следует отметить, что категория *ваби* повлияла не только на эстетические нормы, но и на интеллектуальную сферу, в которой стал цениться тот же скромный подход, созвучие с японской природой, в которой существует гармония форм, «неаффектированная простота», по выражению того же Д. Судзуки²⁸.

Простота и скромность в конечном счете в социальной и экономической сфере воплотились в категорию «экономности», в умение достигать рациональных целей за счет наименьших затрат. Скромность или, точнее, разумная сдержанность, как этико-эстетическая норма, имела экономический и социальный выход: сравнительно низкая норма личного потребления и высокая норма накоплений играли в японской экономике всегда очень важную роль, особенно в период быстрых темпов экономического роста с середины 50-х по середину 70-х годов двадцатого столетия.

Дзэн-буддизм, как учение — не столько рационалистически философское, сколько интуитивно-эстетическое и этическое, оказало влияние на такой социальный институт как самурайство. Причем идея насилия или вооруженной борьбы и все другие атрибуты самурайской идеологии не могли иметь корни в буддизме, поскольку Учение о Будде само по себе отрицает насилие. Но в Японии сработал эффект гибкого подхода, когда для социально-политических нужд применяется се-

²⁷ D. Suzuki. Цит. соч., с. 21.

²⁸ Там же, с. 23.

лективный метод: из философско-эстетического учения выбираются те элементы, которые необходимы в данный момент. Дзэн-буддизм дал самурайской идеологии идею о воле, как главной человеческой и социальной добродетели²⁹.

Формирование нынешнего японского социума с его культурно-психологическими особенностями было бы невозможным без конфуцианства. Обычно считается, что оно послужило основой этических норм поведения, иерархии социальных отношений и др. Большинство исследователей особенно подчеркивает влияние конфуцианства на военное сословие в средние века³⁰. Но это справедливо, если говорить о конфуцианстве только как об идеологическом и политическом институте. Характерно, что в Японии нет конфуцианства в его чистом виде, как оно существует, скажем в Корее. Воспринимая это учение, японцы, как это было и с буддизмом, пропустили его через свое культурное «сито».

Интересно, что они усвоили не только рациональные, но и эстетические «зерна» этого учения великого китайского философа. В конфуцианстве и российские исследователи находят некий синтез рационального с иррациональным, мистическим и чувственным. И.И.Семененко отмечает: «слово Конфуция отличается двойственностью, двуплановостью, ибо, с одной стороны, оно характеризуется рационально-логически, а с другой — оказывается проникнутым иррационально-мистическими интонациям. Однако этот иррациональный аспект отнюдь не является простым отрицанием рационального. Противостоя ему, он вместе с тем составляет его высший и сокровенный смысл. Мистический мифологизм становится как бы «душой» всех рационалистических заявок «Изречений»³¹.

Это учение в Японии приняло оригинальную форму квазирелигиозной ритуальности. Основой конфуцианского храма является школа по изучению идей великого философа. Наиболее известной является такая школа в маленьком городе Асикага. Здесь же сохранилась самая старая в стране (16 век) деревянная скульптура сидящего Конфуция. Подобных храмов немного, и они не очень известны широкой публике. Мало кто из токийцев, например, знает, что рядом с оживленным кварталом Акихабара в уютном уголке расположился конфуцианский храм Юсима Сэйдо со школой. В нем скульптура Конфуция уже в традиционном виде, в котором его, в частности, можно лицезреть и в китайском квартале Нью-Йорка.

Влияние западной цивилизации на формирование японской культуры по значению вполне сравнимо с китайским. Более того, с ее проникновением Япония освободилась от монополизма Китая в духовной сфере. Особенно это сказалось на литературных произведениях, большей частью писавшихся в средние века по-китайски и в китайской

²⁹ Там же, с.61.

³⁰ Noritake Tsuda. Цит. соч., с.165-166.

³¹ Цит. по: Переломов Л.С. Конфуций. Жизнь, учение, судьба. М., 1993, с.175-176.

художественной традиции. Японоязычная литература оставалась как бы на задворках в роли падчерицы, но с проникновением западной культуры, с начала эпохи Эдо, она быстро завоевала передовые позиции и стала полностью доминировать³².

Отношение Японии к Западу в принципе отличалось от китайского. Ее культура не пыталась, как это было в Китае, отторгнуть от себя западную цивилизацию ни в конце 16 века, ни тем более после революции Мэйдзи в силу органически присущей ей способности воспринимать все наиболее эффективное и полезное. Этому помогло и то, что в течение всего своего существования она училась у других и не пыталась учить других.

Китайская культура традиционно считала европейскую более низкой и «варварской» по сути. Когда первый португалец появился на острове Танэгасима в сопровождении китайца, тот представил его как «варвара», темного и некультурного. Реакция же японцев была совершенно иной. Их внимание привлекло огнестрельное оружие португальца, которое они оценили как свидетельство прямо противоположного — высокого уровня развития техники³³.

Этот «технизм» японцев, по выражению Окада Сусуму, остался навсегда наиболее отличительной чертой японской культуры, решающим фактором, определившим ее отношение к Западу. Сегодня Япония пытается внести свой вклад в развитие фундаментальной научной мысли и добилась в этом больших результатов, однако до сих пор преобладание западной технической мысли остается заметным.

Принято считать, что христианство так и не смогло привиться на японской почве и поэтому не оказало существенного влияния на японскую культуру. Это и так и не так. Как культурный фактор, христианство или западная культура в целом оказали заметное воздействие на японскую. Как идеология или мировоззрение, христианство, действительно, в сознании японцев не укоренилось. Оно не стало национальной религией, а его ценности мало сказались на менталитете. Для этого были серьезные основания как исторического, так и психологического плана.

Сознательная самоизоляция Японии в начале 17 века и активное гонение на христиан послужили главной причиной того, что эта религия, несмотря на усилия миссионеров, так и не смогла добиться успехов. Литературовед Дональд Кин отмечал определенную ограниченность влияния европейской культуры, в частности на японскую литературу, и объяснял это в первую очередь политическими мотивами. По его мнению, лидеры страны усматривали в ней угрозу идейному единству, без которого невозможно было объединение Японии. Эта причина была и в основе политики самоизоляции. Поэтому, считает Д.Кин, Японии не удалось уже тогда примкнуть к европоцентристской мировой цивилизации³⁴.

³² Kyozaaburo Domeki. Japanese Culture, «About Japan». Series. Foreign Press Center of Japan. June 1979, c.15.

³³ Окада Сусуму. Нихондзин-но имэдзи кодзо (Структура имиджа японца). Токио, 1972, с.165.

³⁴ Keen D. Цит. соч., с.41.

Но он же отмечает и другие, на мой взгляд, более существенные причины, почему это произошло, в частности, боязнь, что вслед за христианством в страну придут колонизаторы, как это случилось с соседними Филиппинами. Кроме того, правители Японии опасались, что обращенные в христианскую веру генералы могут пожертвовать интересами страны и государства во имя своей веры.

Но были и «неполитические», культурно-психологические факторы, которые не дали христианству возможности глубоко проникнуть в японский социум, — неприятие основных философских и этических постулатов христианской религии. Японцы понимали и даже с уважением относились к ним, но не могли сделать своим национальным.

Известный католический писатель Эндо Сюсаку в одном из своих философских произведений, посвященных сравнительному анализу христианской монотеистической традиции и японской пантеистической, признавал, что чем больше японский католик приобретает к этой вере, тем ярвственней ощущает в себе зов крови потомка «богов», и чтобы стать истинным христианином, верующим в единого бога, ему приходится гасить в себе этот «генетический» пантеизм³⁵.

Но следует отметить еще одну, с моей точки зрения, причину. Дело в том, что именно в Японии первые христианские миссионеры столкнулись с чрезвычайно поразившим их фактором — высокой развитостью и глубиной философии и ритуальности укоренившихся в Японии буддистских сект. Когда иезуитский миссионер Фрэнсис Ксавье впервые попал на медитацию членов секты *дзэн*, он понял, что в их лице христианское миссионерство встретит мощную духовную конкуренцию³⁶.

По свидетельству Д. Кина, взамен христианства насаждались конфуцианские идеи, проповедавшие строгую социальную иерархию. Но с течением времени христианство, особенно после революции Мэйдзи, постепенно заняло свою нишу в японском обществе. Произошла его определенная трансформация и приспособление к японским условиям. Теперь христианство мирно уживается и даже взаимодействует с другими религиями³⁷.

Культурно-психологический генотип японцев

На культурно-психологические характеристики японского социума большое влияние оказывает национальная однородность. Окада Сусуму, пытаясь определить, что же такое «японец», писал: «Для японца начало всех начал не в технике, не в идеологии и не в культуре, а в простом факте, что он прежде всего японец и ни что

³⁵ Приводится по: Аидзава Сидзуо. Цит. соч., с.201.

³⁶ Sansom G.B. Цит. соч., с.117.

³⁷ См.: Сугии Рокуро. Киндай нихон сьякай то кирисутोकё (Современное японское общество и христианство). Токио, 1989.

инше... ... успокоение его души в том, что он принадлежит единому народу, живущему в окружении моря, говорящему на одном языке, имеющему единые обычаи и общую жизнь, и при этом он самостоятельно с помощью самоконтроля при необходимости вбирает в себя чужое, и при необходимости это чужое отвергает»³⁸.

В прошлом национальное, и следовательно культурно-психологическое единство японцев обеспечивалось относительной их изоляцией, их сознательными и самоконтролирующими действиями по ограничению проникновения в страну чужого. Особое внимание уделялось регулированию притока иностранцев. Причем, чаще для этого не было необходимости принимать какие-то административные меры. Чужестранцы в силу чисто психологических причин не были способны раствориться в японском обществе или стать его органической частью и потому предпочитали уезжать из Японии. Таковой была участь практически всех европейских эмиграций до последнего времени, особенно двух русских потоков — после революции и второй мировой войны.

Традиционно неприятие иммиграции в Японии носило характер скорее не расовых, а культурных предубеждений, опасений, что она может испортить качество японского общества, привести в расстройство его культурно-психологическую целостность. Именно этим объясняет А.Н.Мещеряков противодействие иммиграции в Японию в VI-VIII веках из Китая и Кореи. Иммигранты, представляя низшие или средние слои в своих обществах, пытались сразу же внедриться в японскую элиту, фальсифицируя свое происхождение, доказывая, что они ведут свой род от императоров и богов. Это, естественно, приводило к дестабилизации общества³⁹.

Японский социум в настоящее время находится в мучительных поисках оптимального соотношения между необходимостью сохранения национальной однородности и неизбежностью увеличения числа иностранцев, постоянно проживающих в стране. При этом нынешняя иммиграция — совершенно другого порядка, в ней все больше преобладают азиаты, представители близкой японцам культуры восточноазиатского типа. Пока японской культуре удастся успешно переваривать новый человеческий материал, однако со временем число иностранцев может достичь критической массы.

Наиболее сильную специфику в культурно-психологической традиции японцев можно отметить в их представлениях об отношениях личности и общества. До появления буддизма роль личности в Японии была явно в тени. Именно ему японцы обязаны возрастанием внимания к индивидууму. А.Н.Мещеряков отмечает, что в начале своего распространения это учение воспринимается как «защитник отдельной личности» и лишь позднее стало религией государственного строительства⁴⁰. Вместе с тем, соотношение интересов личности и коллектива — общества здесь явно в пользу последнего.

³⁸ Окада Сусуму. Цит. соч., с.172-173.

³⁹ Мещеряков А.Н. Цит. соч., с.47.

⁴⁰ Мещеряков А.Н. Цит. соч., с.28.

Западная традиция современных обществ связана с их акцентом на личность (на этом основываются теории западного индивидуализма), на ее потенциал, социальную роль и ответственность. Этот фактор — основа западноевропейской демократии, строящейся с упором на права человека. Демократия зиждется на балансе двух категорий — свободы и ответственности. Эффективность функционирования общества, в конечном счете, связана с организацией форм социальной ответственности. В европейской традиции она возлагается, как правило, на личность. Поэтому ей и предоставляется свобода.

Восточная, и японская в том числе, традиция иная. Здесь в социальных системах и процессах, как уже отмечалось, ответственность возлагается на коллектив. В японском понимании она предполагает скорее ответственность личности перед коллективом, чем перед обществом в целом. В политической практике Японии известен прием «взятия на себя ответственности» и уход в отставку за какой-то проступок. Но это как раз и есть акт личного самопожертвования во имя интересов группы.

Свободы личности в европейском понимании здесь также не существует. Причина скорее всего в том, что феодальная структура обществ на Востоке сохранялась исторически дольше. В такой структуре человек уже при рождении, вне зависимости от социального положения, не был свободным. Его жизнь была запрограммирована социальной схемой.

В Японии в силу ее специфики — жестких природных и ресурсных условий, трудоемкого сельскохозяйственного производства — личность была всегда слабее группы, коллектива. Социальная эффективность не могла бы быть достигнута за счет полной свободы отдельной личности. А сама она даже этого и не добивалась, поскольку осознавала непродуктивность подобных действий. Более того, только опора на коллектив, на его возможности давало личности шанс на выживание и процветание. По некоторым оценкам, это обусловлено культурой выращивания риса. При поливном рисоводстве, в частности, огромное значение имеет равное распределение воды по всем полям. Сама ирригационная система предполагает коллективное сотрудничество, высокие моральные стандарты, способности отдавать свое на благо остальных.

Коллективизм или группизм как основа социальной организации постепенно подтачивается реалиями новой структуры производства и функционирования экономики. Но тем не менее остается достаточно сильным генетически. По опросу журнала «Экономисутто», проведенному в 1992 г., японцы ценят свободу личности в два раза меньше, чем американцы и англичане⁴¹. Даже те, кто покинул родину, признают именно социальную ориентированность личности главной или основополагающей чертой японской культуры. Профессор Гавайского университета Такиэ Сугияма Лебра считает ее «социокультурной», а

⁴¹ См.: Coulmas F. Responsibility Allocation and Networks in Japanese Society. Japan Quarterly, April-June, 1993, c.128.

моральное поведение японцев, по ее мнению, регулируется высокочувствительным радаром, встроенным в каждого из них⁴².

Однако это вовсе не свидетельствует о какой-то ущербности японского национального сознания, его прирожденной недемократичности. Это добровольный и вполне осознанный отказ от части своей личной свободы в пользу интересов группы и общества в целом во имя социальной эффективности и социальной пользы, которая обеспечивается в большей и лучшей мере интересы и личности.

В христианстве не существует традиции ощущения человеком себя Христом или богом. В буддийской — характерной особенностью медитаций является такое самоуглубление, при котором молящийся начинает ощущать себя божеством, Буддой, растворяя при этом свое «я» во всемобщем, в универсуме.

В японской эстетике этот образ личности, сливающейся с всеобщим, с богом, довольно распространен. Японский психолог Аидзава Сидзуо приводит пример, когда душа Ямато Такэру из Тикамацу «превращается» в лебедя и растворяется в природе. А по версии одного из крупнейших японских культурологов, директора Международного центра по изучению японской культуры в Киото Умэжара Такэси, образы птиц и бабочек в элегических песнях Манъёсю есть не что иное как души умерших, которые возвращаются в лоно природы⁴³.

Согласно буддийской культурной и мировоззренческой традиции, личность — это микрокосм. Он воплощает в миниатюре всю полноту и сложность мироздания, космоса. Поэтому он многогранен и многоаспектен и в социальном плане.

Как отмечает один из авторов сборника «Японская культура и поведение», японское общество отличается поразительно гибким или снисходительным отношением к отдельным антисоциальным поступкам личности. Если конкретный индивид обладает определенными социально полезными и ценными качествами, то оно склонно прощать ему проступки в одной сфере и допускает его к деятельности в других⁴⁴.

Культурное единство японского народа стало основой идейно-психологического конформизма и единства поведенческих норм, особенно в критических ситуациях. В японской истории можно найти немало примеров как принадлежности одной культуре, а через нее — одним социо-психологическим ценностям, примиряла смертельных противников, смягчала поведение победителя в отношении побежденного. Типичной является история о Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин (средние века), получившая воплощение во многих произведениях искусства. Наиболее знаменитой является киноверсия «Воин-двойник» («Кагэмуся»), созданная А.Куросавой. Социально-психологический феномен этой истории в том, что и побежденный (Такэда

⁴² Takie Sugiyama Lebra. Compensative Justice and Moral Investment among Japanese, Chinese, and Koreans; in Japanese Culture and Behavior..., с.43.

⁴³ Аидзава Сидзуо. Цит. соч., с.203.

⁴⁴ Eichiro Ishida. A Culture of Love and Hate, in: Japanese Culture and Behavior..., с.40.

Сингэн) и победитель (Уэсуги Кэнсин) были приверженцами буддизма и оба проповедовали одни и те же этические нормы. Это и определило столь необычное поведение обоих: смертельные противники не уничтожили друг друга.

Иными словами, неизбежные в любом социуме и в то же время необходимые для его поступательного развития противоречия сглаживаются или, точнее, гармонизируются культурной общностью народа, его приверженностью ей, а также значительной ролью культуры в формировании и эволюции этого общества.

Психологическое единство, сформировавшееся на культурной почве, стало главной причиной отсутствия в японской истории разрушительных явлений подобных социальным революциям. Борьба шла между отдельными кланами и группами интересов. Победа одних над другими не приводила к разрушению культурных и цивилизационных ценностей. Гибель храмов в некоторых случаях была связана отнюдь не с желанием искоренить культовые сооружения противника. Они разрушались в основном как фортификационные сооружения, как крепости, или в результате пожаров.

Структура японского государства, механизм власти и его восприятие японцами восходит также к этико-эстетическим воззрениям японцев о том, как должен строиться этот механизм, к традиционной системе социальных ценностей. Это — восприятие государства как некой целостности, обладающей тремя «добродетелями»: гармонией, разумной организацией и социальной эффективностью, что в целом обеспечивает стабильность.

По своей социальной сути стабильность — это критически важное качество для страны, уязвимой для внешних катаклизмов и не обладающей для противодействия им достаточными внутренними ресурсами, кроме психологических. Стремлением японцев к стабильности, устойчивости всех социальных и психологических структур часто определял как консерватизм, что в значительной мере не соответствует действительности. Это — европейское клише, перенесенное на японскую почву без необходимости учета специфики культурной традиции. Конструктивный или «здоровый» консерватизм японцев отличается от европейского или классического. И объясняется это традиционными этико-эстетическими нормами. Здесь нет четкой грани между консерватизмом и радикализмом. В культурной «мембранной» системе — это два полюса, между которыми находится множество вариантов, выбор которых зависит от конкретной социальной задачи.

Но психологически консерватизм связан скорее с отношениями в буддийской философской системе к окружающему миру. В ней значительно больше, чем в западной, готовности принимать мир таким как он есть и не пытаться его изменить в корне. Отсюда — большая терпимость к бедам и невзгодам, способность философски воспринимать горе, не сетовать на жизнь, а стараться выдержать ее испытания.

Как отмечает один из западных исследователей, Флориан Кулмас, в философии буддизма в отличие от христианства и более поздних учений времен английской или французской революций, а затем марксизма, нет каких-то абсолютно непреходящих истин. В ней нет утопических идей об улучшении мира или создании идеального общества, лучшего чем то, что есть. С точки зрения японской традиционной системы ценностей, существующий мир и общество в его последовательном развитии — есть высший идеал, поэтому главное — поддержание устойчивого социального порядка. Однако эта устойчивость не статична. Так как общество не связано ни с какими идеалистическими догмами и доктринами, оно легко меняется и приспосабливается (адаптируется) к изменению внешней среды. Поэтому японское общество является консервативным и инновационным одновременно⁴⁵. В японской культурной традиции нет противопоставления плоти и духа как двух враждующих начал, что превалирует в христианской догматике и нашло, по мнению Аидзава Сидзуо, свое наилучшее воплощение в эстетике и философии Толстого и Достоевского («Крейцерова соната» и «Братья Карамазовы»). В эстетике же классика японской литературе Тикамацу Мондзаэмона, писавшего в жанре *синдзюмоно* (мелодраматическая пьеса в традиционном театре о самоубийстве влюбленных), тело и душа соединены воедино⁴⁶.

Возможно этим объясняется и иное отношение японцев к жизни и смерти. Буддийская традиция не имеет представлений о рае и аде, все, кто умирает, переходят в один и тот же мир. Иное отношение и к самоубийству, считающемуся, по христианской традиции, преступлением и грехом. В пантеистической философии, оно — не нарушение святости рождения. В Японии и ныне достаточно часто практикуется самоубийство влюбленных по согласию (*синдзю*) или самоубийство родителей и детей (*ояко синдзю*) или даже семейное самоубийство (*икка синдзю*).

В определенной степени это связано с особой структурой мышления японцев как представителей культуры восточного типа. Она основывается на интуитивности, в то время как у представителей западной — на логике и дискурсивности⁴⁷.

Ту же разницу в образе мышления японцев, но уже с китайцами, на основе сравнительного анализа классической литературы, находит Джон Пелцер, один из авторов сборника «Культура и поведение японцев». Он отмечает, что китайская литература «как рационалистична, интеллектуализирована, так и нравоучительна». Ею движет желание умозрительного познания мироздания, сугубо земное, прагматическое стремление понять роль человека в нем. Ее, кроме моральных аспектов, мало волнуют нюансы человеческой природы.

⁴⁵ Coulmas F. Цит. соч., с.128.

⁴⁶ Takle Sugiyama Lebra. Цит. соч., с.43.

⁴⁷ D.Suzuki. Цит. соч., с.219.

В отличие от нее японская концептуальная литература берет начало от памятников, полных поэзии, художественного вымысла и драмы. В ней познание мира происходит скорее через «интуицию, воображение, нежели разум»⁴⁸. Произведения искусства не только интерпретируют или иллюстрируют сюжеты и мистику религиозной философии, но сами становятся воплощением божественного начала, более того, они проникают в суть божественного.

Для японцев, таким образом, искусство было продолжением религиозной философии, ее эстетическим развитием. Каждое искусство, подчеркивает Д. Судзуки, имеет свое собственное волшебство и свой собственный «божественный пульс», или *мэ* по-японски. При этом художником может стать только тот, кто их ощутил.

Посвящая большое исследование сходству великолепной поэзии *хайку* с философией *дзэн*, Д. Судзуки отмечал, что в ней, как и в философии *дзэн*, логическая схема идеи — не главное. Ценно другое — раскрытие идеи через чувство, через острое эмоциональное ощущение. *Хайку*, пишет он, не выражает какую-то идею, а скорее выдвигает на первый план образы, отражающие интуитивные ощущения⁴⁹. В то же время Д. Судзуки считает, что интуитивная структура мышления имеет свои очевидные слабости и неоспоримые преимущества, особенно в тех случаях, когда речь идет о религиозном, метафизическом и эстетическом восприятии мира⁵⁰.

Наибольшее воплощение идея интуитивного восприятия мира японцами получила в категории *сатори*. Таки образом происходит некое ее противопоставление европейскому логосу. На самом деле эти две категории вряд ли взаимоисключаемы. *Сатори*, или интуитивный уровень познания мира, отличается от логического не принципиально иной конструкцией мышления, а иным культурно-психологическим компонентом. Он представляет другую этико-эстетическую систему ценностей или иную окрашенность подхода к процессу познания. Интуитивность в данном случае, как справедливо отмечает Д. Судзуки, точнее можно определить как чувственность или эмоциональность восприятия. Так или иначе, их уровень в японской системе ценностей весьма существенен. Он в значительной мере определяет и характерные особенности социальных отношений и коммуникационных систем, и в политической, и экономической, и духовной сферах.

С этой точки зрения, *сатори* — категория не столько логическая, сколько эстетическая, то есть построенная на доминировании чувственного начала. *Сатори* как элемент буддийского мировосприятия основывается в значительной мере на окрашивании окружающего мира в мистические тона с высокой степенью поэтичности и художественной мистики. Это обстоятельство само по себе и определило глубокую связь религиозного и культурно-эстетического компонента в формировании японского феномена.

⁴⁸ Pelzer J. C. Цит. соч., с. 8.

⁴⁹ D. Suzuki. Цит. соч., с. 240.

⁵⁰ Там же, с. 219.

Согласно буддийской философии, нельзя стать полноценной личностью не пройдя большой путь самосовершенствования и ощущения *сатори*. Буддизм признает, что гением можно только родиться, а не сделаться. «Гений» заложен в каждом человеке, задача только в том, чтобы его пробудить. И в этом — предназначение *сатори*⁵¹. Другими словами, чтобы стать великим мастером, необходимо, даже весьма одаренному человеку, пройти через суровые круги самосовершенствования, епитимьи, как это звучало бы в христианской догматике.

Эти идеи, разумеется, открыты не в Японии, и, возможно, даже не в Китае. Они широко распространены и в европейской культурной традиции. Но в Японии они получили свое социальное развитие, канонизировались в виде культурно-психологических норм общества. И причина этого, — отнюдь не в какой-то исключительности народа и нации. Для этого были важные объективные предпосылки.

Социальная результативность подобной философии очевидна. Она предполагает трудолюбие и упорное самосовершенствование как самостоятельные ценности. Это идея одинаковой ценности каждого, а следовательно его социального значения и равенства.

* * *

Несмотря на все гигантские сдвиги в образе жизни современного японца, урбанизацию, интернационализацию, информатизацию и прочее, культурный фактор не снижает своего значения. Скорее происходит обратное — возрастает тяга к культуре, как «кислороду», который должен питать поры общества, находящегося под сильным стрессом всех современных вызовов.

В одной из редакционных статей «Иомиури» писала о резком росте интереса японцев к культуре в последние годы. Пройдя после войны через массовое стремление к материальному благополучию, японцы все больше начинают отдавать предпочтение образу жизни с большей «культурной» начинкой, духовностью и эстетическими наслаждениями⁵².

Можно выделить два стратегических направления усилий общества и государства в этой сфере. Первое — сохранение культурного прошлого, пропаганда его и придание ему актуального социального значения. Второе — поиски новых форм использования культурных факторов для стимулирования роста социальной эффективности всех внутренних структур. Эти идеи нашли отражение в лозунге бывшего премьер-министра Такэсита Нобору — построение «государства культуры», что и до сих пор является излюбленным мотивом высказываний ведущих политиков страны.

⁵¹ Там же, с. 222.

⁵² Иомиури симбун, 3.11.1995.

Первое направление имеет явно приоритетное значение. Государством проводится ясная и последовательная политика в этой сфере. Все культурные объекты классифицируются по группам в соответствии со своим историческим значением. Наивысшая — предметы культуры, относящиеся к разряду *хокухо* — национальное сокровище (по всей стране их 1042). Вторая группа — «важное культурное достояние» (11907)⁵³.

Япония — единственная страна в мире, где человек, художник, актер, деятель культуры может быть объявлен «национальным сокровищем». Это звание недавно впервые в японской истории было присвоено известному исполнителю *ракуго* (анекдотов бытового характера) Янагия Косан⁵⁴.

Вопрос о перспективах развития культурно-психологического фактора в современном обществе имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Сохранит ли Япония свою уникальную специфичность, или быстрыми темпами начнет растворяться в некоей глобальной культурной и цивилизационной системе, основанной на европейской модели? От ответа на этот вопрос зависит будущее самой Японии и ее отношений с остальным миром.

Интернационализация экономик — факт непреложный и объективный по своей сути. Национальные культурно-психологические структуры, как правило, не только более консервативны. Они активно стремятся сохранить себя, а в ряде случаев — даже с изрядной долей агрессивности. Это — своеобразная реакция на процесс интернационализации, который грубо и болезненно вторгается в культурно-психологическую сферу. Поэтому суть мировых процессов, происходящих в последние два десятилетия, — это развитие двух мощных тенденций, диалектически единых и противоположных — экономической интеграции и национально-культурной диверсификации.

С одной стороны, это — экономическая и политическая интеграция, интернационализация связей и формирование Глобального Рынка, расширения обмена товарами, идеями, людьми. А с другой, — это рост национализма, национального самосознания, усиление тенденций к самобытности, пестованию своей культуры, языка и др. В значительной мере этим объясняется взрыв межэтнических противоречий, которые были законсервированы в прошлую эпоху.

Для Японии развитие интернационализации — особенно тяжелое испытание, поскольку ее многие упрекают, и нередко справедливо, что она больше говорит об этом, чем делает. Но это не закрытость страны в буквальном смысле слова. Скорее мы имеем дело с работой того самого культурного «клапана», который регулирует доступ такого количества инокультурной информации и влияния, которое национальный организм способен переварить, не разрушая самого себя.

⁵³ Japan Almanac, 1996, Asahi shimbun, Tokyo 1986, с. 249.

⁵⁴ Asahi Evening News, 29.06.1995.

Японский опыт последних лет гармонизации своей культуры с остальным миром заслуживает самого пристального внимания. Страна являет одну из моделей сочетания национального и интернационального. Она пытается соединить в себе оба начала. Для нее это вопрос не только сохранения целостности национального самосознания, но и эффективности социальных и экономических структур.

В обозримом будущем, как это было и в прошлом, эволюция будет происходить по формуле «высокого» синтеза, путем органичного соединения традиционных черт с привносимыми извне и формирования на этой основе нового качества, которое будет по-прежнему национальным, то есть японским. Культурная «мембрана» будет функционировать как фильтр, поглощая и переваривая только то, что полезно, и отбрасывая то, что неэффективно или разрушительно. Но как показывает жизнь — решение этой задачи очень непросто даже для такой страны как Япония с высокой степенью эластичности внутренних структур.

SUMMARY

This book is a result of an comprehensive exploration of contemporary Japanese civilizational model. It is an attempt to understand the main features of Japanese "enigma" and try to find out the factors behind it. What are the social sources of the effectiveness, cohesiveness, solidity, flexibility, and capability to withstand the drastic changes in the outside world?

The attractiveness of the Japanese phenomena as an example of successful social functioning is obvious. An experience of creating a modern highly developed society based upon extensive exploration of the national identity may be very enstructive and helpful for other nations.

It has been observed once that Japan is an open society of the closed groups. This book is exploring the relationship within the groups finding that in the most of cases they are vertical. Though it does not mean that the Japanese society is still «semi-feudal». Anyway, the vertical structure does not hinder the democratic way of decision making embodied in a practice known as «nemawashi».

In many cases the relationship within a group is more dependent on the non-institutional socio-psychological traditions. That created a mystery of organizational power of Japanese society and its stability. The system of gradual and consistent growing up from the low rank to the higher one almost automatically (due to the tradition) provided the society with surprisingly high grade of social justice. But over the years this system may be changed or revised since all social structures are undergoing the period of transformation due to the new challenges of forthcoming post-industrial era. The loyalty of workers as a main factor of the growth should be replaced by the intellectual creativity and individuality. An increasing crisis of lifetime-employment system is one of the new elements in social life of current Japan.

One of the most important point of this book is to understand how can one evaluate the ideology of Japanese society, its perception of the national and the foreign. The complete and bitter defeat during the last war was mostly perceived as a crisis of national identity, as an evidence of its deficiencies. Consequently, it has forced society to reconsider its ideology and to find out the new ideological orientaton which could inherit the vital and still effective old traditional features with new ones. Democracy and openness on the macrolevel has been introduced into society not in a pure classical mode but as a synthetic blend and balance with traditional elements.

We were trying to explore whether Japanese society is transforming from the collective-oriented model to the European «pro-individual» type of organization. Despite of all dramatic changes in the values orientation especially among young generation, despite of the crisis of traditional «Ie» system, the collective-orientation as a social mode is still predominant. We are witnessing very profound and complex process. Responding to new challenges Japanese society tries to introduce in itself the values of «creative individuality» though at the same time it can not afford the

undermining of collective-oriented values since it could result in a loss of its efficiency and competitiveness.

However, this contradiction is superficial and would apparently be resolved by getting to a compromise between them — purely Japanese method of synthesis of confrontational elements. In the real social life of Japanese one can find all features — the old and new one. But in sum they constitute the coherent effective social body.

It is a common place that Japanese are conservative and do not like any drastic changes. This notion is prevailing in the Western studies. But it does not seem to be the case. As a matter of fact, the weakest point of an Western analysis is the implementing the Western-type methodology and instruments for measuring the Japanese phenomena. The assessment of Japanese conservatism is one of the best instances. Japanese conservatives are not of the same kind of European or American. It is a constant value of national character: to preserve the status-quo, not to let the situation to be destabilized, to avoid drastic developments which can shatter the fragile tiny «boat» overloaded with people drifting in stormy waters. All over the history of nation the notion of «survival» used to be the main national task. To achieve that, however, the nation must develop rapidly with high rate of dynamism. Though this dynamism has not been provided by drastic changes or revolutionary developments but by enhancing the original qualities of inner national structures through improvements and restructuring if required.

Indeed, Japan needs political and social reforms. And these reforms are in process. And symptomatically they are launched by conservatives not by radicals. However, the key point is that the clear ideological definition in Japanese society is not relevant.

The Japanese phenomena usually is associated with economic achievements of the country. Sometimes this is attributed only to the skillfulness of Japanese to make business. The close analysis of functioning of the Japanese economy proves that it is more social oriented than in other countries. In many cases, on different levels of decision making in economy the priority is given not to the gaining an ultimate profit but rather to the socio-economic efficiency. Of course, it is not because of particular generosity of Japanese businessmen. Simply because economic efficiency is deeply intertwined with social one.

Japanese phenomena can be assessed fully only in the case of understanding it as a history of a nation, in a context of the world history by comparing the Japanese way with others. As we tried to persuade in our book Japan is very specific. But at the same time it is more common. Dr. Huntington's article in «Foreign Affairs» stated that after the cold war the mankind is facing the new type of confrontation — a clash between different types of civilization. Are Japan and the United States, for instance, of the different civilizational types? And therefore, is economic and emotional row between them an evident of forthcoming era of confrontation?

The answer could be only negative. The mankind is experiencing a dramatic and controversial process of formation of a global civilization. That will melt all ever critical differences through the growing system of interdependence of different nations, intertwining of economies, and sharing common challenges.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	3
<i>Глава I. Факторы формирования современного общества ..</i>	8
Базовые компоненты становления общества	8
Модернизация общества	23
Трансформация социальных ориентиров	33 ✓
<i>Глава II. Японский тип общества</i>	45
Особенности формирования социальной структуры	45
Система социальных связей	57
Качество и уровень жизни	72
<i>Глава III. Японский тип государства</i>	84
Характерные черты государственности в исторической ретроспективе	84
Современный этап государственности и политического процесса	90
<i>Глава IV. Японский тип экономики</i>	103
Особенности механизма экономического развития	103
Группирование и специфика деловых отношений	114
Отличительные черты управленческой системы японских компаний	128
Своеобразие системы мотивационного управления персоналом	139
<i>Глава V. Японский тип культуры</i>	150
Постановка проблемы и периодизация истории культуры	150
Синтетичность культуры и открытость к восприятию внешнего влияния	157
Культурно-психологический генотип японцев	167
<i>Summary</i>	177

Научное издание

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН. М., 1996

**Редакционно-издательский отдел Института востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12**

*Заведующий отделом Ю.В.Чудодеев
Редактор М.С.Грикурова*

Художник А.Е. Жуков

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

*Сдано в набор 24.04.96. Подписано в печать 15.07.96.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 11. Тираж 500 экз. Изд. № 5.
заказ № 1425*

*Редакционно-издательский отдел Упрполиграфиздата
Администрация Московской области
Москва, ул. Глинищевского, стр.1*

Отпечатано в Орехово-Зуевской типографии